Е. Самокишъ-Судковская

Въѣздъ въ усадьбу
„Ясная Поляна".

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

~~537-29/12-40~~
532-19/24/2.

п 34 г.

~~14448~~

~~255326~~
88826

ЯСНОПОЛЯНСКІЙ ПРУДЪ

Тип. П.П. Сойкина, Стремянная д. 12.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ МЕЖСКРАННАЯ
Отдел Обл. библиотеки

Ко
1448/600

Отдел Народного Образования Д. С. Р.
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ
ВЕРХ ЯНА

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ

КРИТИКО = БІОГРАФИЧЕСКОЕ
ИЗСЛѢДОВАНІЕ
Н. Г. МОЛОСТВОВА и П. А. СЕРГѢЕНКО
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
А. Л. ВОЛЫНСКАГО
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ
ВЪ ЗАВѢДЫВАНІИ
Е. П. САМОКИШЪ = СУДКОВСКОЙ.

Е. Самокишъ-Судковская.

II л. илл.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Моск. Обл. Библиотеки

Изданіе «Л. Н. Толстой.—Жизнь и творчество» отпечатано въ типографіи Книгоиздательства П. П. Сойкина въ С.-Петербургѣ.

Гелиогравюры, меццо-тинто и фототипіи воспроизведены Ф. А. Брокгаузъ въ Лейпцигѣ, Ф. Брукманъ въ Мюнхенѣ и Т-вомъ Р. Голике и Вильборгъ въ С.-Петербургѣ.

Клише исполнены С. М. Прокудинъ-Горскимъ и Т-вомъ Р. Голике и А. Вильборгъ въ С.-Петербургѣ.

Бумага изготовлена на Красносельской писчебумажной фабрикѣ Т-ва Насл. К. П. Печаткина.

Шрифтъ словолитни Акц. Общ. О. И. Леманъ въ С.-Петербургѣ.

Краски фабрики И. И. Беггрова въ С.-Петербургѣ, Бейтъ и К⁰ въ Гамбургѣ.

891.7
М-75

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО.

1828—1908 г.г.

88826 бф

RXIX
M757

ИЗДАНІЕ КНИГО-
ИЗДАТЕЛЬСТВА
П. П. СОЙКИНА.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

(по фотогр. 1906 г.)

Академии педагогического образования А. С. Р. и
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ
ВЕРХ РНА

Центральное книгохранилище
Обл. Библиотек

Е. Самокишъ-Будковскій.

„Толстой—это океанъ"
Н. Лѣсковъ.

ТОЛСТОЙ—это океанъ»,—сказалъ Н. С. Лѣсковъ. Дѣйствительно, личность Толстого сложилась изъ такого множества элементовъ, она такъ глубока и разностороння по своему содержанію, что трудно найти болѣе удачное слово для выраженія огромности того впечатлѣнія, которое производятъ жизнь и творчество этого замѣчательнаго человѣка. Его душа, испытавшая всѣ бури страстей и всѣ просвѣтленія человѣческой духовности, въ самомъ дѣлѣ, настоящій океанъ ощущеній, настроеній, стремленій и мыслей. Книги его, отразившія это безконечно сложное и почти непостижимое по богатству психологическое и идейное содержаніе, это одновременно и высочайшее искусство, и величайшее откровеніе человѣческаго сердца. И въ какомъ сложномъ сочетаніи встаютъ передъ нами тѣ элементы, изъ которыхъ развилась его личность, его писательская индивидуальность! Съ одной стороны, Толстой является едва-ли не типичнѣйшимъ и глубочайшимъ выразителемъ своей народности, а съ другой—онъ какъ-бы поднимается надъ уровнемъ своей національности и воплощаетъ въ себѣ морально-религіозныя исканія всего современнаго человѣчества. Съ одной стороны, мы видимъ въ немъ черты индивидуальнаго, личнаго характера, а съ другой—характера свободно-универсальнаго, всечеловѣческаго, такъ сказать, сверхличнаго, безличнаго.

Вотъ почему, изучая жизнь и творчество Толстого, необходимо постоянно имѣть въ виду обѣ развернувшіяся въ немъ стихіи: и почвенно-историческую стихію, и идеально-внѣвременную. Одна изъ нихъ объясняетъ намъ полную красокъ и темперамента натуру Толстого, съ ея наслѣдственно-родовыми особенностями, сквозь другую мы улавливаемъ его духъ, такъ сказать, идеальное подобіе Толстого, ту нравственную высоту, на которой созерцаетъ его весь міръ, и которая дѣлаетъ его центромъ симпатій всего человѣчества.

ГЛАВА I.

Предки.

Черниговская лѣтопись XIV в. — Легендарный предокъ Л. Н. Толстого.—„Цесарскія земли“.—Спорный вопросъ.—Мнѣніе Сергѣя Львовича Толстого. — Критическія замѣчанія относительно иноземнаго, происхожденія Толстого. — Біологія и психика. — Петръ Андреевичъ Толстой. — Историческій прообразъ Л. Н. Толстого. — Бунтарскій духъ.—Толстые до-петровскаго и петровскаго періода. — Новыя настроенія въ родѣ Толстыхъ.

ЧТО представляетъ собою Толстой съ точки зрѣнія историко-біологической преемственности? Насколько чисто сказалась въ немъ русская народность?

На этотъ вопросъ въ родословной Толстого мы отвѣта не находимъ: по крайней мѣрѣ, прямыхъ и рѣшающихъ указаній на этотъ счетъ въ ней не имѣется. Существуетъ мнѣніе, основанное на сказаніяхъ родословцевъ, что графы Толстые происходятъ «отъ мужа честна Индриса, выѣхавшаго изъ нѣмецъ, изъ Цесарскія земли» въ Черниговъ, въ 1353 году. По этой легендѣ правнукъ Индриса, Андрей переселился изъ Чернигова въ Москву и здѣсь-то и получилъ отъ Василія Темнаго прозвище Толстого. Основываясь на сообщеніяхъ черниговской лѣтописи и на «Россійской родословной книгѣ» князя П. Долгорукова, казанскій профессоръ Н. П. Загоскинъ представилъ первую документальную родословную Толстого и указалъ, что въ графской отрасли рода Толстыхъ Л. Н. Толстой «числится отъ родоначальника Индриса въ 20-мъ колѣнѣ». Той-же самой генеалогіи Толстого придерживается, слѣдуя за профессоромъ Загоскинымъ, и П. И. Бирюковъ. Не отрицаетъ своего происхожденія отъ выходца «изъ нѣмецъ» и самъ Л. Н. Толстой. Объ этомъ имѣется свидѣтельство его нѣмецкаго біографа Р. Л. Левенфельда, въ его брошюрѣ «Разговоры съ Толстымъ и о Толстомъ». На вопросъ Левенфельда, вѣрно-ли, что графы Толстые нѣмецкаго происхожденія, Л. Н. Толстой, давъ утвердительный отвѣтъ, сказалъ: «Родоначальникъ нашей фамиліи назывался Дикъ и переселился въ Россію нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ. Наша теперешняя фамилія есть только переводъ нѣмецкаго слова». Съ легкой руки Левенфельда, опубликовавшаго

эти слова Л. Н. Толстого въ 1891 году, всѣ рѣшительно позднѣйшіе біографы Толстого неизмѣнно повторяли исторію Дика и легенду о нѣмецкомъ происхожденіи рода Толстыхъ. Потомкомъ «выходца изъ Пруссіи» называетъ Л. Н. Толстого С. А. Берсъ, отъ германцевъ-же ведутъ его происхожденіе Евгеній Цабель, Шмидтъ, Штаубъ и другіе иностранные и русскіе его біографы.

Такимъ образомъ, нѣмецкое происхожденіе Л. Н. Толстого многочисленными біографами признается за несомнѣнный фактъ, нетребующій никакихъ провѣрокъ и оговорокъ. Однако, въ дѣйствительности, уже на основаніи самой родословной Толстыхъ, ведущей свое начало отъ сказаній Черниговской лѣтописи XIV вѣка, можно съ нѣкоторымъ правомъ оспаривать если не нѣмецкое, то, во всякомъ случаѣ, прусское происхожденіе Л. Н. Толстого. Не говоря уже о томъ, что, вообще, сомнительнымъ представляется переселеніе иностранца въ Черниговъ въ 1353 г., т. е. за тридцать лѣтъ до Куликовской битвы, въ самый острый моментъ татарскаго владычества въ Россіи, и притомъ въ страшный годъ «черной смерти», чумы, самыя слова «нѣмецъ» и «Цесарскія земли» легко могли въ устахъ невѣжественнаго лѣтописца означать совсѣмъ не Пруссію и даже не Германію, а, вообще, Западную Европу, вообще, чужеземцевъ.

Но, помимо этихъ общихъ соображеній, нѣмецкое происхожденіе Л. Н. Толстого можетъ быть подвержено сомнѣнію и съ другой стороны. «Такъ какъ гербы русскихъ дворянъ пошли только съ Петра Перваго, — говоритъ С. Л. Толстой, — а всѣмъ хотѣлось имѣть гербы, то многіе и, вѣроятно, въ томъ числѣ Толстые, выдумывали, что они происходятъ отъ знатныхъ иностранныхъ родовъ, у которыхъ есть старинные гербы. Поэтому весьма вѣроятно, что вся исторія съ Индрисомъ есть вымыселъ, сочиненный для того, чтобы Толстые и другіе потомки Индриса имѣли гербъ. Пишу это для того, чтобы разсѣять ту нелѣпость, что Левъ Николаевичъ нѣмецкаго происхожденія».

Итакъ, вопросъ о происхожденіи Л. Н. Толстого отъ выходца «изъ нѣмецъ» остается пока открытымъ. При этомъ не нужно забывать, что характеръ Л. Н. Толстого далеко не во всемъ типично славянскій, что есть люди, неусматривающіе даже въ его внѣшности ярко выраженнаго славянскаго типа. Съ другой стороны, необходимо помнить, что и со стороны матери Толстой до извѣстной степени тоже, въ своемъ родѣ, «нѣмецъ», вѣрнѣе сказать, иноземецъ, такъ какъ Рюриковичи — потомки не коренныхъ жителей русской равнины. Наконецъ, надо имѣть еще въ виду, что, теряясь въ IX вѣкѣ со стороны матери и въ XIV вѣкѣ со стороны отца, родъ Толстыхъ, пережившій съ той отдаленной эпохи и татарское иго, и смутное время, и реформы Петра, легко могъ впитать въ себя и какую-либо другую иноземную кровь, вѣроятнѣе всего, татарскую. На это указываетъ, напримѣръ, П. Н. Петровъ, въ своемъ обширномъ изслѣдованіи «Исторія родовъ русскаго дворянства». Высказывая ту-же мысль, что и мы, относительно невѣроятности переселенія нѣмцевъ въ Россію въ началѣ XIV вѣка, онъ дополняетъ ее весьма цѣнными соображеніями о самой личности легендарнаго Индриса. По его мнѣнію, Индрисъ есть искаженное имя татарскаго вельможи Тенгри, который, послѣ смерти хана Чанибека, какъ и многіе другіе, долженъ былъ бѣжать, спасая свою жизнь отъ

Гербъ Гр. Толстыхъ.

внутренней смуты въ Ордѣ. Сначала Тенгри-Индрисъ попалъ, вѣроятно, въ Ростовъ, или въ Ярославль, гдѣ въ XIII и XIV вѣкахъ княжили Константинъ и Ѳедоръ. Ими, повидимому, онъ и былъ крещенъ и названъ въ православіи Леонтіемъ, въ честь мѣстнаго святого, епископа Леонтія. Догадываться объ этомъ позволяетъ то обстоятельство, что и оба сына Тенгри-Леонтія тоже получили имена мѣстныхъ князей—Константина и Ѳедора. Приведенный взглядъ П. Н. Петрова ставитъ вопросъ о происхожденіи Л. Н. Толстого на совершенно новую точку зрѣнія, до сихъ поръ никѣмъ изъ біографовъ не использованную. Поэтому мы и выдвигаемъ ее. Правда, она основана на однѣхъ только догадкахъ, но, во всякомъ случаѣ, въ ней больше логики и исторической вѣроятности, чѣмъ въ ходячемъ взглядѣ, принятомъ всѣми біографами Толстого, будто онъ потомокъ какого-то нѣмца Дика. Насколько шатко послѣднее предположеніе, можно судить по тому, что гр. Бобринскій въ своемъ трудѣ «Дворянскіе роды» доказываетъ литовское происхожденіе Индриса.

Но скептически относясь, вмѣстѣ съ графомъ С. Л. Толстымъ, къ исторіи Индриса, мы, тѣмъ не менѣе, видимъ въ этой «легендѣ», получившей право гражданства въ біографической литературѣ о Толстомъ, намекъ и указаніе на что-то важное и значительное въ происхожденіи и развитіи личности Л. Н. Толстого. Скрещиваніе расъ давно признано прогрессивнымъ факторомъ культуры, и иноземный ферментъ въ крови Толстого, на который какъ-бы указываетъ легенда Индриса, и является, можетъ быть, тою силою, которая изъ русскаго генія сдѣлала генія всемірнаго, всечеловѣческаго.

Становясь въ вопросѣ объ иноземномъ происхожденіи Толстого на такую точку зрѣнія, допускающую въ немъ не только нѣмецкую кровь, но и кровь варяжскую и даже татарскую, мы съ тѣмъ большимъ правомъ можемъ защищать слѣдующій несомнѣнный фактъ первостепеннаго біографическаго значенія: каково-бы ни было происхожденіе Толстого, какъ-бы ни смѣшивалась въ его предкахъ со стороны отца и матери славянская русская кровь съ кровью выходца изъ Литвы, татарскаго вельможи Тенгри, или какихъ-нибудь другихъ иноземцевъ, во всякомъ случаѣ, надо признать, что предки Л. Н. Толстого сидѣли на русской землѣ многія столѣтія подрядъ, впитывали въ себя ея нравственную атмосферу, принимали живое участіе въ ея судьбахъ, проникались ея нравами и обычаями, боролись съ врагами Россіи, говорили и молились на ея языкѣ, ея понятіями.

Такимъ образомъ, психическая организація Толстого, поскольку она зависѣла отъ окружающей среды и историческихъ, а не біологическихъ, вліяній, можетъ и по праву должна быть признана русской. Въ этомъ смыслѣ Толстой едва-ли не болѣе коренное и типичное національное явленіе, чѣмъ «арапъ» Пушкинъ. Онъ явился созданіемъ всей русской исторіи, не только идейной, но и бытовой, всей русской національной жизни, со всѣми ея сложными перипетіями и соціально-политическими напластованіями, съ ея великими неправдами и не менѣе великими бушеваніями освобождающейся, мучительно медленно и мучительно трудно, воли интеллигентныхъ классовъ.

Подневольное иго татарщины, со всѣми сопутствовавшими ему сложными измѣненіями въ бытѣ и психологіи народа, а также и въ государственномъ строительствѣ, взаимныя распри удѣльныхъ княжествъ, годы безумствъ Ивана Грознаго, паденіе вольнаго Великаго Новгорода, смутное время передъ 1613 годомъ, эпоха «тишайшаго» царя и, наконецъ, революціонно-реформаторское царствованіе «Саардамскаго плотника»—вотъ какую разнозвучную гамму чувствъ, мыслей и настроеній, вотъ какую школу характеровъ

пережили и прошли предки Л. Н. Толстого, отъ Индриса до П. А. Толстого, этого перваго дѣйствительно историческаго лица въ родѣ Толстыхъ, лица, о которомъ мы можемъ судить не только по «легендамъ» и догадкамъ, но и по цѣлому ряду хорошо извѣстныхъ и вполнѣ установленныхъ фактовъ изъ его интересной жизни и выдающейся политической дѣятельности.

Будучи, по преданію, однимъ изъ потомковъ Индриса, Петръ Андреевичъ Толстой служилъ въ 1683 г. стольникомъ при дворѣ и былъ однимъ

изъ главныхъ зачинщиковъ стрѣлецкаго бунта. Такимъ образомъ, бунтарскій духъ въ родѣ Толстыхъ далъ себя знать въ яркой формѣ еще за 200 лѣтъ до великаго морально-религіознаго бунтарства Л. Н. Толстого. На длинномъ, почти пятисотлѣтнемъ пути отъ легендарнаго Индриса (1353) до автора «Исповѣди» (1879—81 гг.) возвышается только одна высокая историческая вѣха, указывающая дорогу къ Толстому: революціонеру духа предшествуетъ политическій революціонеръ, зачинщикъ стрѣлецкаго бунта. Однако этотъ «бунтъ» П. А. Толстого только вспышка, не больше. Какъ только положеніе царевны Софіи поколебалось, П. А. Толстой рѣзко перемѣнилъ фронтъ и перешелъ на сторону Петра. Онъ спасъ свою жизнь и будущую жизнь «великаго писателя русской земли», но долго не могъ пріобрѣсти расположеніе царя. Какъ разсказываютъ, Петръ любилъ сдергивать большой парикъ съ головы Петра Толстого и, ударяя его по плѣши, приговаривать: «головушка, головушка, если-бы ты не была такъ умна, то давно-бы съ тѣломъ разлучена была». Насколько, вообще, близокъ былъ къ царю, П. А. Толстой, видно изъ слѣдующаго, до сихъ поръ остававшагося неизвѣстнымъ, факта, записаннаго для насъ гр. С. А. Толстой со словъ Л. Н. Толстого: «Однажды Петръ Великій послалъ Петру Андреевичу рѣзной работы на кости маленькій свой портретъ, съ надписью на немъ: Посылаю тебѣ мою рожу своей работы». Медальонъ этотъ долгое время хранился въ семьѣ Толстыхъ, но потомъ куда-то пропалъ. Впослѣдствіи П. А. Толстой впалъ въ немилость Петра II, сына казненнаго царевича Алексѣя. Причиной этой немилости, а затѣмъ и ссылки Петра Толстого въ Соловецкій монастырь, было его содѣйствіе гибели царевича. Онъ былъ посланъ Петромъ Великимъ въ Неаполь, гдѣ скрывался царевичъ Алексѣй, и хитростью, застращиваніями и ложными обѣщаніями склонилъ его къ возвращенію въ Россію, а затѣмъ принялъ участіе и въ самой казни царевича. Это жестокое дѣло бросаетъ темную тѣнь на личность Петра Андреевича, но если посмотрѣть на весь характеръ этого человѣка въ свѣтѣ исторической перспективы и тогдашнихъ вѣроломныхъ нравовъ, то нельзя не почувствовать въ немъ бушеванія огромныхъ силъ, огромной воли. Та-же сила, та-же огромная воля чувствуется и въ Л. Н. Толстомъ, но уже одухотворенная, направленная не на внѣшнюю, а на внутреннюю, душевную жизнь. Зародыши будущаго Л. Толстого можно усмотрѣть и въ другихъ чертахъ П. А. Толстого: не говоря уже объ его природномъ умѣ, это былъ человѣкъ въ высшей степени дѣятельный, подвижной, любознательный. Онъ — первоклассный дипломатъ, переводчикъ «Метаморфозъ» Овидія, ученый изслѣдователь и наблюдатель разнообразныхъ сторонъ окружающей его современности. Сохранился даже дневникъ заграничнаго путешествія П. А. Толстого отъ 1699 г.

Совершенно иное впечатлѣніе производитъ внукъ Петра Андреевича, графъ Андрей Ивановичъ Толстой, прадѣдъ Льва Николаевича. Въ противоположность дерзновенному, умному и наблюдательному П. А. Толстому, человѣку съ яснымъ разсчетомъ и желѣзной волей, Андрей Ивановичъ— натура, повидимому, мягкая, безвольная и крайне чувствительная. Самъ Левъ Николаевичъ передаетъ со словъ своей тетушки, что однажды Андрей Ивановичъ заплакалъ отъ того, что жена его поѣхала на какой-то балъ, не простившись съ нимъ.

Ближе подходитъ, по характеру, къ Андрею Ивановичу, чѣмъ къ

Гр. И. А. Толстой

Петру Андреевичу, и дѣдъ Толстого, графъ Илья Андреевичъ Толстой. По словамъ Льва Николаевича, это былъ «человѣкъ ограниченный, очень мягкій, веселый и не только щедрый, но и безтолково-мотоватый, а, главное, довѣрчивый». Черты Ильи Андреевича легко усмотрѣть въ старикѣ Ростовѣ изъ «Войны и Мира». Рисуя образъ хлѣбосольнаго и чувствительно - слезливаго московскаго графа, Толстой, несомнѣнно, пользовался чертами характера своего дѣда, а, можетъ быть, и прадѣда.

Дѣдомъ Л. Н. Толстого заканчивается его родословная, и мы подходимъ теперь къ послѣднему и наиболѣе важному источнику для пониманія основныхъ элементовъ личности Толстого: къ его отцу и матери. Что-же касается родословной послѣдней, то она до такой степени не полна и отрывочна, что дѣлать изъ нея какіе-либо конкретные выводы невозможно. Единственное лицо, выступающее въ этой родословной достаточно выпукло, это дѣдъ Толстого по матери, князь Николай Сергѣевичъ Волконскій, личности котораго мы коснемся ниже, при характеристикѣ его дочери Марьи Николаевны.

Итакъ, если обнять однимъ взглядомъ всю родословную Толстого со стороны отца, отъ Индриса до Петра Андреевича Толстого, то невольно бросается въ глаза одна общая всѣмъ предкамъ Толстого черта. Всѣ они, отъ Индриса, переселившагося изъ «нѣмецъ» въ дикую Русь, которая стонала тогда подъ монгольскимъ игомъ, до Андрея, переѣхавшаго изъ Чернигова въ Москву къ суровому Василію Темному, и, наконецъ, до П. А. Толстого, этого типичнаго сотрудника Петра Великаго, всѣ они люди воли, дѣйствія, люди, по преимуществу, борьбы, важныхъ политическихъ комбинацій. Совершенно иную картину даетъ намъ родъ Толстыхъ послѣ Петра. Петръ Андреевичъ Толстой, закончившій свою сложную карьеру въ роли палача царевича Алексѣя, это какъ-бы кульминаціонный пунктъ предпріимчивости и политическаго азарта Толстыхъ. Уже въ лицѣ Андрея Ивановича замѣчается упадокъ дѣятельной энергіи въ Толстовскомъ родѣ. Вмѣсто людей воли, политиковъ и бунтовщиковъ, передъ нами выступаютъ люди съ явными чертами безволія, размягченной

душевности: признакъ будущаго расцвѣта какой-то новой силы, направленной не на внѣшній, а на внутренній міръ. Дѣдъ Льва Толстого, Илья Андреевичъ, если сравнить его съ П. А. Толстымъ, кажется человѣкомъ какого-то совсѣмъ иного міра. Онъ не только стоитъ въ сторонѣ отъ главныхъ рычаговъ государственнаго управленія, но представляетъ собою типичнаго, бездѣятельнаго, крѣпостного помѣщика. Это добрякъ, способный до слезъ умиляться самыми незначительными явленіями окружающей жизни, хлѣбосолъ и мотъ, до смѣшного довѣрчивый, котораго обирали всѣ, кому было не лѣнь.

Таковъ рѣзкій контрастъ между Толстыми до-петровскими, Толстыми борьбы, дѣятельности, личной иниціативы, кузнецами собственной судьбы, и Толстыми послѣ-петровскими, Толстыми помѣщиками, людьми замкнутаго круга личныхъ и семейныхъ радостей, внутренней, душевной жизни. У первыхъ «въ житейскомъ бурномъ потокѣ растетъ и закаляется характеръ», у вторыхъ—«въ тишинѣ уединенія» зрѣютъ тѣ зерна чувствъ, изъ которыхъ «развивается и крѣпнетъ талантъ».

Изъ этой «тишины уединенія», изъ этой мирной и честной жизни богатыхъ старыхъ баръ и вышелъ великій талантъ автора «Дѣтства».

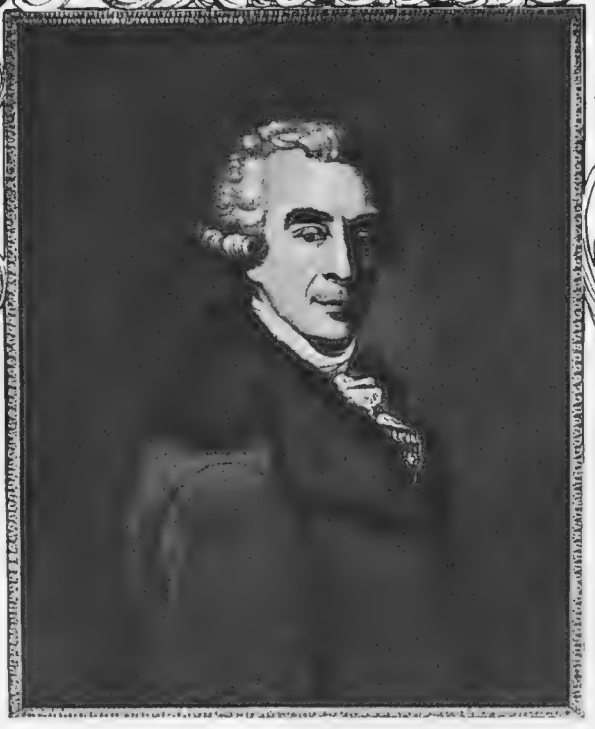
МОГИЛЫ ПРЕДКОВЪ
въ сельцѣ Кочакахъ.

ГЛАВА II.

Родители.

ДИНОКАЯ дѣвическая жизнь М. Н. Волконской въ Ясной Полянѣ. — Характеристика Л. Н. Толстого. — Тревоги свѣтлой души. — Вѣчныя зори любви. — Собственноручные письма и дневники Марьи Николаевны. — Анализъ. — Отецъ. — Стихійное бушеваніе силъ. — „Военное ремесло“. — Отставка. — Хозяйство, охота, книги. — Неустойчивыя тяготѣнія въ разныхъ направленіяхъ. — Мечтательный размахъ. — Фрондерство. — „Прощай, свободная стихія“.

О РОДИТЕЛЯХЪ Толстого, также, какъ и объ его предкахъ, извѣстно очень немногое. Отца своего Толстой потерялъ, когда ему было девять лѣтъ, а мать его скончалась въ 1830 году, когда онъ еще не достигъ и двухлѣтняго возраста. Такимъ образомъ, все, что мы знаемъ объ отцѣ Толстого, основывается или на дѣтскихъ, конечно, очень субъективныхъ впечатлѣніяхъ и воспоминаніяхъ его сына, или-же на весьма немногихъ достовѣрныхъ фактахъ, которые могла установить біографія гр. Николая Ильича Толстого. Еще болѣе неполонъ и отрывоченъ біографическій матеріалъ, относящійся къ матери Толстого. Къ счастью, у Л. Н. Толстого сохранилась довольно обширная переписка его родителей, переписка ихъ съ близкими людьми, а также цѣлый рядъ различныхъ замѣтокъ и дневниковъ его матери. Эти драгоцѣнные документы проливаютъ яркій свѣтъ, какъ на личность отца Толстого, такъ и на обворожительную личность его матери, Марьи Николаевны. Но изучая этотъ біографическій матеріалъ

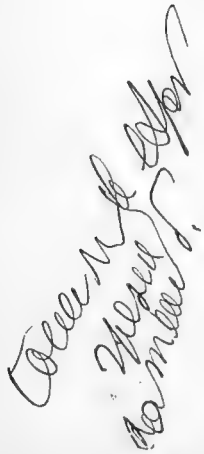


Кн. Ник. Серг. Волконскій.

и отыскивая въ немъ тѣ данныя, которыя такъ или иначе должны помочь подойти къ личности матери Л. Н. Толстого, а черезъ нее и къ личности ея сына, приходится часто—именно въ виду отсутствія въ немъ хронологическихъ датъ и разныхъ фактическихъ указаній—довѣряться только чутью, психологическимъ догадкамъ.

Относительно матери Толстого можно съ увѣренностью сказать, что это была женщина далеко не ординарная. Она была прекрасно образована, знала французскій, нѣмецкій, англійскій и итальянскій языки, хорошо играла на фортепіано, прекрасно владѣла перомъ, была мастерица разсказывать и отличалась чуткостью къ искусству. Что касается ея нравственныхъ качествъ, то, по словамъ Толстого, больше всего изъ дѣтей походилъ на нее старшій сынъ Николай Николаевичъ, не случайно, повидимому, имѣвшій на Л. Н. Толстого, какъ увидимъ дальше, громадное вліяніе. Главнѣйшими-же чертами характера своей матери Толстой, на основаніи слышанныхъ имъ разсказовъ о ней, считаетъ правдивость, доброту и крайнюю скромность, добродушное, съ налетомъ мягкаго юмора, отношеніе къ окружающимъ людямъ и, наконецъ, при общей сдержанности натуры, нѣкоторую вспыльчивость.

Единственная дочь достигшаго высокихъ чиновъ генералъ-аншефа, князя Николая Сергѣевича Волконскаго, отличавшагося, повидимому, нѣсколько грубоватымъ и крайне независимымъ характеромъ, благодаря которому онъ попалъ при Екатеринѣ II въ опалу и потерялъ свое положеніе, Марья Николаевна, будущая мать Толстого, провела часть дѣтства и почти все свое дѣвичество въ Ясной Полянѣ. Кромѣ отца, единственнымъ близкимъ человѣкомъ въ домѣ была для Марьи Николаевны компаньонка француженка. Хотя Толстой и ошибается, относя отставку своего дѣда и его женитьбу ко времени воцаренія Павла, все-же, въ общей сложности, мать Толстого прожила уединенной деревенской жизнью около двадцати лѣтъ. Въ этомъ обстоятельствѣ и нужно искать объясненія нѣкоторыхъ важныхъ чертъ въ характерѣ Марьи Николаевны. Принимая, напримѣръ, во вниманіе суровость стараго князя, подтверждаемую фактами его жизни и художественнымъ обликомъ старика Болконскаго въ «Войнѣ и Мирѣ», не трудно понять, какимъ образомъ, при наслѣдственной вспыльчивости характера, мать Толстого выработала въ себѣ такую сдержанность, что никогда не



Замѣтка Л. Н. Толстого на поляхъ корректуры: „Сослать въ Арх. за женитьбу на такой б.“

выходила изъ себя: «вся покраснѣетъ, даже заплачетъ, — разсказываетъ со словъ ея горничной Л. Н. Толстой,—но никогда не скажетъ грубаго слова». Эта сдержанность—плодъ деспотическаго обращенія отца, который все кругомъ подчинялъ своей суровой волѣ. Хотя образъ Маріи Болконской въ «Войнѣ и Мирѣ» и представляетъ собою художественный вымыселъ, въ которомъ реальныя черты Марьи Николаевны окутаны творческой фантазіей Толстого, тѣмъ не менѣе въ этомъ образѣ можно съ несомнѣнностью уловить нѣкоторые штрихи, сливающіеся съ дѣвическимъ обликомъ матери Толстого. Одинокая жизнь молодой княжны, наслѣдовавшей отъ отца эстетическія наклонности и живой темпераментъ, не могла также не развить въ ней потребности самоуглубленія и внутренней работы надъ собой. Но она больше уходитъ въ образы, въ созерцанія, чѣмъ въ разныя личныя психологіи. Съ другой стороны, недостатокъ свободной, дѣятельной жизни, естественно, долженъ былъ породить въ ней потребность самоотверженной, дѣятельной любви, окрашенной извѣстной мечтательностью. Живой темпераментъ молодой дѣвушки не могъ удовлетвориться обществомъ замкнутаго, суроваго отца и компаньонки француженки, а занятія музыкой и чтеніемъ, смягчая напряженную внутреннюю жизнь, лишь усиливали мечтательность и окрыляли фантазію. Мать Толстого ищетъ выхода своимъ свѣтлымъ силамъ сначала въ дѣятельной любви къ своему отцу, затѣмъ къ компаньонкѣ француженкѣ, потомъ къ жениху, который незадолго до ихъ свадьбы внезапно умираетъ, и, наконецъ, къ собственнымъ дѣтямъ отъ человѣка, женившагося на ней не столько по увлеченію, сколько по разсчету, и котораго она сама любила больше, какъ отца ея дѣтей, какъ человѣка, чѣмъ какъ мужа. «Ей необходимо было любить не себя,— говоритъ о ней Л. Н. Толстой—и одна любовь смѣнялась другой».

Эта общая характеристика матери Л. Н. Толстого получаетъ живыя краски и детальное обоснованіе въ ея дневникахъ, письмахъ и различныхъ замѣткахъ, сохранившихся въ Ясной Полянѣ и впервые публикуемыхъ нами на этихъ страницахъ. Драгоцѣнные документы эти, имѣющіе огромное историко-литературное значеніе, проливаютъ такой яркій свѣтъ на личность матери Толстого, на ея дѣвическую и женскую психологію, на характеръ ея отношеній къ мужу и къ дѣтямъ, что, не ознакомившись съ ними, не только невозможно подойти къ пониманію индивидуальности Л. Н. Толстого, но и нельзя также оцѣнить всю глубину его художественной прозорливости въ «Войнѣ и Мирѣ».

Всѣхъ документовъ, написанныхъ рукою матери Л. Н. Толстого, кромѣ писемъ, одиннадцать. Одни изъ нихъ относятся къ дѣвическимъ годамъ Марьи Николаевны, другіе—ко времени ея замужества. Первый изъ нихъ представляетъ собою обыкновенную тетрадь, въ четвертушку, сшитую изъ 10 листовъ простой бумаги. На тетради надпись: «Нѣкоторыя примѣчанія, ведущія къ познанію хлѣбопашества въ Сельцѣ Ясной Полянѣ». Начинаются эти «примѣчанія», писанныя, очевидно, подъ диктовку князя Николая Сергѣевича и затѣмъ уже тщательно, почти печатными буквами, переписанныя рукою Марьи Николаевны, съ опредѣленія различныхъ мѣръ и измѣреній, переименованія всѣхъ родовъ полей и т. д. Второй документъ такая-же тетрадь, какъ и первая, но нѣсколько большая по объему. Называется онъ: «Примѣчанія о Математической, Физической и Политической Географіи». На обложкѣ, повидимому, рукою князя Николая Сер-

гѣевича, надписано: «Для княжны Волконской». Сначала идетъ вступленіе: «§ 1. Географія есть описаніе земли. § 2. Земля (шаръ земной) есть тѣло почти шарообразное, считающееся между планетами и т. д. § 3. Географія раздѣляется на три части: 1) На Математическую. 2) На Физическую. 3) На Политическую» и т. д. Затѣмъ начинается «Отдѣленіе первое». Тутъ идетъ рѣчь о «Математической Географіи», о «началѣ, раздѣленіи Астрономіи и разныхъ системахъ міра». Здѣсь встрѣчается, между прочимъ, такая классификація: «Астрономія раздѣляется: 1) На сферическую... 2) На теоретическую, которая разсуждаетъ о строеніи и свойствѣ тѣлъ, составляющихъ міръ, и законахъ истинныхъ движеній». Тутъ-же даются опредѣленія и различныхъ системъ міра: Вавилонянъ и Пиѳагора, Платона и Птоломея,

Верхняя зала въ Яснополянскомъ домѣ.

система Египтянъ, «Система Коперникова, Тихо-Брагова». Еще далѣе даются объясненія, по Копернику, «О звѣздахъ», «О планетахъ», «О землѣ». Слѣдующій отдѣлъ: «О Политической географіи». § 1 гласитъ: «Государства управляются владѣтелями или свѣтскими, или духовными. а) Между свѣтскими примѣчанія достойны Императоры, Короли, Князья, Курфирсты, Ерцгерцоги» и т. д. б) Между духовными: «Папа со своими Кардиналами, Патріархи, Архіепископы, Епископы, Аббаты или Игумены». Затѣмъ идутъ характеристики «деспотическаго или самовластнаго» правленія, «монархическаго или самодержавнаго», «аристократическаго», наконецъ, «демократическаго или народнаго», въ которомъ «законодательная власть зависитъ отъ всего народа». Кончаются записки описаніемъ Европы и Россіи.

jours pour se préparer: je mon mari n'a
pas pû assister aux prieres pendant la sixième
semaine, c'est qu'il avoit beaucoup d'embarras
au sujet de l'achat de la terre de Thys:
qui est enfin conclu. Adieu, chere et bonne
Toinette, comme je me confesserai demain,
je vous prie de me pardonner si je vous ai
offensé en quelque chose. je vous embrasse
de tout mon coeur. Votre sincere amie
Marie. Cte. Tolstoï.

Е. Самокиш Судковская

ЦЕНТРАЛЬНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Моск. Обл. Библиотеки

Очевидно, объ описанныя нами тетради—остатки тѣхъ «лекцій», которыя читалъ своей дочери князь Н. С. Волконскій, крайне заботившійся объ ея умственномъ развитіи. И когда читаешь эти старинные, пожелтѣвшіе отъ времени листки, передъ глазами живо встаетъ сцена урока, который старикъ Болконскій даетъ княжнѣ Марьѣ:

— Ну, сударыня,—началъ старикъ, пригнувшись близко къ дочери надъ тетрадью и положивъ одну руку на спинку кресла, на которомъ сидѣла княжна, такъ-что княжна чувствовала себя со всѣхъ сторонъ окруженною тѣмъ табачнымъ и старчески ѣдкимъ запахомъ отца, который она такъ давно знала.—Ну, сударыня, треугольники эти подобны; изволишь видѣть, уголъ *abc*...

И когда, волнующаяся отъ страха передъ суровымъ, властнымъ и раздражительнымъ отцомъ, княжна ничего не понимаетъ и ошибается отвѣтомъ, старикъ еще болѣе горячится, вскакиваетъ и начинаетъ браниться:

— Ну, какже не дура!—крикнулъ князь, оттолкнувъ тетрадь и быстро отвернувшись; но тотчасъ-же всталъ, прошелся, дотронулся руками до волосъ княжны и снова сѣлъ. Онъ придвинулся и продолжалъ толкованіе.

— Нельзя, княжна, нельзя,—сказалъ онъ, когда княжна, взявъ и закрывъ тетрадь съ заданными уроками, уже готовилась уходить: математика великое дѣло, сударыня. А чтобы ты была похожа на нашихъ барынь, я не хочу.

Какимъ образомъ Толстой 40 лѣтъ тому назадъ могъ нарисовать эту сцену, ничего не зная тогда о приводимыхъ нами документахъ, съ которыми онъ познакомился много лѣтъ спустя, по окончаніи «Войны и Мира»—это навсегда останется тайной его искусства. Но что онъ дѣйствительно вѣрно учуялъ и понялъ характеръ воспитанія своей матери и педагогическіе принципы своего дѣла—объ этомъ свидѣтельствуютъ ученическія тетради Марьи Николаевны. Князь Н. С. Волконскій, въ самомъ дѣлѣ, не хотѣлъ, чтобы дочь его «была похожа на нашихъ барынь». Кромѣ математики, географіи, исторіи и сельскаго хозяйства, въ программу его занятій съ дочерью входило множество и другихъ предметовъ. Будучи, повидимому, самъ серьезно образованнымъ для своей эпохи человѣкомъ, онъ хотѣлъ передать всѣ свои знанія и дочери. Такъ же, какъ и старикъ Болконскій въ «Войнѣ и Мирѣ», Николай Сергѣевичъ не любилъ «праздности и суевѣрія» и признавалъ «только двѣ добродѣтели: дѣятельность и умъ». То, что говоритъ о старомъ опальномъ князѣ изъ Лысыхъ горъ авторъ «Войны и Мира», всецѣло можетъ быть отнесено и къ отцу матери Л. Н. Толстого. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, «самъ занимался воспитаніемъ своей дочери и, чтобы развивать въ ней объ главныя добродѣтели, до двадцати лѣтъ давалъ ей уроки алгебры и геометріи, и распредѣлялъ всю ея жизнь въ безпрерывныхъ занятіяхъ». Среди бумагъ, оставшихся послѣ Марьи Николаевны, мы нашли нѣкоторыя мелкія замѣтки, которыя прямо указываютъ на это. Мать Толстого, дѣйствительно, проводила дни своего дѣвичества въ постоянныхъ занятіяхъ не только науками, но и хозяйствомъ, и садомъ. Такъ, напримѣръ, на отдѣльномъ листкѣ имѣется ея собственная запись: «Какъ чистить серебро». Затѣмъ въ небольшой тетради, ея-же рукой, сдѣлана подробная опись сада, въ которой перечислены не только всѣ фруктовыя деревья, но и цвѣточныя клумбы. Но еще нагляднѣе и полнѣе обрисовывается та необычная, даже для нашего времени, серьезность и основательность, съ какой воспитывалъ и развивалъ свою дочь князь

22226

Центральное книгохранилище Обл. Библиотеки

Николай Сергѣевичъ, въ довольно обширномъ дневникѣ Марьи Николаевны отъ 1810 года объ ея поѣздкѣ съ отцомъ изъ Москвы въ Петербургъ.

Дневникъ этотъ является также чрезвычайно важнымъ источникомъ для пониманія личности самой Марьи Николаевны. Озаглавленъ онъ: «Дневная запись для собственной памяти». Начинается-же онъ такъ: «1810 г. Іюня 18 дня, выѣхала я съ батюшкою изъ Москвы съ сердцемъ, исполненнымъ радости, но съ тощимъ кошелькомъ, въ которомъ было только четыре рубли; и эта сумма должна была довести меня до Петербурга». Уже въ этихъ немногихъ строкахъ заключаются цѣнные штрихи для пониманія молодой шестнадцатилѣтней княжны: она и до ребячливости наивна, и въ то-же время не по лѣтамъ разсудительна и самостоятельна. Она наивна, когда думаетъ о своемъ «тощемъ кошелькѣ», который долженъ «довести» ее до Петербурга, потому-что вѣдь ѣдетъ она съ богатымъ отцомъ, но она разсудительна и самостоятельна, потому-что, даже «съ сердцемъ исполненнымъ радости», способна не забывать житейскую прозу. Тѣ-же черты выступаютъ передъ нами и въ дальнѣйшихъ строкахъ дневника. Такъ, пріѣхавъ въ деревню Давыдовку къ брату Ник. Сергѣевича, кн. Александру Сергѣевичу, она записываетъ: «Сестра княжна Варвара показывала мнѣ свои занятія: у нее восемь дѣвокъ, которыя прекрасно плетутъ кружева». Но эта бросающаяся въ глаза склонность молодой дѣвушки обращать вниманіе на практическую сторону жизни, развитая въ ней, очевидно, отцомъ, далеко не преобладающая въ ней черта. Когда Марья Николаевна соприкасается съ природой или съ искусствомъ, окружающая проза жизни всегда отступаетъ для нея на задній планъ. Въ той-же самой Давыдовкѣ, осмотрѣвъ тамошнія мѣста, она дѣлаетъ въ своемъ дневникѣ такую замѣтку: «со всѣхъ сторонъ открываются прелестные виды; въ лѣсу есть натуральныя гулянія, которыя, кажется, будто сдѣланы искусствомъ». Вообще, все красивое неизмѣнно привлекаетъ ея вниманіе. Некрасивая сама, она душой живетъ всегда въ красотѣ, въ какихъ-то мечтахъ о ней, никогда—такъ же, какъ и ея геніальный сынъ—не забывая при этомъ полезной стороны наблюдаемыхъ ею явленій. И въ этой чертѣ ея явно сказывается вліяніе отца, эстетическая натура котораго не мѣшала ему быть очень практичнымъ и дѣльнымъ хозяиномъ. Въ Твери Марья Николаевна записываетъ: «Сей городъ очень регулярно построенъ и имѣетъ очень хорошіе домы». А уѣзжая изъ Твери, она дѣлаетъ такое замѣчаніе: «величественная Волга чрезвычайно украшаетъ ее; и я долго любовалась на сію мать Россійскихъ рѣкъ, которая орошаетъ столько Губерній». Про Новгородъ она говоритъ: «Я съ удовольствіемъ увидѣла сей древній городъ, который былъ нѣкогда столицею Россіи, часто противился Великимъ Князьямъ и участвовалъ въ Ганзеатическомъ союзѣ, который игралъ тогда столь знатную ролю». Наконецъ, пріѣхавъ уже въ Петербургъ, она такъ отзывается о Царскомъ Селѣ, черезъ который лежалъ ея маршрутъ: «сіе мѣсто привело меня въ восхищеніе, хотя я только поверхностно могла разсмотрѣть оное. Сей дворецъ, огромное и великолѣпное зданіе, которое я видѣла только съ одной стороны; сіи сады и рощицы, въ которыхъ гуляла Екатерина, сіи бесѣдки, фонтаны на подобіе развалинъ, и обложенныя камнемъ горы, все сіе прельщало меня».

Такова эта шестнадцатилѣтняя дѣвушка, которой суждено было стать впослѣдствіи матерью одного изъ величайшихъ людей прошлаго и начала

настоящаго вѣка. Ея наивность и любознательность, ея незнаніе жизни и ея огромная жажда впечатлѣній, ея тонкая эстетическая натура и какая-то трезвая, разсудительная практичность и склонность ко всему полезному—все это такія черты, которыя, въ болѣе сложномъ сочетаніи, дадутъ себя знать и въ ея сынѣ.

Но «Дневная запись» Марьи Николаевны о ея поѣздкѣ съ отцомъ въ Петербургъ открываетъ передъ нами все новыя и новыя стороны ея характера. Въ Торжкѣ, напримѣръ, заинтересовавшись какими-то картинами, которыя висѣли въ «трактирѣ», гдѣ они останавливались, она пишетъ по поводу нихъ: «Я забавлялась разсматриваніемъ оныхъ: между прочимъ тутъ были изображены четыре части свѣта, и къ каждой была приличная надпись стихами. О Африкѣ было сдѣлано странное примѣчаніе: надпись была слѣдующая: Африка называется нынѣ землею чудовищей; но столько заключаетъ въ себѣ людей, что можетъ нѣкогда наводнить цѣлый свѣтъ»: Затѣмъ, уже отъ себя, Марья Николаевна добавляетъ:

„Какъ-бы сіе не было пророчествомъ! Въ самомъ дѣлѣ, намъ извѣстно по Исторіи, что просвѣщеніе переходитъ отъ одной части свѣта въ другую. Европа была въ такомъ-же варварствѣ, въ какомъ теперь находится Африка, а Азія, въ которой процвѣтали всѣ науки, снова погружена въ невѣжество. Печально подумать, что Европа, можетъ быть, подвергнется такой-же участи и что изобрѣтенія и труды нашихъ современниковъ послужатъ добычею, а потомъ основаніемъ благоденствія какихъ-нибудь дикихъ народовъ, которые впослѣдствіи вѣковъ выступятъ изъ границъ своихъ, и на развалинахъ величія соорудятъ новыя Государства, подобно Франкамъ, Готѳамъ и Англо-Саксонамъ, предкамъ остроумныхъ Французовъ, глубокомысленныхъ Нѣмцевъ и Англичанъ. Все сіе входитъ въ порядокъ Провидѣнія, которое черезъ сіе показываетъ намъ ничтожность того, что мы называемъ политикой и безсмертною славою".

Въ отрывкѣ этомъ насъ поражаетъ не только его стройная и выдержанная мысль, но и самый стиль, какимъ онъ написанъ. Такъ правильно и литературно писать по русски—въ началѣ XIX вѣка—могли лишь немногіе. Тѣмъ болѣе удивительно, что строки эти написала едва-едва вышедшая изъ дѣтства дѣвушка.

Замѣчательны также и другія сужденія, которыя высказываетъ Марья Николаевна въ своемъ дневникѣ, во время пребыванія своего въ Петербургѣ. Всѣ они свидѣтельствуютъ объ ея тонкомъ эстетическомъ чутьѣ, объ ея незаурядной наблюдательности и умѣ. Увидя, напримѣръ, на набережной, на памятникѣ Петра I-го, надпись «Петру I Екатерина II», она заноситъ въ свой дневникъ по поводу этихъ словъ такую замѣтку: «хотя въ нихъ видно большое самолюбіе, однакожъ очень извинительно въ столь великой Монархинѣ». Въ другой разъ, побывавъ въ Эрмитажѣ, она пишетъ, что Рафаэль отличается «живымъ высокимъ выраженіемъ и прекраснымъ колоритомъ», а про Рубенса, гиганта фламандскаго возрожденія, замѣчаетъ, что онъ «силенъ и ужасенъ выраженіемъ другого роду». Наконецъ, въ третій разъ, послѣ представленія въ театрѣ, она такъ записываетъ свое впечатлѣніе отъ игры «Мамзель Жоржъ» въ «Медеѣ»: «сія піеса ужасна, и Мамзель Жоржъ играла ее совершенно; но и здѣсь прочіе актеры не соотвѣтствуютъ ей; что очень уменьшаетъ впечатлѣніе, которое піеса производитъ въ зрителѣ».

Вообще, петербургскія замѣтки Марьи Николаевны, въ ея дневникѣ, полны интереснѣйшихъ деталей, которыя рисуютъ ее съ самыхъ различныхъ сторонъ. То мы видимъ ее читающей «Историческій лексиконъ

съ выборомъ», то застаемъ ее «у князя Федора Сергѣевича» слушающей итальянскаго пѣвца Деликати, то встрѣчаемъ ее на Шпалерной фабрикѣ, которую она осматриваетъ подъ руководствомъ отца, то узнаемъ, что она вела серьезный разговоръ съ кѣмъ-то о воспитаніи. Вотъ она за карточнымъ столомъ играетъ въ макао, вотъ она, вмѣстѣ съ отцомъ, осматриваетъ какой-то прусскій корабль, который стоитъ на Невѣ. Мы видимъ ее въ Академіи художествъ, въ кунсткамерѣ, гдѣ она восторгается бабочками, раковинами и гдѣ благоговѣйно стоитъ передъ восковой, во весь ростъ, фигурой Петра I, о которомъ отзывается затѣмъ въ дневникѣ однимъ словомъ: «герой». И всюду она проявляетъ интересъ къ тому, что видитъ, обо всемъ даетъ въ своихъ запискахъ отзывы, въ которыхъ отражается и ея мечтательная душа, и ея чуткій умъ, и ея пылкое, немного сентиментальное, воображеніе, и это, отмѣченное уже нами, постоянное тяготѣніе ея ко всему красивому. Почти ребенокъ по годамъ, она живетъ умственными интересами взрослаго человѣка. Но душа ея еще по дѣтски чиста и наивна. Вотъ откуда эта устремленность ея отъ себя къ внѣшнему міру, и вотъ почему мы не встрѣчаемъ въ ея дневникѣ никакого самоанализа, никакого углубленія въ собственныя психическія переживанія. Все это придетъ потомъ, все это мы увидимъ въ ея дневникахъ и письмахъ позднѣйшихъ лѣтъ.

Наиболѣе интересными документами, рисующими мать Л. Н. Толстого съ этой стороны, являются: одно ея стихотвореніе, написанное пять мѣсяцевъ спустя послѣ свадьбы, составленный ею самой сборникъ изреченій и мыслей разныхъ авторовъ и наконецъ, ея письма къ мужу и къ Т. А. Ергольской.

Стихотвореніе не требуетъ никакихъ комментарій. Приводимъ его въ нѣсколько проредактированномъ самимъ Л. Н. Толстымъ видѣ:

O, amour conjugal! doux lièn de nos ames!
Source, aliment! De nos plus doux plaisirs!
Remplis toujours nos cœurs de ta celeste flamme
Et au sain de la paix couronne no désirs!

* * *

Je ne demande au Ciel ni grandeur, ni richesse,—
Mon sort tranquille suffit à mes voeux;
Pourvu que mon époux me gardant sa tendresse
Autaut qu'il est chéri soit toujours heureux.

* * *

Que nôtre vie s'écoule comme un ruisseau paisible
Qui ne laisse de traces que parmi les fleurs,
Qu'au plaisir d'aimer toujour plus sensibles,
Nous fixions près de nous le fugitif bonheur!

* * *

Oui, mon cœur me le dit, ce déstin qu'on envie,
Le Ciel, dans sa bonté, l'a gardé pour nous deux,
Et ces noms réunis, Nicolas et Marie,
Désigneront toujours deux mortels heureux.

(Переводъ).

О, супружеская любовь! Нѣжная связь нашихъ душъ! Источникъ самыхъ сладкихъ нашихъ наслажденій! Питай всегда наши сердца твоимъ небеснымъ пламенемъ и въ мирной тишинѣ вѣнчай наши желанія! Я не прошу у неба ни знатности, ни богатства: спокойный жребій мой удовлетворяетъ мои мечты. Только-бы супругъ сохранилъ мнѣ свою нѣжность и былъ такъ-же счастливъ, какъ сильно онъ любимъ. Пусть жизнь наша течетъ, какъ ручеекъ, бѣгущій среди цвѣтовъ, и пусть любовью нашей, все болѣе и болѣе чуткой, остановимъ мы убѣгающее счастье! Да, мое сердце говоритъ мнѣ: это—судьба, которой завидуютъ. Небо, въ своей добротѣ, послало ее намъ. И эти соединенныя имена — Николай и Марія—будутъ всегда обозначать двухъ счастливыхъ смертныхъ.

Что касается сборника изреченій, то его главный интересъ заключается въ не случайномъ, конечно, подборѣ такихъ именно мыслей, которыя подходили подъ настроеніе матери Толстого, вообще гармонировали съ ея собственными задушевными мыслями и влеченіями. Нѣкоторыя изъ изреченій разбиты по рубрикамъ, среди которыхъ отмѣтимъ слѣдующія: «De l'irrésolution», «De la douceur», «De la délicatesse». Другія чередуются случайно. Напримѣръ:

«Les ames froides n'ont que de la mémoire, les ames tendres ont des souvenirs, et le passé pour elles n'est point mort, il n'est qu'absent».

«Il faut que les beaux mouvements de la jeunesse deviennent des principes dans l'age mur».

«Il y a des regards qui font des paroles et des voix qui font de la musique».

«On cherche tout hors de soi dans la première jeunesse; nous faisons des appels de bonheur à tout ce qui existe autour de nous; mais peu à peu tout nous renvoie au dedans de nous mêmes».

«Ce n'est pas toujours l'objet de notre amour qui nous honore, mais ce que nous aimons dans cet objet».

«Souvent l'on résisterait à ses propres passions, mais l'on est entrainé par celles des autres».

(Переводъ).

Холодныя души только помнятъ, нѣжныя-же души живутъ воспоминаніями, и прошедшее для нихъ не умираетъ, а только отсутствуетъ.

Необходимо, чтобы красивые порывы юныхъ лѣтъ сдѣлались принципами въ зрѣломъ возрастѣ.

Есть взгляды, которые говорятъ, и голоса, которые звучатъ, какъ музыка.

Въ ранней молодости ищешь всего внѣ своего Я. Мы призываемъ счастье, обращаясь ко всему, что насъ окружаетъ. Но, мало-по-малу, все обращаетъ насъ внутрь самихъ себя.

Не всегда предметъ нашей любви дѣлаетъ намъ честь, а то, что мы любимъ въ немъ.

Часто мы могли-бы устоять противъ нашихъ собственныхъ страстей, но насъ увлекаютъ страсти другихъ.

Въ письмахъ Маріи Николаевны прекрасно обрисовываются ея отношенія къ мужу и все ея времяпрепровожденіе въ деревнѣ. Всѣ они писаны большею частью по французски, повидимому, въ 1825—1828 гг. Датъ никакихъ. Стиль ихъ превосходный, а содержаніе трогательно, по тонкости выраженныхъ въ нихъ чувствъ и настроеній. Въ одномъ изъ писемъ къ мужу Марья Николаевна пишетъ, напримѣръ, чтобы онъ не безпокоился о ней и не торопился домой, если у него есть дѣла, и затѣмъ прибавляетъ: «il est si doux cependant de te savoir là et de pouvoir t'aller trouver à toute heure!». Сколько въ строкахъ этихъ деликатности и нѣжности, сколько чисто женскаго самоотреченья! Въ другомъ письмѣ къ Николаю Ильичу она разсказываетъ о томъ, какъ бросила читать одну не совсѣмъ нравственную книгу:

«J'avais commencé a lire le voyage d'Anténor en Grèce qui est chez Pauline, mais il est si libre et si rempli d'indéscences, que j'en ai été bientôt dégoutée: certainement quand on est mariée et d'un âge raisonable ou peut lire tout sans crainte, mais quand on a le gout de la pureté et de la vertu, on est bientôt dégoutée de ces sortes de lecture».

(Переводъ).

Я начала читать путешествіе Антенора въ Грецію, которое находится у Полины, но оно до такой степени фривольно и полно неприличій, что оно мнѣ вскорѣ стало противно. Конечно, замужняя женщина, уже способная трезво разсуждать, можетъ читать все безъ всякой боязни. Но когда имѣешь вкусъ къ чистотѣ и къ добродѣтели, такого рода чтенья очень скоро внушаютъ отвращеніе.

Наконецъ, въ третьемъ письмѣ, передавая уѣхавшей Т. А. Ергольской о своемъ житьѣ-бытьѣ, она пишетъ:

«Je fais aussi ma partie de billard tous les jours avec Pauline et quelquefois avec Nicolas. Le soir nous lisons quelquefois ensemble et nous discutons sur Emile que Pauline a commencé à lire».

(Переводъ).

Я также играю каждый день на бильіардѣ съ Полиной, а иногда съ Николаемъ. Вечеромъ мы иногда читаемъ вмѣстѣ и обсуждаемъ Эмиля, котораго Полина начала читать.

Остается упомянуть еще одинъ важный документъ, рисующій Марью Николаевну, какъ мать и воспитательницу своихъ дѣтей. Это двѣ тетради въ осьмушку, озаглавленныя: «Журналъ Поведенія Николиньки отъ 10-го мая до пріѣзда Папиньки», относящійся къ 1826 — 1827 гг. Только дѣйствительно любящая мать можетъ такъ внимательно и вдумчиво слѣдить за своимъ ребенкомъ и направлять его, какъ это дѣлаетъ Марья Николаевна, изо дня въ день, собственноручно записывая въ «Журналъ» каждую характерную особенность въ поведеніи ея сына. Такъ, напримѣръ, она ежедневно отмѣчаетъ въ «Журналѣ», какъ Николинька молился: «молился порядочно», «какъ должно», «какъ молился, то сперва очень спѣшилъ». Она внимательно слѣдитъ, чтобы сынъ ея не игралъ такими предметами, которые могутъ внушить ему дурныя чувства. Она систематически пріучаетъ его къ выдержкѣ, порядку и послѣдовательности, пріучаетъ къ безстрашію, такъ-какъ замѣчаетъ, что онъ «трусоватъ». И вотъ какъ она достигаетъ послѣдняго. Ребенокъ, гуляя съ матерью по саду, замѣтилъ на дорожкѣ жука и испугался его. Мать не насилуетъ его психологіи, не заставляетъ его преодолѣвать страхъ и, скажемъ, тронуть или схватить жука. Она даетъ пройти въ немъ чувству страха и затѣмъ уже, путемъ объясненій и убѣжденій, добивается отъ него слова, что на слѣдующій день онъ принесетъ ей жука «въ зажатомъ кулачкѣ». И мальчикъ, дѣйствительно, на другой день исполняетъ это. А вотъ какъ Марья Николаевна пріучаетъ сына къ выдержкѣ и самообладанію:

„Николинька съ утра былъ уменъ, читалъ очень хорошо, но, читая о птичкѣ, которую застрѣлили, и которая умерла, ему такъ стало ее жаль, что онъ заплакалъ и сказалъ: „нѣтъ, маменька, довольно, я усталъ“. Я видѣла, что это не отъ того, что онъ усталъ читать, но что ему грустно стало о птичкѣ, и хотя это нельзя назвать блажью, ни капризомъ, но какъ сія излишняя чувствительность для мальчика совсѣмъ не годится, то я совѣтовала ему продолжать читать; онъ сперва не хотѣлъ, и все твердилъ плача, что онъ усталъ; это уже становилось немножко блажью, и я хотѣла было его прогнать, но онъ пересталъ, признался, что онъ плакалъ о птичкѣ, самъ сказалъ, что лучше еще почитать, прочелъ опять это мѣсто и еще немножко по далѣе, и тѣмъ сдѣлалъ мнѣ большое удовольствіе“.

Шагъ за шагомъ мы прослѣдили всѣ біографическіе матеріалы о матери Л. Н. Толстого. Мы видѣли ее и въ молодости, и въ зрѣломъ

возрастѣ, мы отмѣтили различныя, бросающіяся въ глаза, черты ея характера и видоизмѣненіе этихъ чертъ, которое произошло съ годами. Но, все-же, мы не имѣемъ еще передъ собой цѣльнаго и законченнаго облика Марьи Николаевны, облика, въ которомъ всѣ разнообразныя стороны ея сложной натуры слились-бы воедино. Такой обликъ дастъ намъ анализъ не отмѣченнаго нами выше письма Марьи Николаевны къ Т. А. Ергольской. Въ этомъ письмѣ, которое, очевидно, вылилось у нея изъ души, мать Л. Н. Толстого выступаетъ передъ нами съ совершенно новой стороны. Приводимъ его цѣликомъ:

«Comment pouvez vous croire chère Toinette que je puisse vous oublier ou ne pas penser a vous parceque j'ai une société agréable. Vous savez que quand j'aime une fois rien ne peut effacer de mon cœur les personnes qui me sont chères, aussi si je ne vous ai pas écris, ce n'est pas que je n'aie pensé à vous bien souvent, mais j'oublie toujours les jours de poste, et je m'en souviens que quand il est trop tard pour écrire. Je ne suis pas éttonnée, chère amie, que votre santé est dérangée, car je connais votre sensibilité, et je sais que vous êtes habituée à vous oublier vous même pour ne songer qu'aux autres. Je suis bien fachée que ma cousine ne consent pas à venir chez nous. Je ne manquerai pas de vous faire savoir dès que mes sœurs seront arrivées; nous les attendions déja tous les jours, mais hier nous avons reçu une lettre dans laquelle elles disent qu'elles éspèrent nous voir cinq ou six jours après que nous avons reçu cette lettre; d'après cela je les attends pour le 20 de ce mai. Le petit se porte bien, et il commence à marcher seul; боятся только пускать его отъ того, что онъ ужасно рѣзовъ; il devient vraiment très gentil: imaginez que je lui raconte déja des contes, il me comprend et il montre par ses gestes ce que je lui dis; ce qui me réjouit le plus c'est qu'il promet d'avoir un très bon cœur; mon amour maternel est à son aise avec vous, chère Toinette, vous avez tant d'amitié pour moi et vous aimez tant mon petit choux que je suis sûr de vous faire autant de plaisir qu'a moi même en parlant de lui. Je passe mon temps très agréablement: vous connaissez Alexandrine Iasikof, son amie mademoiselle Glinsky est une jeune personne très instruite dont l'esprit est très cultivé, et la conversation très agréable, mais très sentimentale et un peu romanesque, au reste elle a une sensibilité si vraie et un caractère si doux et si égal qu'il est impossible de ne pas l'aimer quand on la connait quoi qu'à la première connaissance et quand elle n'est pas à son aise, elle peut paraître affectée et même ennyeuse, mais cela ne provient que d'une trop grande défiance d'elle même et de l'habitude de se nourrir de chimères qui la rand par fois comme étrangère à la réalité, mais quand elle est à son aise et avec des personnes qui lui conviénnent, cela disparait tout à fait et elle devient toute une autre personne. Je m'arrange très bien avec toutes les deux, je fais de la musique, je ris et je folâtre avec l'une et je parle sentiment je médis du monde, frivole avec l'autre, je suis aimee à la folie par toute les deux, je suis la confidente de chacune, je les concilie, quand elles sont brouillées, car il n'y eut jamais d'amitié plus querelleuse et plus drôle à voir que la leure: ce sont des bouderies, des pleurs, des reconciliations, des injures et puis des transports d'amitié exaltée et romanesque. Enfin j'y vois comme dans un miroir l'amitié qui a animé et troublé ma vie pendant quelques années. Je les regarde avec un sentiment indéfinissable, quelque fois j'envie leurs illusions, que j'e n'ai plus, mais dont je connais la douceur; disant le franchement, le bonheur solide et réel de l'age mur vaut-il les charmantes illusions de la jeunesse, où tout est embelli par la toute puissance de l'imagination? Et quelques fois je souris de leur enfantillage.

«Bientôt nous resterons seuls, car je crois qu'elles partent après demain. Adieu aimable et chère amie, j'espère que vous serez contente de la longueur et de l'abandon de cette lettre, j'ai même tant jasé que je ne sais si j'oserai montrer cette lettre à mon mari. Je vous embrasse aussi tendrement que je vous aime. Il est temps de finir car nous avons une visite, c'est Нат. Алекс. que j'ai expédié chez maman. Mon mari vous embrasse. Je crois que Maman vous écrira elle même. Rappellez moi au souvenir de ma cousine.

Toute à vous

(Переводъ). Marie».

„Какъ могли Вы предположить, дорогая Таня, что я способна забыть Васъ или не думать о Васъ потому, что у меня есть пріятное общество. Вы знаете, что если я кого-нибудь полюблю, то ничто уже не можетъ вытравить изъ моего сердца

того, кто мнѣ дорогъ. Не писала-же я Вамъ не потому, что не думала о Васъ,—думала я о Васъ часто—а оттого, что я всегда забывала тѣ дни, когда уходитъ почта, и спохватывалась лишь тогда, когда писать уже было поздно. Я не удивляюсь, дорогой другъ, что здоровье Ваше разстроено: знаю Вашу чувствительность, Вашу привычку забывать себя для другихъ. Я очень огорчена, что моя кузина не хочетъ пріѣхать къ намъ. Не премину сообщить Вамъ, какъ только сестры мои прибудутъ сюда; мы поджидали ихъ со дня на день, но вчера получили письмо, въ которомъ онѣ говорятъ, что надѣются увидѣть насъ черезъ пять или шесть дней послѣ того, какъ мы получимъ это письмо. Вотъ почему я жду ихъ къ двадцатому текущаго мая. Мой мальчикъ здоровъ и уже начинаетъ ходить одинъ; боятся только пускать его отъ того, что онъ ужасно рѣзовъ. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, становится очень милымъ ребенкомъ: вообразите, я уже разсказываю ему сказки, онъ понимаетъ меня и жестами повторяетъ мои слова. Что болѣе всего меня радуетъ, это то, что у него, повидимому, доброе сердце. Мнѣ легко, дорогая Таня, говорить съ Вами о моей материнской любви. Вы питаете ко мнѣ такую дружбу и такъ любите моего мальчугана, что, говоря о немъ, я навѣрное доставляю Вамъ такое-же удовольствіе, какъ и себѣ. Я провожу время очень пріятно. Вы знаете Сашу Языкову,—ея подруга, барышня Глинская, молодая, очень образованная дѣвушка, съ очень развитымъ умомъ, и чрезвычайно пріятная собесѣдница, хотя и очень сентиментальная и чуточку романтичная. Но, въ концѣ концовъ, сентиментальность ея такъ натуральна, а характеръ такъ мягокъ и ровенъ, что, узнавъ, ее нельзя не полюбить. Однако, при первомъ знакомствѣ, особенно если она не въ духѣ, можетъ показаться, что она аффектирована и скучна. Но это происходитъ только отъ ея слишкомъ большого недовѣрія къ себѣ и отъ ея привычки жить химерами, привычки, которая часто совершенно отрѣшаетъ ее отъ жизни. А когда она въ хорошемъ настроеніи и ее окружаетъ общество подходящихъ людей, все это исчезаетъ, и она становится инымъ человѣкомъ. Мнѣ хорошо съ обѣими, я занимаюсь музыкой, смѣюсь и дурю съ одной, говорю о чувствахъ, пересуживаю свѣтъ, вѣтренничаю съ другой; я любима до безумія обѣими, храню секреты каждой, мирю ихъ, когда онѣ поссорятся, такъ-какъ не было на свѣтѣ дружбы болѣе капризной и ребячливой, чѣмъ ихняя. Постоянныя взаимныя неудовольствія, слезы, примиренія, оскорбленія и затѣмъ—порывы восторженной и романтической дружбы. Однимъ словомъ, наблюдая ихъ, я вижу, какъ въ зеркалѣ, ту дружбу которая одушевляла и смущала мою жизнь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Съ невыразимымъ чувствомъ смотрю на нихъ, иногда завидую ихъ иллюзіямъ, которыхъ у меня уже нѣтъ, но сладость которыхъ я знаю. Говоря откровенно, счастье прочное и дѣйствительное зрѣлаго возраста, стоитъ-ли оно очаровательныхъ иллюзій юности, гдѣ все бываетъ украшено всесильнымъ воображеніемъ? А иногда я улыбаюсь ихъ ребячеству.

Скоро мы остаемся одни, такъ-какъ завтра онѣ, кажется, уѣзжаютъ. Прощайте, любезный и дорогой другъ. Надѣюсь, что Вы довольны моимъ длиннымъ письмомъ, моими откровенными изліяніями. Я даже такъ разболталась съ Вами, что не знаю, рѣшусь-ли показать это письмо мужу. Обнимаю Васъ столь-же нѣжно, какъ люблю. Пора кончать, такъ-какъ у насъ гостья Нат. Алекс., которую я спровадила къ маменькѣ. Мой мужъ цѣлуетъ Васъ. Маменька, кажется, напишетъ Вамъ сама. Напомните обо мнѣ моей кузинѣ.

Вся Ваша

Марія".

Эти безподобныя строки объ «иллюзіяхъ», о «прочномъ счастьѣ зрѣлаго возраста», о «романтической дружбѣ», строки, стиль которыхъ, по образности и ясности, по безыскусственности и простотѣ, напоминаетъ нѣкоторыя страницы изъ «Дѣтства», при внимательномъ и вдумчивомъ ихъ изученіи, являются чрезвычайно цѣннымъ матеріаломъ для пониманія главнаго нерва всей личности Марьи Николаевны. Прежде всего, въ строкахъ этихъ передъ нами выступаетъ ея сентиментально-поэтическая натура. Ей «хорошо съ обѣими», она занимается «музыкой», «смѣется и дуритъ», «говоритъ о чувствахъ», она нѣжная посредница во взаимныхъ распряхъ

на почвѣ «восторженной и романтической дружбы». Такова интимная жизнь матери Толстого въ ея наиболѣе характерныхъ, женственныхъ выраженіяхъ. Но всѣ свои переживанія она видитъ, «какъ въ зеркалѣ». Въ «зеркалѣ» видитъ она и свою музыкальность, и свое отношеніе къ людямъ, свое самоощущеніе («вѣтренничаю»), «капризную» дружбу къ себѣ подругъ, наконецъ, свое прошлое. И при этомъ, по поводу чужихъ радостей, ее охватываетъ, вѣроятно, на фонѣ собственныхъ огорченій и неудачной любви, дымчато-легкая меланхолія: вотъ почему она говоритъ объ «иллюзіяхъ». Однако, эти «иллюзіи» не потеряли окончательно власти надъ ней, она еще помнитъ ихъ, въ ней еще пульсируетъ отголосокъ тончайшей дѣвической эротики, съ ея невыразимой «сладостью». Но фактически она уже отрѣшилась отъ иллюзій и вотъ почему высказываетъ прямую и ясную мысль «о прочномъ» и «дѣйствительномъ счастьѣ зрѣлаго возраста». Она понимаетъ непреложный законъ жизненной прозы, она видитъ всю ея серьезность, всю ея значительность, но въ ея воображеніи поэзія связана съ «очаровательными иллюзіями юности, гдѣ все бываетъ украшено всесильнымъ воображеніемъ». Въ ней навсегда остается, никогда не умираетъ ея дѣвическая мечта, ничѣмъ и никогда не заглушается тотъ мотивъ, въ которомъ женская моральность и женская эстетика слиты неразрывно.

Таковъ чарующій образъ матери Толстого, поскольку онъ выступаетъ въ собственноручныхъ строкахъ ея записей—въ ея дневникахъ, письмахъ и различныхъ замѣткахъ. И образъ этотъ не только сливается съ тѣмъ, что говоритъ о ней Л. Н. Толстой, но до извѣстной степени гармонируетъ и съ образомъ Маріи Болконской.

Гр. Ник. Ильичъ Толстой передъ отставкой.

Отецъ Толстого, по словамъ сына, былъ «средняго роста, хорошо сложенъ, живой сангвиникъ, съ пріятнымъ лицомъ и съ всегда грустными глазами». Такимъ выглядитъ онъ и на портретахъ, въ которыхъ больше всего останавливаютъ на себѣ вниманіе именно эти грустные глаза, такъ хорошо гармонирующіе съ общимъ благороднымъ, аристократическимъ изяществомъ всей его мечтательной фигуры, его нѣжныхъ рукъ, съ ихъ длинными, тонкими, очевидно выхоленными, пальцами. Тоже, какъ и мать Толстого, единственный сынъ своихъ родителей (братъ его былъ горбунъ и умеръ въ дѣтствѣ), графъ Николай Ильичъ прожилъ въ семьѣ лишь до шестнадцати-семнадцати лѣтъ. Вѣроятно, потребность разгулять свои молодыя силы и обаяніе имени Наполеона, прогремѣвшаго въ 1812 г. своими побѣдами и угрожавшаго уже Россіи, потянули юношу въ армію. И вотъ, «несмотря на ужасъ и страхъ и отговоры родителей», онъ въ семнадцать лѣтъ состоитъ уже адъютантомъ при генералѣ Горчаковѣ, который командовалъ чѣмъ-то въ дѣйствующей арміи. Однако, несмотря на настойчивое желаніе, проявленное имъ при поступленіи на военную службу, вопреки волѣ родителей, Николай Ильичъ несъ ея лямку очень недолго.

Военная служба не удовлетворила его. Уже въ первый годъ службы, въ 1812 году, онъ 28 декабря пишетъ родителямъ изъ Гродно письмо, въ которомъ выражаетъ сожалѣніе, что долженъ провести праздники «розно съ ними», а нѣсколько дальше, въ томъ-же письмѣ, онъ, какъ-бы оправдываясь въ своемъ малодушіи, говоритъ: «Не были еще ни разу въ сраженіи и не имѣемъ надежды въ немъ скоро быть, а видѣлъ все то, что война имѣетъ ужасное; я видѣлъ места верстъ на десять заспанныя тѣлами; вы не можете представить, какое ихъ множество на дорогѣ отъ Смоленска до мѣстечка Красное». Наконецъ, уже кончая свое письмо, семнадцатилѣтній юноша, въ порывѣ откровенности, восклицаетъ: «Признаюсь вамъ, мои милые, что есть-ли бы я не держался русской пословицѣ «Взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ», я-бы можетъ оставилъ военное ремесло; вы можетъ мнѣ скажитѣ, что я не имѣю права говорить это, оставя ужъ все то, что я всего болѣе на свѣтѣ люблю; но что-жъ дѣлать, я также какъ другой не умѣлъ быть доволенъ своимъ состояніемъ».

Въ строкахъ этихъ, описывающихъ «места верстъ на десять заспанныя тѣлами», въ этомъ ужасѣ, который внушаетъ храброму Николаю Ильичу звѣриная жестокость войны, въ этомъ отзывѣ его о военщинѣ, какъ о «ремеслѣ», во всемъ его настроеніи, какъ-бы слышатся первые отдаленные раскаты того антимилитаристическаго грома, который прозвучитъ впослѣдствіи въ безсмертной художественной эпопеѣ 1812 года. И можно-ли удивляться, что Николай Ильичъ не разгулялъ своей молодой силы въ бояхъ, не сдѣлалъ на «военномъ ремеслѣ» карьеру? Для него это было такъ-же невозможно, какъ 40 лѣтъ спустя для Л. Н. Толстого. И вотъ почему,

уже въ 1819 г., т. е., прослуживъ всего семь лѣтъ, отецъ Толстого выходитъ въ отставку, послѣ чего вскорѣ женится и поселяется съ семьей въ Ясной Полянѣ, имѣніи жены. Здѣсь онъ занимается хозяйствомъ, охотой, много, но, повидимому, безпорядочно читаетъ и, наконецъ, много и часто разъѣзжаетъ по своимъ дѣламъ, которыя ко времени женитьбы, по смерти отца, оказались очень запутанными.

Насколько можно представить себѣ графа Николая Ильича Толстого, по описанію его сына, и по собственнымъ его письмамъ, это былъ человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ крайне неустойчивый. Его тянетъ въ военную службу, но онъ совсѣмъ не типичный военный. Онъ помѣщикъ, но плохой хозяинъ. Онъ любитъ читать и собирать книги, любитъ охоту, но въ то-же время въ немъ нѣтъ звѣриной страстности охотника. Вообще, сосредоточиться на чемъ-нибудь одномъ онъ не можетъ. И, смотря на его портретъ, все больше и больше начинаешь понимать его «всегда грустные глаза». На все онъ смотритъ сквозь какую-то грусть, сквозь какую-то внутреннюю критику. Чувствуется какая-то особенная зыбкость всѣхъ его настроеній: весь его личный составъ какъ-бы постоянно разлагается, разсыпается, дифференцируется въ лучѣ внутренняго свѣта, имъ самимъ хорошо несознаваемаго. У него широкій горизонтъ и тяготѣніе къ разнообразнымъ умственнымъ интересамъ. Онъ читаетъ классиковъ литературы, изучаетъ исторію и естественныя науки. Но истинныхъ силъ для воплощенія этихъ тяготѣній у него не было. Это былъ человѣкъ широкаго размаха, но размаха мечтательнаго. По осторожному свидѣтельству Л. Н. Толстого, многія книги въ его библіотекѣ остались непрочитанными, хотя онъ и руководился правиломъ «не покупать новыхъ книгъ, не прочитавъ ранѣе купленныхъ». Рядомъ съ этими основными чертами его характера и въ значительной мѣрѣ въ зависимости отъ нихъ, чувствуешь въ немъ какую-то постоянную тонкую нравственную настроенность, весьма чуткую ко всякой фальши и искусственности въ общественныхъ отношеніяхъ. Такъ, его натурѣ совершенно была чужда, повидимому, всякая политическая кружковщина. Онъ не либералъ, но человѣкъ личнаго достоинства, такъ сказать, естественный «фрондеръ», человѣкъ естественнаго отпора всему злому въ жизни, чуждый всякой программы, хотя-бы и самой широкой. Въ немъ всегда жила непроизвольная какая-то враждебность ко всему чиновному, холодному и узкому. Чрезвычайно характерно въ этомъ отношеніи одно изъ его писемъ къ женѣ отъ 1826—27 года. Говоря о какомъ-то важномъ чиновникѣ Осипѣ Ивановичѣ, онъ иронически восклицаетъ: «il se croit tellement un homme necessaire à L'Empire qu'il me parle presque plus; а я говорю, что я его не боюсь, мнѣ нужды нѣтъ, что онъ шталмейстеръ, и у меня былъ шталмейстеръ Коноваловъ, который былъ и толще и выше его, да и того я не только не боялся, но даже... (далѣе рукопись неразборчива)». Въ немъ кипѣли мысли, и загоралась вспышками воля, но той однотонности волевого настроенія и того упорства мысли, которыя есть у его сына и которыя дѣлаютъ его почти фанатикомъ, у него не было. Онъ не герой, но въ немъ чувствуется культъ героическаго. Въ жизни своей онъ не совершилъ ни одного настоящаго подвига, ни внутренняго, ни внѣшняго, но онъ любитъ воображеніемъ («человѣкъ мечтательнаго размаха») бурный разливъ волнъ и стихійную мощь великихъ завоеваній Наполеона. Однажды онъ заста-

вилъ сына прочесть ему наизусть стихи Пушкина «Къ морю»: «Прощай, свободная стихія», и стихи, посвященные Наполеону: «Чудесный жребій совершился, угасъ великій человѣкъ» и т. д. «Его поразилъ, очевидно, тотъ пафосъ, съ которымъ я произносилъ эти стихи,—вспоминаетъ по этому поводу Л. Н. Толстой—и онъ, прослушавъ меня, какъ-то значительно переглянулся съ бывшимъ тутъ Языковымъ. Я понялъ, что онъ что-то хорошее видитъ въ моемъ чтеніи, и былъ очень счастливъ этимъ». Какъ ярко рисуется въ этой сценѣ отецъ Толстого и его вліяніе на сына. Сынъ заучиваетъ то, что отвѣчаетъ натурѣ отца и что именно поэтому полюбилось и ему: очевидный гипнозъ отца на сына. Но вотъ сынъ съ пафосомъ читаетъ стихотворенія Пушкина, и тутъ уже чувствуется гипнозъ сына на отца: отецъ какъ-бы слышитъ въ пафосѣ сына свой собственный, невыраженный въ жизни пафосъ, такъ сказать, реализацію своей собственной мечты о пафосѣ.

Таковы тѣ яркіе штрихи, которые разбросаны въ воспоминаніяхъ сына о Николаѣ Ильичѣ и въ собственныхъ письмахъ послѣдняго. Человѣкъ симпатичный и несомнѣнно одаренный, онъ не былъ приспособленъ къ жизни. Всегда учтивый, добрый, ласковый, безоблачно веселый, беззлобно насмѣшливый и, повидимому, остроумный, Николай Ильичъ напоминаетъ чѣмъ-то отдаленно Пушкина, но безъ его южной, пламенной страстности, а своими аристократическими манерами, выхоленными бѣлыми руками и особенно своими «всегда грустными» глазами, лучшія, благороднѣйшія черты стараго русскаго барства, того мыслящаго и уже раздвоеннаго въ своей психологіи барства, изъ среды котораго вышли авторъ «Записокъ Охотника» и первый гигантъ идейной русской революціи—Герценъ.

Гр. Н. И. Толстой.
въ молодые годы.

Л.Н. ТОЛСТОЙ

въ 1848 г.

Е. Самокишъ Судковская.

Вологодская областная универсальная
научная библиотека

1. Гр. Илья Андреевичъ Толстой.— 2. Гр. Николай Ильичъ Толстой.— 3. Княгиня Екатерина Дмитріевна Волконская.

4. Гр. Александра Ильинична Толстая. — 5. Гр. Пелагея Ильинична Толстая.—6. Владиміръ Ивановичъ Юшковъ.

Е. Самокиш-Судковская.—

ГЛАВА III.

Татьяна Александровна Ергольская.

„Черная, курчавая, огромная коса и агатово-черные глаза“. — Весталка физической любви.— Воспоминанія Л. Н. Толстого.—Муціи Сцевола. „Духовное наслажденіе любви“ и „прелесть неторопливой, одинокой жизни“. — Духовная мать Л. Н. Толстого. — Общіе выводы.

РЕТЬЕ, послѣ отца и матери, самое важное, въ смыслѣ вліянія на мою жизнь, была тетенька, какъ мы называли ее, Татьяна Александровна Ергольская»,—пишетъ Л. Н. Толстой, начиная свои воспоминанія объ этой рѣдкой, по своимъ нравственнымъ качествамъ, женщинѣ, весталкѣ физической любви, сыгравшей такую большую роль въ его жизни. А еще нѣсколько далѣе, въ этихъ-же воспоминаніяхъ, онъ говоритъ, что Т. А. Ергольская «имѣла самое большое вліяніе» на его жизнь. Уже одно это обстоятельство заставляетъ насъ обратить особенное вниманіе на личность Т. А. Ергольской и поставить ее, при изученіи біографіи Толстого, сейчасъ-же послѣ его родителей, тѣмъ болѣе, что «тетенька» замѣнила будущему писателю въ его ранніе дѣтскіе годы не только мать, но и отца.

Т. А. Ергольская была дальняя родственница бабушки Толстого и попала къ ней въ домъ совершенно случайно, по жребію, который тянули

помѣщица Скуратова и бабушка Толстого, когда возникъ вопросъ о томъ, какъ и куда пристроить ее и ея сестру, которыя остались маленькими сиротами. Будучи ровесницей отца Толстого, Т. А. Ергольская воспитывалась наравнѣ съ тетками писателя и пользовалась въ домѣ всеобщею любовью. При твердомъ, рѣшительномъ и энергичномъ характерѣ, это была личность крайне самоотверженная, вся проникнутая свѣтлой любовью не только къ людямъ, но и ко всему окружающему міру. Этими сторонами своего характера Т. А. Ергольская и повліяла на Толстого, который въ своихъ воспоминаніяхъ о ней останавливается, главнымъ образомъ, на фактахъ, передающихъ именно эти черты. Такъ, напримѣръ, говоря о Т. А. Ергольской, Толстой замѣчаетъ, между прочимъ, что онъ «никогда не думалъ о томъ, красива или не красива она». Между тѣмъ, «съ своей жесткой, черной, курчавой огромной косой и агатово-черными глазами и оживленнымъ, энергическимъ выраженіемъ» она, прибавляетъ Толстой, должна была быть очень привлекательна. «В. И. Юшковъ, мужъ тетки Пелагеи Ильинишны, большой волокита, часто, уже старикомъ, съ тѣмъ чувствомъ, съ которымъ говорятъ влюбленные про прежній предметъ любви, вспоминалъ про нее: «Toinette, oh elle était charmante».

Правда, Толстой сталъ отчетливо помнить Т. А. Ергольскую, когда ей «было уже за сорокъ», но и тогда она была еще настолько привлекательна, что отецъ Толстого, которому было всего сорокъ одинъ годъ, рѣшился сдѣлать ей предложеніе. Т. А. Ергольская отказалась пойти замужъ, но, какъ говоритъ и самъ Толстой, и какъ даетъ понять коротенькая записка Т. А. Ергольской объ этомъ важномъ моментѣ ея жизни, причина этого отказа лежала совсѣмъ не въ томъ обстоятельствѣ, что она считала для себя слишкомъ позднимъ выходить замужъ, а въ исключительныхъ особенностяхъ ея натуры. Она, говоритъ Толстой, «не хотѣла портить своихъ чистыхъ, поэтическихъ отношеній съ нимъ и съ нами». А вотъ что говоритъ записочка самой Ергольской: «16 Августа 1836. Николай сдѣлалъ мнѣ сегодня странное предложеніе—выйти за него замужъ, замѣнить мать его дѣтямъ и никогда ихъ болѣе не оставлять. Я отказала первое предложеніе, и обѣщалась исполнить второе, пока я буду жива». Если имѣть въ виду, что Т. А. Ергольская, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Толстой, «любила отца, и отецъ любилъ ее», и что «она не пошла за него въ молодости для того, чтобы онъ могъ жениться на богатой» княжнѣ Маріѣ Николаевнѣ Волконской, то «странность» предложенія, сдѣланнаго отцомъ Толстого Т. А. Ергольской, черезъ шесть лѣтъ послѣ смерти Маріи Николаевны, находитъ себѣ нѣкоторое оправданіе. И ужъ, конечно, Т. А. Ергольская назвала это предложеніе «страннымъ» не потому, что считала себя некрасивой и слишкомъ старой для замужества, а просто потому, что самый мотивъ предложенія былъ странный — «замѣнить мать его дѣтямъ». Точно отецъ Толстого не зналъ, что и безъ всякаго замужества Т. А. Ергольская исполнитъ это!

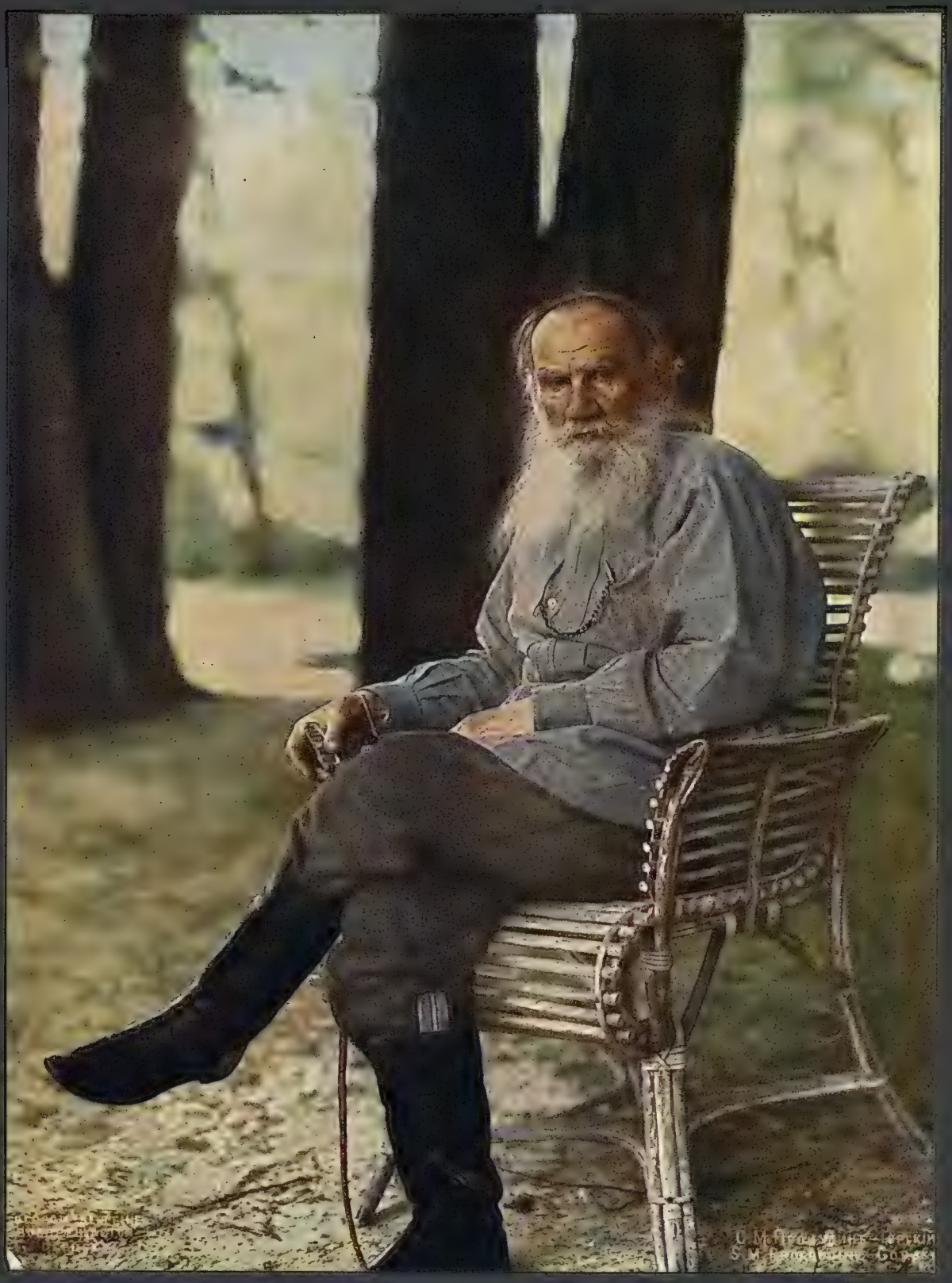
Уже въ самыхъ раннихъ воспоминаніяхъ 5-6-лѣтняго возраста Т. А. Ергольская, которая не могла не быть тогда красивой въ свои 35 лѣтъ, представляется Толстому только «доброй, нѣжной, жалостливой»: о внѣшности ея онъ даже не думаетъ. Очаровательный обликъ этой женщины, несшей всю жизнь крестъ долга, врѣзался въ память Л. Н. Толстого навсегда. Такъ онъ не можетъ забыть разсказа о томъ, какъ, будучи еще ребен-

комъ, Т. А. Ергольская, прочитавъ исторію Муція Сцеволы, захотѣла уподобиться ему. Дѣло было такъ. Дѣти заспорили по поводу прочитаннаго о томъ, кто изъ нихъ рѣшился-бы сдѣлать то, что сдѣлалъ Муцій Сцевола. «Я сдѣлаю»,—сказала Т. А. Ергольская, и, дѣйствительно, она вытянула голую руку, — тогда дѣвочки ходили всегда декольте — и Языковъ (крестный отецъ Толстого) приложилъ обугленную линейку. Она нахмурилась, но не отдернула руки и застонала только тогда, когда линейка съ кожей отодралась отъ руки». Таковы-же, по общему своему характеру, и всѣ другія воспоминанія Л. Н. Толстого о Т. А. Ергольской, за всю ея болѣе чѣмъ 20-лѣтнюю совмѣстную съ нимъ жизнь въ Ясной Полянѣ. Такъ, напримѣръ, Толстой вспоминаетъ, что, когда онъ уже «былъ женатъ», и Т. А. начала слабѣть, она разъ, выждавъ время, когда онъ былъ въ ея комнатѣ, отвернувшись и едва удерживая слезы, сказала ему: «Вотъ что, mes chers amis, комната моя очень хорошая и вамъ понадобится. А если я умру въ ней, вамъ будетъ непріятно воспоминаніе, такъ вы меня переведите, чтобы я умерла не здѣсь». Точно такое-же отношеніе къ Т. А. Ергольской проглядываетъ и въ письмахъ Толстого къ ней съ Кавказа. Въ письмѣ изъ Тифлиса отъ 6 Января 1852 г. онъ, выговаривая Т. А. Ергольской за ея желаніе умереть, между прочимъ, пишетъ: «Что осталось-бы для меня, если-бы Богъ услышалъ Вашу молитву. Ради кого старался-бы я стать лучше, имѣть хорошія качества, составить о себѣ хорошее мнѣніе въ свѣтѣ». И далѣе: «Когда я дѣлаю что-нибудь хорошее, я доволенъ собою потому, что знаю, что Вы будете довольны мною». Въ другомъ письмѣ, позднѣйшаго періода, Толстой такими чертами описываетъ «осенніе и зимніе длинные вечера» своей совмѣстной жизни съ Ергольской въ Ясной Полянѣ: «Главная прелесть этой жизни была въ отсутствіи всякой матеріальной заботы, въ добрыхъ отношеніяхъ ко всѣмъ, въ твердыхъ, несомнѣнно добрыхъ отношеніяхъ къ ближайшимъ лицамъ, которыя никѣмъ не могли быть нарушены, и въ неторопливости, въ несознаваніи убѣгающаго времени». Опять полное отсутствіе всего эстетическаго и полное погруженіе въ замкнутый міръ «неторопливыхъ», «добрыхъ» нравственныхъ отношеній къ окружающимъ. А вотъ что говоритъ еще Толстой въ тѣхъ-же воспоминаніяхъ о личности Т. А. Ергольской: «Никогда она не учила тому, какъ надо жить, словами, никогда не читала нравоученій. Вся нравственная работа была переработка въ ней внутри, а наружу выходили только ея дѣла, и не дѣла, дѣлъ не было, а вся ея жизнь, спокойная, кроткая, покорная и любящая не тревожной, любующейся на себя, а тихой, незамѣтной любовью. Она дѣлала внутреннее дѣло любви, и потому ей не нужно было никуда торопиться. И эти два свойства — любовность и неторопливость — незамѣтно влекли въ общество къ ней и давали особенную прелесть въ этой близости». Эти два «свойства» Т. А. Ергольской и произвели наибольшее вліяніе на Толстого. Какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ, еще въ дѣтствѣ она научила его «духовному наслажденію любви», а затѣмъ «прелести неторопливой, одинокой жизни».

Такова эта «тетенька» Татьяна Александровна Ергольская. Она занимаетъ въ жизни, въ духовномъ рожденіи и нравственномъ развитіи Толстого, огромное мѣсто, и, если по вліянію на него и должна уступить первое мѣсто родителямъ Толстого, то только потому, что во вліяніи по-

слѣднихъ на сына играла роль сила, такъ сказать, біологическаго характера, сила наслѣдственности. Какъ-бы ни были, однако, различны всѣ эти вліянія, они сходятся въ одномъ и, едва-ли, не самомъ главномъ: въ той любви, которая проникаетъ ихъ и которая, съ самаго ранняго дѣтства и почти до 40-лѣтняго возраста, не перестаетъ согрѣвать душу Толстого, способствуя росту заложенныхъ въ ней духовныхъ побѣговъ. И, дѣйствительно, въ рѣдкой семьѣ можно найти такую насыщенную любовью атмосферу, какъ та, которая окружала Толстого при жизни отца и матери, а затѣмъ, по смерти ихъ, при многолѣтней, совмѣстной съ нимъ жизни Т. А. Ергольской. Въ «Дѣтствѣ» Толстой говоритъ, что любовь раздѣляется на «красивую, самоотверженную и дѣятельную». Въ такомъ случаѣ олицетвореніемъ красивой любви является отецъ Толстого и самая любовь къ нему, а самоотверженную и дѣятельную любовь олицетворяютъ мать Толстого и Т. А. Ергольская, причемъ самоотверженность одной болѣе мечтательнаго, идеальнаго характера, а другой—характера непреклоннаго и дѣятельнаго. Какъ-бы, впрочемъ, ни называли мы тѣ различные оттѣнки любовныхъ дуновеній, которые носились съ дѣтства Толстого надъ Ясной Поляной, для насъ несомнѣнно, послѣ всего предыдущаго анализа, что Толстой воспринялъ ихъ всѣ, и вотъ почему такъ звучны тѣ аккорды, которые издаетъ теперь душа этого великаго человѣка. Всѣ міры идей и созвучій слились здѣсь въ одинъ высокій ритмъ красоты и правды.

Итакъ, передъ нами обрисовались, въ главныхъ своихъ чертахъ, основныя органическія и духовныя силы, создавшія и оплодотворившія душу Толстого тѣми зародышами, которые раскрылись и развились въ его зрѣломъ возрастѣ. Отъ предковъ со стороны отца онъ унаслѣдовалъ духъ бунтарства и свободолюбія и какую-то органически-естественную склонность къ «фрондерству», жажду разнообразныхъ умственныхъ интересовъ, энергію, пылкость и стремительность въ поступкахъ, упорство воли, любовь ко всему героическому. Въ то-же самое время, подъ вліяніемъ иной полосы русской исторіи, тѣ-же предки передали ему какую-то внутреннюю неустойчивость: особенную зыбкость настроеній, крайнюю чувствительность (слезы Андрея Ивановича), переплетающуюся съ безоблачнымъ весельемъ (отецъ и дѣдъ), мечтательность и грусть, лишенныя подъема и страсти. Черезъ отца Толстого, это многообразное содержаніе соприкоснулось съ художественно-женственной натурой его матери и пустило на этой благодатной почвѣ крѣпкіе корни, дало здоровые ростки. Разбросанная, не сосредоточенная, подтачиваемая какимъ-то внутреннимъ разладомъ духовность отца оплодотворила насыщенную великими возможностями почву матери, и изъ нея выросъ мощный, здоровый, хотя все еще мятущійся духъ. Совершилось то чудо, которое мы постоянно наблюдаемъ во всей окружающей насъ природѣ, когда творящее мужское начало жизни соприкасается съ благопріятной для него средой или почвой. Мечтательность отца, пройдя черезъ поэтически-сентиментальную натуру матери, въ сынѣ явилась уже великой творческой силой, любовь къ внѣшнегероическому превратилась въ героизмъ внутренней душевной работы, тонкая, но бездѣятельная нравственная настроенность—въ великій моральный паѳосъ, въ какую-то почти фанатическую вѣру въ нравственныя силы отдѣльной личности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы видимъ, какъ пылкость и стремительность отца, его мечтательный размахъ, въ сынѣ его превращаются въ



Лев Толстой. 23 Мая, 1908.

Цѣтная фотографія съ натуры, клише и печать С. М. Прокудинъ-Горскаго.

настоящій характеръ, упорный и пружинистый, послѣдовательный, несмотря на скачки въ сторону, сильный и уже не «фрондерскій», а истинно-протестантскій, морально-революціонный.

Такова, поскольку мы ее можемъ понять въ ея біологическихъ и историческихъ послѣдовательныхъ перевоплощеніяхъ, тайна рожденія индивидуальности Л. Толстого. Но и самаго широкаго историко-біологическаго анализа недостаточно для того, чтобы охватить и понять во всей ея сложности колоссальную личность Толстого, со всѣми ея противорѣчіями, со всѣми ея гармоніями. Для того, чтобы хоть сколько-нибудь приблизиться къ такому пониманію, необходимо помнить, что каждый человѣкъ, помимо наслѣдственнаго содержанія своей личности, постоянно оплодотворяется живыми впечатлѣніями отъ окружающаго историческаго быта и окружающей его природы. Оплодотворяясь этими впечатлѣніями, человѣкъ постоянно вновь и вновь рождается, не только духовно, но до извѣстнаго возраста и физически. Вотъ почему и сыграла такую огромную роль въ жизни Толстого Т. А. Ергольская. Личность, несомнѣнно выдающаяся, она имѣла предъ собой, въ лицѣ Толстого, особенно благодарную почву для своего посѣва, то, что было въ немъ отъ его матери: воспріимчивость и чуткость ея поэтической натуры. Не надо при этомъ забывать, что Т. А. Ергольская была для Толстого не только воспитательницей, но и его второй матерью. Глубокая и взаимная любовь между ею и отцомъ Толстого хотя и не завершилась бракомъ, оставаясь чистѣйшимъ союзомъ душъ, даетъ положительно право считать ее второй, духовной женой графа Николая Ильича. Толстой самъ говоритъ, что Т. А. Ергольская любила ихъ, дѣтей, «за него, черезъ него». Развѣ не такъ-же любитъ своихъ дѣтей и настоящая, тѣлесно рождающая мать? Только послѣдняя любитъ всегда болѣе или менѣе чувственно, душевно-тѣлесно, а такая «мать», какъ Т. А. Ергольская, исключительно духовно. Но какъ опредѣлить и учесть, какая любовь глубже, страстнѣе, самоотверженнѣе и дѣятельнѣе, какая изъ нихъ можетъ оставить въ душѣ ребенка больше слѣдовъ и заложить въ нее больше духовныхъ задатковъ?

ГЛАВА IV. Младенчество.

Феноменальная память.—Въ пеленкахъ.—„Я былъ природа“.—Пляшущій Федоръ Ивановичъ.—Нравственный диссонансъ въ дѣтскомъ чувствѣ.—Зрительный образъ вѣчности.—„Sub specie aeternitatis“.—Первые побѣги морали и эстетики.

НАИБОЛѢЕ цѣнными матеріалами для изученія дѣтства Толстого являются его личныя воспоминанія, опубликованныя частью въ XIII томѣ собранія его сочиненій, но главнымъ образомъ въ книгѣ П. И. Бирюкова «Левъ Николаевичъ Толстой». Цѣнность этихъ воспоминаній—въ поражающей своей силой памяти Толстого, которая способна удерживать впечатлѣнія жизни многіе десятки лѣтъ: восьмидесятилѣтній Толстой помнитъ, какъ его пеленали и какъ купали въ корытѣ! Самое далекое прошлое, окутанное туманомъ, Толстой всегда умѣетъ связать съ настоящимъ и будущимъ въ одномъ ощущеніи вѣчнаго, непреходящаго. Все временное, случайное, эмпирическое является для него лишь средствомъ прикоснуться къ той сущности жизни, которая внѣ формъ пространства, времени и причинности. Какъ онъ самъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, «вся жизнь наша есть большее и большее подчиненіе себя этимъ формамъ и потомъ опять освобожденіе отъ нихъ».

Именно эта послѣдняя черта—умѣнье освобождаться отъ «формъ жизни» и есть отличительная черта Толстого, проходящая черезъ всю его долгую жизнь и особенно ярко выступающая передъ нами въ его дѣтскіе годы. Уже въ самыхъ раннихъ, младенческихъ его воспоминаніяхъ чувствуется смѣшеніе реальнаго и идеальнаго, неясное представленіе о томъ, что было прежде и что потомъ. «Я не умѣю, говоритъ Толстой, поставить (воспоминанія) по порядку, не знаю, что было прежде, что послѣ; о нѣкоторыхъ даже не знаю, было-ли то во снѣ или наяву». Но если реальная сторона воспоминаній Толстого крайне расплывчата, зато ясна, ярко подчеркнута и твердо засвидѣтельствована ихъ идеальная сторона. «Я связанъ; мнѣ хочется выпростать руки, и я не могу этого сдѣлать, и я кричу и плачу, и мнѣ самому непріятенъ мой крикъ, но я не могу остановиться. Надо мной стоитъ нагнувшись кто-то, я не помню, кто. И все это въ полутьмѣ... И памятны мнѣ не крикъ мой, не страданія, но

сложность, противорѣчивость впечатлѣнія. Мнѣ хочется свободы, она никому не мѣшаетъ, и я, кому сила нужна, я слабъ, а они сильны». Какая въ этихъ словахъ чувствуется глубина внутренняго впечатлѣнія! Какъ удивительно тонко схвачено въ дѣтскомъ ощущеніи то, что составляетъ, въ сущности, основной и глубочайшій мотивъ человѣческой жизни: желаніе «свободы», которая «никому не мѣшаетъ», сознаніе необходимости для жизни высшей какой-то правды и одновременное сознаніе своего безсилія и силы окружающей дѣйствительности, которая угнетаетъ и связываетъ.

Слѣдующія воспоминанія Толстого относятся уже къ четыремъ-пяти годамъ. Ихъ очень немного, но характеръ и основной ихъ мотивъ чрезвычайно цѣнны. Поражаетъ, прежде всего, что, помня свою постельку и положекъ надъ ней, Толстой совершенно не помнитъ природы. «Природа до пяти лѣтъ не существуетъ для меня», пишетъ онъ. «Не можетъ быть, чтобы не давали мнѣ играть цвѣтами, листьями, чтобы я не видѣлъ травы, чтобы не защищали меня отъ солнца, но лѣтъ до пяти, до шести, нѣтъ ни одного воспоминанія изъ того, что мы называемъ природой». Къ этому Толстой добавляетъ: «Вѣроятно, надо уйти отъ нея, чтобы видѣть ее, а я былъ природа». Замѣчаніе чрезвычайно цѣнное. Но невольно напрашивается вопросъ: всѣ-ли дѣти остаются «природой» такъ-же долго, какъ Толстой, т. е. до пяти-шести лѣтъ? И если нѣтъ, то въ чемъ-же причина этого столь долгаго сліянія Толстого съ природой, его растворенія въ ней и ея въ немъ? Стихійное, вѣчное начало жизни такъ сильно въ немъ, что какъ только онъ соприкасается съ природой, онъ естественно сливается съ ней. Онъ помнитъ только то, что поражаетъ его своимъ контрастомъ съ природой, уноситъ его на иные пути, къ инымъ образамъ.

Прекрасной иллюстраціей этой яркости психической жизни Толстого на фонѣ безразличнаго чувства природы, въ его раннемъ дѣтствѣ, можетъ служить младенческое воспоминаніе о томъ, какъ его купали въ корытѣ. «Я сижу въ корытѣ, пишетъ онъ, и меня окружаетъ новый и не непріятный запахъ какого то вещества, которымъ трутъ мое маленькое тѣльце. Вѣроятно, это были отруби и, вѣроятно, въ водѣ и корытѣ, но новизна впечатлѣній отрубей разбудила меня, и я въ первый разъ замѣтилъ и полюбилъ свое тѣльце». Характерно, что впечатлѣніе отъ корытца Толстой

называетъ въ дальнѣйшихъ строкахъ «радостнымъ». Такъ оно и должно было быть. И ощущеніе отрубей, и «теплая, парная, стращеная вода, и звукъ ея, и, въ особенности, ощущеніе гладкости мокрыхъ краевъ корыта» могли лишь усилить въ «маленькомъ тѣльцѣ» біеніе чувства жизни.

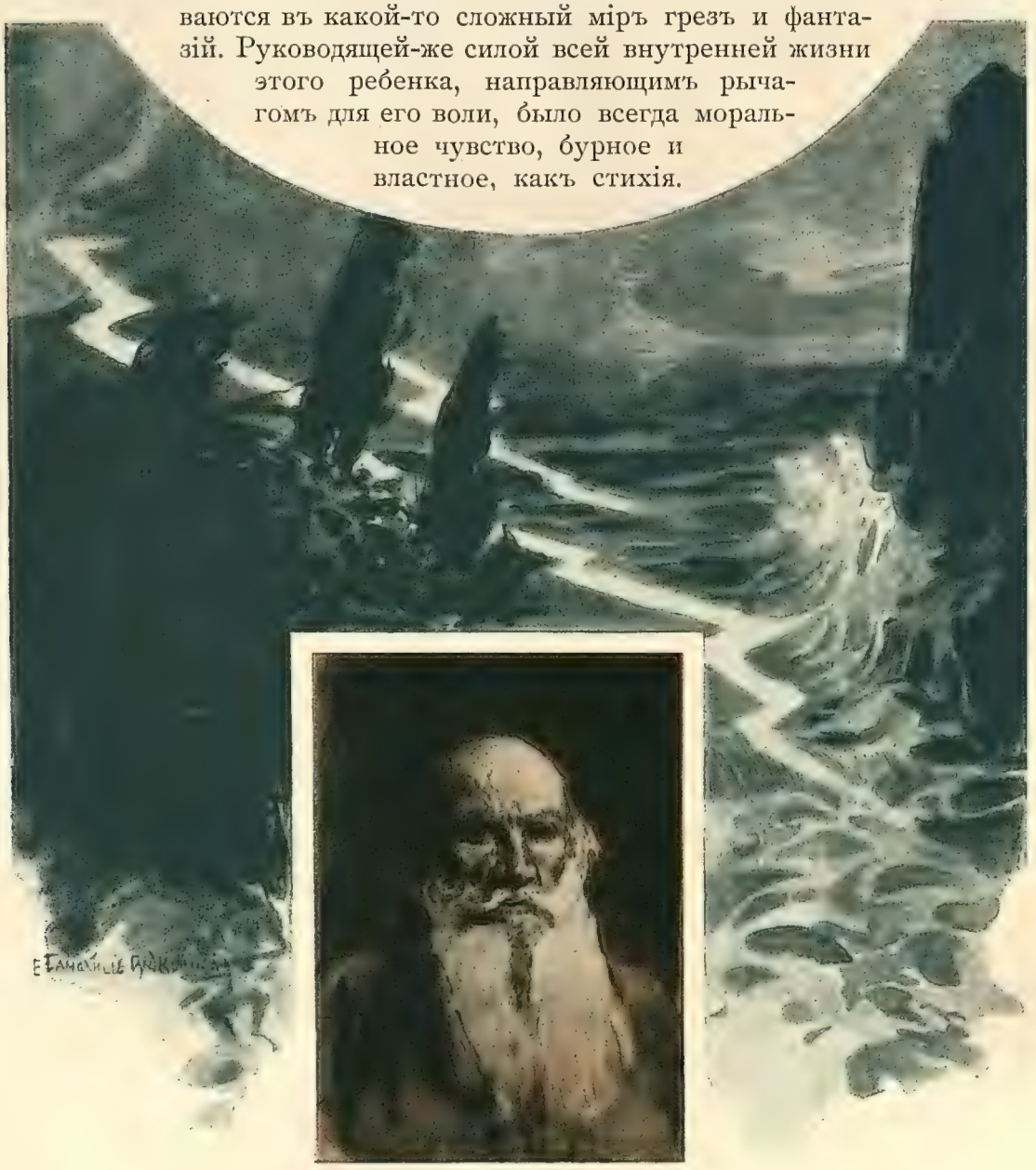
Совсѣмъ иного рода впечатлѣніе производитъ на Толстого другое событіе его жизни: событіе это произошло съ нимъ значительно позднѣе, но внутренній его смыслъ тотъ-же. Толстому около 5 лѣтъ. Онъ не помнитъ еще ни братьевъ, ни отца. Случайно онъ попадаетъ въ верхній этажъ дома, гдѣ его учитель, Федоръ Ивановичъ, и какія-то женщины (почему-то Толстому кажется, что это были прачки) пляшутъ. «Мы всѣ начинаемъ вертѣться, вспоминаетъ Толстой, и прыгать, и Федоръ Ивановичъ прыгаетъ, слишкомъ высоко подымая ноги и слишкомъ шумно и громко, и я въ одно и то-же мгновеніе чувствую, что это не хорошо, развратно, и замѣчаю его, и, кажется, начинаю плакать, и все кончается».

Сразу бросается въ глаза, что ребенокъ замѣчаетъ Федора Ивановича только тогда, когда этотъ Федоръ Ивановичъ становится въ полнѣйшій контрастъ съ чѣмъ-то. Это что-то есть, очевидно, то представленіе, которое сложилось въ дѣтской душѣ Толстого относительно Федора Ивановича. Поэтому-то, до того, какъ Федоръ Ивановичъ сталъ «слишкомъ высоко» поднимать ноги и «слишкомъ шумно и громко» вести себя, вниманіе ребенка и не останавливается пристально на немъ, а всецѣло уходитъ въ плясъ и прыганье. Но затѣмъ, контрастъ между перешедшимъ эстетическую и нравственную мѣру учителемъ и крѣпко сложившимся о немъ представленіемъ вноситъ въ душу ребенка рѣзкій диссонансъ, смутное какое-то чувство «разврата». Въ корытцѣ ребенокъ чрезъ контрастъ еще глубже проникается ощущеніемъ своего естества, а во время пляса контрастъ настолько рѣзокъ и интенсивенъ, что онъ уже нарушаетъ гармонію дѣтской души. Отсюда и слезы, тогда какъ въ корытцѣ было «впечатлѣніе радостное».

Поразительна эта чувствительность ребенка Толстого ко всякимъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ и та быстрота и сила, съ которой онъ откликается на нихъ чуть не съ колыбели. При этомъ всего удивительнѣе то, что не только основной складъ его натуры, но даже и преходящія душевныя переживанія и представленія получаютъ у него характеръ какой-то непреклонности и незыблемости. Онъ не только съ пеленокъ въ высокой степени обладаетъ чувствомъ своей слитности съ вѣчнымъ началомъ жизни, но даже болѣе или менѣе случайно сложившееся въ дѣтской душѣ представленіе о Федорѣ Ивановичѣ пріобрѣтаетъ у него характеръ какой-то вѣчной реальности, какой-то неподвижной правды, которая грубо и оскорбительно нарушается довольно, вѣроятно, невинными па расходившагося добродушнаго воспитателя-нѣмца, этого прообраза симпатичнѣйшаго Карла Ивановича Мауэра изъ «Дѣтства».

Можно положительно сказать, что въ душѣ ребенка Толстого заложенъ былъ зрительный образъ вѣчности, инстинктъ вѣчности, сквозь который онъ и глядѣлъ на все окружающее. Вотъ почему и память его такая удивительная, такая дальнозоркая и въ то-же время такая точная относительно всего, что хоть краешкомъ касается вѣчности, незыблемыхъ законовъ природы и жизни человѣческой души. Въ пеленкахъ для него «вѣчное»—въ ощущеніи свободы, связанной насиліемъ, во время пляса онъ плачетъ о «вѣчномъ» прекрас-

номъ образѣ Федора Ивановича, о томъ идеальномъ подобіи его, которое не можетъ жить въ его душѣ рядомъ съ «развратнымъ» видомъ высоко поднимаемыхъ ногъ и вульгарнаго шума и смѣха окружающихъ Федора Ивановича прачекъ. Вообще, при всей живости и шаловливости его натуры, о которой свидѣтельствуютъ лица, знавшія Толстого въ его раннемъ дѣтствѣ, основной тонъ его душевной жизни очень серьезный. Это мальчикъ вдумчивый и глубоко чувствующій, крайне наблюдательный и впечатлительный, въ которомъ воспріятія внѣшняго міра постоянно перерабатываются въ какой-то сложный міръ грезъ и фантазій. Руководящей-же силой всей внутренней жизни этого ребенка, направляющимъ рычагомъ для его воли, было всегда моральное чувство, бурное и властное, какъ стихія.



ГЛАВА V. Дѣтство.

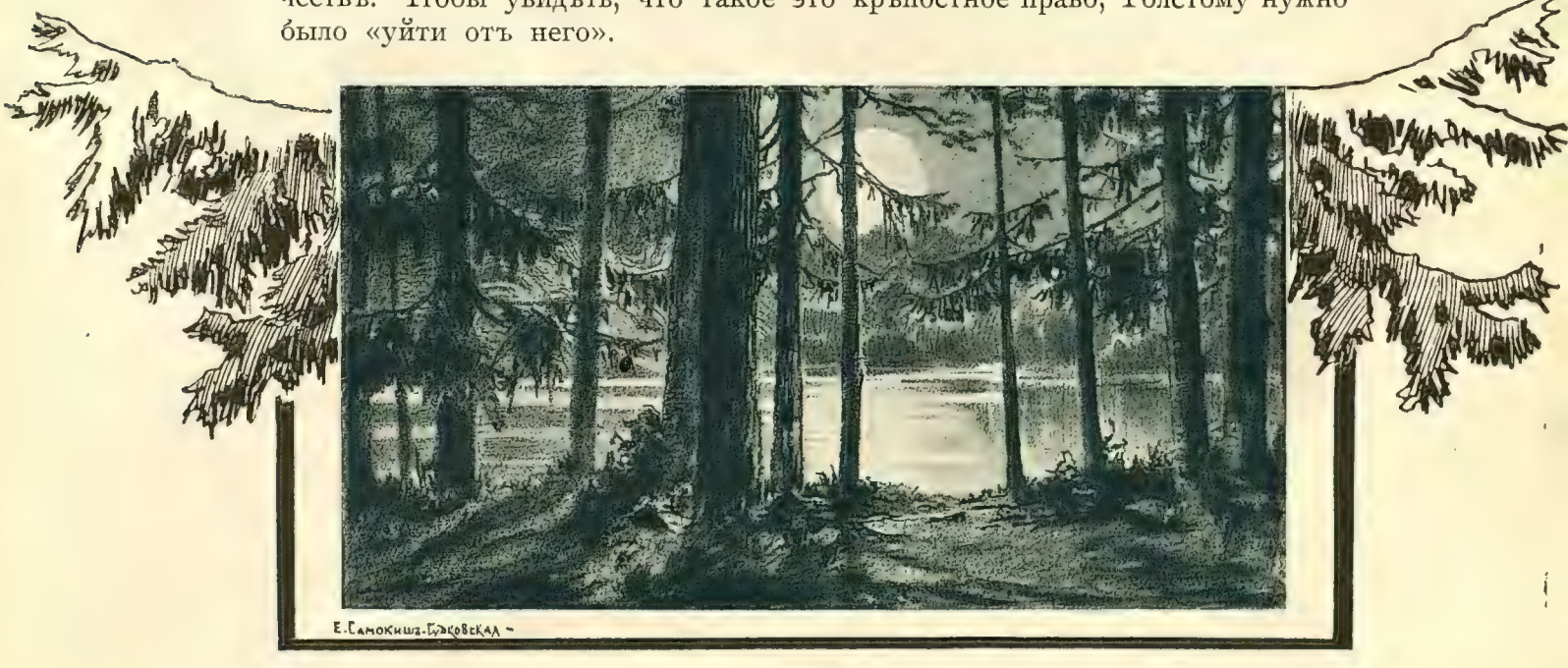
Черты патріархальнаго крѣпостного быта.—Счастливая семья.—Шутки отца.—Смерть матери.—Нѣжныя вѣянія въ нравственной атмосферѣ Ясной Поляны.—Любовь.—„Чувство креста“.—Все окутано тайной.—„Пошелъ рубликъ“.—Умильно-трогательные папѣвы.

ТКУДА-ЖЕ взялась эта серьезность, эта «моральность» ребенка-Толстого?

Отвѣта на этотъ вопросъ надо искать въ той нравственной атмосферѣ, которая окружала его въ дѣтствѣ. Атмосфера эта, при всей своей внѣшней безоблачности, была далеко не вполнѣ безмятежная. Мы имѣемъ объ этомъ собственное свидѣтельство Толстого: «Когда я сталъ помнить себя, говоритъ онъ, уже смерть матери положила свою печать на жизнь нашей семьи». Въ чемъ-же, спрашивается, заключалась эта «печать»? Опредѣленно Толстой въ своихъ воспоминаніяхъ ничего не говоритъ объ этомъ, но, вникая въ смыслъ и характеръ его различныхъ дѣтскихъ впечатлѣній и переживаній, нетрудно понять, что смерть Марьи Николаевны, главнымъ образомъ, и была тѣмъ крупнымъ фактомъ, который, послѣ 1830 г., совершенно видоизмѣнилъ семейную жизнь Николая Ильича.

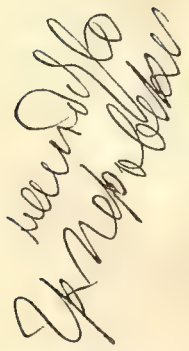
При идиллической простотѣ и идейной несложности неторопливаго,

замкнутаго помѣщичьяго быта первой половины XIX вѣка, самыя незначительныя событія, выходившія изъ рамокъ однообразнаго ежедневнаго обихода, вродѣ письма, получали часто значеніе цѣлыхъ происшествій. Аксаковъ въ своей «Семейной Хроникѣ», самъ Толстой въ «Дѣтствѣ» и Гончаровъ въ «Обломовѣ» навсегда запечатлѣли эту характерную черту тѣхъ старинныхъ русскихъ усадебъ, въ которыхъ, при добрыхъ нравахъ помѣщиковъ, крѣпостныя отношенія между барами, дворней и крестьянами пріобрѣтали характеръ полной патріархальности. Вѣками устоявшаяся привычка къ соціальному неравенству сторонъ до такой степени казалась и должна была казаться естественной, что считалась какимъ-то вѣчнымъ, ненарушимымъ status quo, отъ измѣненія котораго можетъ произойти что-то недоброе и нежелательное. Въ «Дѣтствѣ и Отрочествѣ» Наталья Савишна, проникнутая подобнымъ настроеніемъ, заливается слезами, когда мать Николеньки Иртеньева даетъ ей грамоту на вольность. До такой степени считаетъ она нормальнымъ свое крѣпостное состояніе и весь укладъ крѣпостного быта, что видитъ въ этой бумажкѣ смертельную обиду себѣ со стороны помѣщицы, и разрываетъ грамоту на клочки. При такихъ условіяхъ даже у сравнительно передовыхъ людей, какимъ являлся для своей эпохи отецъ Толстого, не могло и возникнуть вопроса о необходимости уничтоженія крѣпостного права. Это послѣднее являлось естественной обстановкой жизни, тѣмъ воздухомъ, которымъ дышали и котораго именно поэтому почти совсѣмъ не замѣчали. Весьма знаменательно, что и Л. Н. Толстой не подчеркиваетъ этого «воздуха» своей дѣтской жизни. Ни въ «Дѣтствѣ и Отрочествѣ», написанныхъ всего за 8 лѣтъ до Манифеста 19 Февраля 1861 года, ни даже въ его воспоминаніяхъ, которыя онъ набрасывалъ въ самые послѣдніе годы, мы не встрѣчаемъ ни одного дѣйствительно яркаго штриха, передающаго какія-либо серьезныя недоумѣнія и протесты дѣтской души противъ крѣпостного права. Это почти такой-же безразличный элементъ въ его дѣтствѣ, какъ природа въ его младенчествѣ. Чтобы увидѣть, что такое это крѣпостное право, Толстому нужно было «уйти отъ него».



Но если это такъ, если, дѣйствительно, соціальныя условія окружающей жизни не дѣйствовали прямымъ образомъ на душу ребенка, то тѣмъ болѣе сильное вліяніе долженъ былъ оказать на него нравственный, такъ сказать, обликъ Ясной Поляны, вся ея атмосфера, пропитанная всеобщей взаимной любовью, чувствомъ долга и поэтической таинственностью. До зрѣлыхъ лѣтъ дорожившая иллюзіями юности и, повидимому, глубоко религіозная, Марья Николаевна должна была, несмотря на отсутствіе въ мужѣ страстныхъ чувствъ къ ней и несмотря на свое собственное сдержанное къ нему отношеніе, играть огромную роль въ жизни своей семьи. Отецъ Толстого, постоянно занятый различными дѣлами, часто бывая въ разъѣздахъ, естественно долженъ былъ поддаться нравственному и духовному обаянію своей жены. Поэтически-мягкій, женственный колоритъ на жизнь въ домѣ накладывала именно она, и, если откинуть въ «Дѣтствѣ» Толстого измышленную фабулу разсказа, то нельзя ни одной минуты сомнѣваться въ томъ, что вся поэзія семейной жизни Иртеньевыхъ навѣяна автору именно грезами о собственной матери. Какъ показываютъ письма Николая Ильича къ женѣ, 9-лѣтняя совмѣстная жизнь его и Маріи Николаевны была очень счастливой.

«Ma bonne amie, пишетъ онъ, напримѣръ, отъ 16-го іюня (1823 г.?),— tu finis ta dernière lettre en me recomandent de ne pas t'oublier; tu es donc folle: puis je oublier ce qui fait la partie la plus chère de moi même; que serais-je devenu ici, si vingt fois par jour je ne pensais à toi et au cher Coco». Кончается письмо очень нѣжно: «je baise les mains de Maman et lui demande sa bénediction; embrasse Coco aussi tendrement que tu le poura que Dieu vous conserve. Adieu ma douce amie ménage ta santé pour le bonheur de ton fidèle Nicolas». Затѣмъ слѣдуетъ характерная для чистыхъ взаимныхъ отношеній Николая Ильича, Марьи Николаевны и Ергольской приписка: «j'embrasse la chère et bonne Toinette». Въ другомъ письмѣ, отъ 10-го мая 1828 года, въ которомъ рѣчь, очевидно, идетъ о Львѣ Николаевичѣ, отецъ Толстого пишетъ: «Adieu, mon ange, porte toi bien, ménage toi bien, ménage toi pour l'amour de moi, du petit que tu porte dans ton sein. Je t'embrasse un million de fois, ton fidel ami Nicolas». Въ третьемъ письмѣ: Adieu ma douce et bonne amie, je t'embrasse un million de fois j'envois ma benediction aux petits marmots. Embrasse les bien tendrement de ma part. Que Dieu vous conserve tous». Наконецъ, въ четвертомъ письмѣ, указывая на какое-то



Замѣтка Л. Н. Толстого на поляхъ корректуры: „Наслѣдство гр. Перовской".

наслѣдство и на то, что отъ него ничего не останется, Николай Ильичъ пишетъ: «il ne nous restera même pas на орѣхи. *Ne te chagrine pas de cela á dèranger ta santé , pense que la perte des richesses est la moindre qu'on puisse faire*».

Вообще вся переписка между отцемъ и матерью Толстого проникнута удивительнымъ благородствомъ, большой воспитанностью и подкупающей сердечной теплотой. Николай Ильичъ выступаетъ въ ней не только нѣжнымъ отцомъ и внимательнымъ до мелочей мужемъ, но и человѣкомъ, который умѣетъ цѣнить возвышенную духовную натуру Марьи Николаевны. Это впечатлѣніе, производимое письмами, подтверждается и личнымъ заявленіемъ Л. Н. Толстого. Тоже считая, что семейная жизнь его отца и матери была счастливой, онъ говоритъ: «никто не умиралъ, никто серьезно не болѣлъ, разстроенныя дѣла отца поправлялись. Всѣ были здоровы, веселы и дружны. Отецъ веселилъ всѣхъ своими разсказами и шутками». При подобномъ настроеніи неожиданная послѣ рожденія дочери смерть Маріи Николаевны должна была произвести на Николая Ильича и на всѣхъ домашнихъ потрясающее впечатлѣніе.

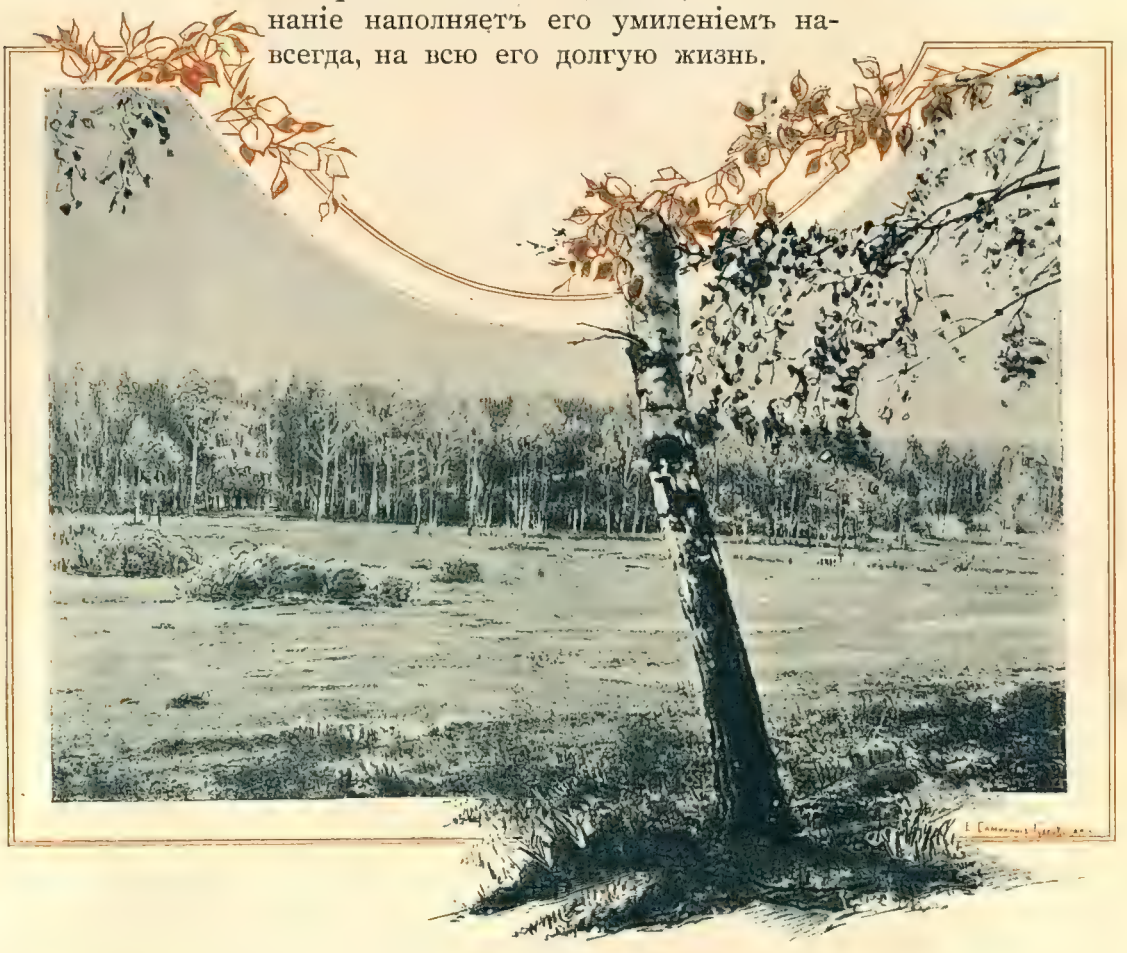
Ничто не измѣнилось во внѣшней обстановкѣ жизни Николая Ильича, ничто не нарушило налаженной доброй традиціи крѣпостныхъ отношеній въ Ясной Полянѣ, но веселый смѣхъ и шутки въ осиротѣломъ домѣ стали рѣже, и «всегда грустные» глаза Николая Ильича стали еще печальнѣе. Къ счастливой, благополучной Яснополянской усадьбѣ прикоснулось крыло смерти. И всѣ ея обитатели сомкнулись въ тѣсный кружокъ. Отецъ сближается съ дѣтьми, ласкаетъ ихъ, приходитъ къ нимъ въ дѣтскую и рисуетъ имъ картинки, которыя кажутся дѣтямъ «верхомъ совершенства». Потому, вѣроятно, и кажутся «верхомъ совершенства», что самое отношеніе отца къ дѣтямъ проникнуто особенной нѣжностью, которой онъ старается до нѣкоторой степени замѣнить незамѣнимыя, въ сущности, заботы о нихъ умершей матери. Вмѣстѣ съ тѣмъ, смерть Марьи Николаевны наложила на Николая Ильича тяжелый крестъ воспитанія пятерыхъ дѣтей и сложныя житейскія заботы о нихъ. Вотъ почему его отношенія къ нимъ, раньше оживляемыя смѣхомъ и шутками, теперь окрашиваются чувствомъ суроваго моральнаго долга. Вотъ почему и въ ребенкѣ Толстомъ очень рано просыпается сознаніе тяжелаго креста жизни. Такъ, разсказывая, о томъ, какъ его, шестисемилѣтняго мальчика, перевели изъ дѣтской къ учителю и старшимъ братьямъ, Толстой замѣчаетъ, что онъ испыталъ при этомъ въ первый разъ и потому сильнѣе, чѣмъ когда-либо послѣ, то чувство, которое называютъ «чувствомъ долга», «чувствомъ креста», чувство, которое долженъ пережить каждый человѣкъ. Новое настроеніе отца Толстого сообщилось и всему дому. И бабушка, у которой спитъ маленькій Левъ Николаевичъ, этотъ «Веньяминъ» семьи, и Т. А.

Ергольская, и любвеобильный нѣмецъ-гувернеръ, Федоръ Ивановичъ Рессель, и экономка Прасковья Исаевна, этотъ прообразъ преданной крѣпостной Натальи Савишны изъ «Дѣтства», и добрѣйшая нянюшка Татьяна Филипповна, и «милый», «ласковый», любившій дѣтей буфетчикъ Василій Трубецкой, всѣ они также, какъ и отецъ Толстого, проникаются сознаніемъ долга по отношенію къ дѣтямъ и какой-то обвѣянной печалью нѣжностью къ нимъ.

Это всеобщее настроеніе старшихъ, находившее живой откликъ въ чуткомъ сердцѣ Л. Н. Толстого и, вѣроятно, въ его братьяхъ, родитъ въ душѣ его, съ ея инстинктомъ вѣчности, цѣлый міръ незнакомыхъ ему раньше глубокихъ чувствъ. Съ одной стороны, ребенокъ никакъ не можетъ примирить противорѣчіе между своимъ ощущеніемъ вѣчности и преходящими явленіями жизни и потому готовъ во всемъ видѣть что-то таинственное, и въ буфетѣ съ какимъ-то подземнымъ ходомъ, и въ старушкѣ Прасковьѣ Исаевнѣ, кажущейся ему «представительницей таинственной стороны жизни дѣдушки», и въ юродивыхъ, къ которымъ ему съ младенческихъ лѣтъ внушили уваженіе. Съ другой стороны, всѣ эти таинственныя мечты и страхи, со всей обстановкой его дѣтской жизни, еще сильнѣе распаляютъ въ немъ идею вѣчнаго. Когда въ 1837 г., на девятомъ уже году жизни Л. Н. Толстого, умираетъ его отецъ, онъ не вѣритъ въ эту смерть: она кажется ему невозможной. «Долго послѣ этого, глядя на незнакомыхъ людей на улицахъ Москвы, разсказываетъ П. И. Бирюковъ со словъ самого Толстого, ему не только казалось, но онъ почти былъ увѣренъ, что вотъ-вотъ онъ встрѣтитъ живого отца». Аналогичное чувство вызываетъ въ душѣ ребенка-Толстого и другое, болѣе раннее (въ возрастѣ 6-8 лѣтъ) и менѣе значительное событіе въ его дѣтской жизни. Когда однажды онъ узналъ, во время какой-то игры, что Яснополянскій буфетчикъ Василій «уѣзжаетъ приказчикомъ въ Щербачевку», Толстой «радъ былъ за Василія» и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ему не только было жаль разстаться съ нимъ, но онъ «даже не понималъ, не вѣрилъ, чтобы могло совершиться такое измѣненіе».

Чрезвычайно характерно, что, разсказывая объ этомъ фактѣ изъ своей дѣтской жизни, Толстой прибавляетъ, что тогда онъ «испыталъ въ первый разъ ужасъ и страхъ передъ непостоянствомъ жизни, и жалость и любовь къ милому Василію». Именно потому и вызвалъ въ немъ отъѣздъ Василія «ужасъ и страхъ передъ непостоянствомъ жизни», что ощущеніе вѣчнаго, тревожное въ своемъ контрастѣ съ невѣчными элементами человѣческаго общежитія, будитъ въ его душѣ другое ощущеніе, ощущеніе тайны, а ощущеніе тайны, въ свою очередь, сливается съ чувствомъ любви и жалости къ Василію, такъ-какъ и любовь, и жалость тоже связаны съ чувствомъ вѣчнаго и таинственнаго. Замѣчательна въ этомъ эпизодѣ съ Василіемъ и другая черта ребенка Толстого. Какъ только онъ узнаетъ объ отъѣздѣ буфетчика, ему тотчасъ-же дѣлается «таинственно грустно», а напѣвы дѣтской игры «Пошелъ рубликъ» начинаютъ казаться ему «умильно-трогательными». Аналогичное чувство умиленія Толстой испыталъ впослѣдствіи, подъ впечатлѣніемъ смерти отца. Мы уже указали, что онъ долго не вѣрилъ въ эту смерть. Теперь умѣстно будетъ добавить, что «это чувство надежды и невѣрія въ смерть вызвало въ немъ особое чувство умиленія».

Удивительная это черта! И вѣдь она проявляется не только въ дѣтскіе, но и въ зрѣлые годы Толстого. Робкое и чуткое сознаніе, что, вотъ, его маленькое, личное я, такое безсильное, такое безпомощное, окутано неземнымъ какимъ-то свѣтомъ, что оно прикосновенно къ любви, къ вѣчности, къ тайнамъ жизни, къ чему-то существующему за гранью всего видимаго, это сознаніе наполняетъ его умиленіемъ навсегда, на всю его долгую жизнь.



ГЛАВА VI

На Крыльяхъ Дѣтской Мечты.

„Муравейные братья". — „Зеленая палочка". — „Фанфаронова гора".

ВЪ ЧУВСТВИТЕЛЬНОМЪ сердцѣ ребенка, чутко трепетавшемъ отъ всякаго прикосновенія грубой дѣйствительности, вскрылись и развернулись какія-то мечты, какія-то фантазіи. Съ поразительной вдумчивостью присматривается маленькій Толстой къ собственной внутренней работѣ, анализируетъ и оцѣниваетъ ее, одобряетъ и осуждаетъ себя въ такихъ мелочахъ, мимо которыхъ тысячи дѣтей проходятъ равнодушно. Все казалось ему тогда хорошимъ, и люди, и нравы. Это впечатлѣніе отъ «чуднаго, невиннаго, радостнаго поэтическаго періода дѣтства до четырнадцати лѣтъ» до такой степени господствуетъ въ душѣ Толстого, что даже дѣтское «суднышко», стоявшее въ «маленькой комнаткѣ» экономки Прасковьи Исаевны, окутано у него поэтическимъ облакомъ «очаковскаго куренія». Однако, и въ этотъ «невинно-радостный періодъ дѣтства» ребенокъ часто улавливалъ въ различныхъ явленіяхъ повседневной жизни рѣжущіе диссонансы. Куда-же было уйти отъ нихъ, какъ не въ міръ грезъ? Эти дѣтскія грезы, исполненныя «чистой любви и надеждъ на чистое счастье», эти трогательныя мечты «Дѣтства» о томъ, «чтобы Богъ далъ счастье всѣмъ, чтобы всѣ были довольны», нашли себѣ выраженіе въ дѣтскихъ играхъ Толстого съ его братьями.

Иниціаторомъ и вдохновителемъ этихъ игръ всегда являлся старшій братъ Толстого, Николай Николаевичъ, которому въ то время было 10-11 лѣтъ. Соотвѣтственные годы остальныхъ братьевъ были такіе: Л. Н. Толстого—пять лѣтъ, Д. Н. Толстого шесть лѣтъ, С. Н. Толстого семь лѣтъ. Также, какъ и его младшій братъ, обладая богатымъ воображеніемъ, Николай Николаевичъ Толстой имѣлъ въ дѣтствѣ большую склон-

Гр. Н. Н. Толстой.

ность ко всему фантастическому и таинственному, ко всему, что можетъ настроить душу на высокій ладъ. Подобно своей матери, онъ «могъ разсказывать сказки или исторіи съ привидѣніями или юмористическія исторіи въ духѣ мадамъ Рэдклифъ, безъ остановки, цѣлыми часами, и съ такой увѣренностью въ дѣйствительность разсказываемаго, что забывалось, что это выдумка». Можно представить себѣ, какое впечатлѣніе должны были производить на пятилѣтняго Л. Толстого всѣ эти разсказы! И вотъ однажды Н. Н. Толстой вздумалъ, вмѣсто сказки, разсказать своимъ младшимъ братьямъ нѣчто еще болѣе фантастическое, но какъ-бы относящееся прямо къ жизни. Онъ «объявилъ намъ, разсказываетъ Л. Толстой, что у него есть тайна, посредствомъ которой, когда она откроется, всѣ люди сдѣлаются счастливыми, не будетъ ни болѣзни, никакихъ непріятностей, никто ни на кого не будетъ сердиться, и всѣ будутъ любить другъ друга, всѣ сдѣлаются муравейными братьями (вѣроятно, это были моравскіе братья, о которыхъ онъ слышалъ или читалъ, но на нашемъ языкѣ это были муравейные братья)».

Этотъ фантастическій разсказъ особенно понравился дѣтямъ, и они устроили даже игру въ муравейные братья. Игра эта «состояла въ томъ, что садились подъ стулья, загораживали ихъ ящиками, завѣшивали платками и сидѣли тамъ въ темнотѣ, прижимаясь другъ къ другу». Л. Толстой очень любилъ эту игру: она вызывала въ немъ, какъ онъ самъ говоритъ, «особенное чувство любви и умиленія». Идея «муравейнаго» братства отнюдь не казалась ему сказочной. Да и какъ могла-бы она казаться ему сказкой, когда вся его дѣтская душа была переполнена той «безпредѣльной потребностью любви», о которой съ такой поэзіей повѣствуетъ намъ авторъ «Дѣтства», заставляя Николеньку засыпать «съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ» послѣ молитвы о томъ, «чтобы Богъ далъ счастье всѣмъ, чтобы всѣ были довольны». Подумать только: гдѣ-то, тутъ, недалеко, существуютъ какія-то таинственныя средства, которыя волшебно могутъ превратить идею всеобщаго счастья въ дѣйствительную жизнь! Объ этомъ совершенно серьезно, со свойственной ему «увѣренностью въ дѣйствительность разсказываемаго», говорилъ старшій одиннадцатилѣтній братъ. «Тайна о томъ, какъ сдѣлать, чтобы всѣ люди не знали никакихъ несчастій, никогда не ссорились и не сердились, а были-бы постоянно счастливы», эта тайна была ему извѣстна. Она написана имъ на «зеленой палочкѣ», и палочка эта зарыта у дороги, на краю стараго «Заказа».

Гр. С. Н. Толстой.
Гр. Н. Н. Толстой.
Гр. Дм. Н. Толстой.
Гр. Л. Н. Толстой.

Но и это еще не все. Пылкій мальчикъ фантазируетъ дальше и осложняетъ сказку о зеленой палочкѣ какой-то «Фанфароновой» горой. Эта гора тоже нѣчто таинственное, загадочное. Чтобы попасть на нее, надо исполнить «всѣ положенныя для того условія»: стать въ уголъ и не думать о бѣломъ медвѣдѣ, пройти, не оступившись, по щелкѣ между половицами и, наконецъ, впродолженіи года не видать зайца. Нечего говорить, что пятилѣтнему Льву Толстому всѣ эти тайны внушали «уваженіе» и «трепетъ». Онъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ «становился въ уголъ и старался, но никакъ не могъ, не думать о бѣломъ медвѣдѣ», приходилъ въ уныніе отъ своего безсилія «исполнить положенныя условія» и въ тоже время совершенно искренно вѣрилъ, что и таинственная «зеленая палочка», и эта недосягаемая «Фанфаронова гора» дѣйствительно существуютъ. Безпредѣльная «дѣтская потребность любви» и молодое воображеніе, уже насыщенное тоской о подвигѣ, мечтой о прекрасномъ, раскрывали передъ ребенкомъ новые міры, увлекательные горизонты.

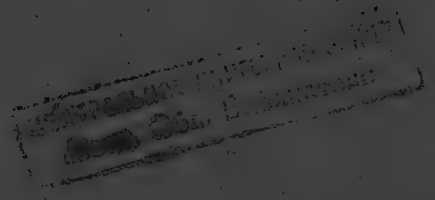
Онъ живетъ упоительными утопіями своего воображенія, и эти утопіи для него какая-то вторая дѣйствительность, дѣйствительность едва-ли не болѣе реальная, чѣмъ окружающая жизнь. И въ самомъ дѣлѣ, тамъ, въ грезахъ и мечтахъ, все таинственно, идеально, вѣчно, а здѣсь, на землѣ, все такъ прозаично, несовершенно и преходяще. Что-же удивительнаго въ томъ, что, любя и тяготѣя къ вѣчному, постоянному, къ тому, что пребываетъ въ основахъ любви и правды, въ неизмѣнныхъ законахъ жизни, онъ боится всего непостояннаго, не вѣчнаго, что проходитъ мимо этихъ законовъ и какъ-бы демонически оспариваетъ ихъ благодатное руководительство жизнью? Что-же удивительнаго въ томъ, что онъ видитъ все сквозь призму вѣчности, а то, что по тѣмъ или инымъ причинамъ какъ-бы не укладывается подъ эту призму, онъ отбрасываетъ отъ себя съ чувствомъ страха, съ чувствомъ ужаса? И какъ не понять при этомъ, откуда эти постоянныя умиленія ребенка и эти благодатныя слезы, которыя, какъ небесная роса, смываютъ съ его души всѣ грубыя прикосновенія жизни. Мы подходимъ здѣсь къ высшей религіозности Толстого, всего его искусства, всѣхъ его полу-дѣтскихъ, полу-мудрыхъ упованій и фантазій, къ этой фантастической какой-то «Фанфароновой горѣ» всего творчества Толстого, съ его неземной высотой идей, духа, съ его вселенской нравственной правдой. И какъ трогательно звучатъ эти слова Толстого, которыми онъ заканчиваетъ свои воспоминанія о «муравейныхъ братьяхъ», «Фанфароновой горѣ» и «зеленой палочкѣ»: «идеалъ муравейныхъ братьевъ, льнущихъ любовно другъ къ другу, только не подъ двумя креслами, завѣшанными платками, а подъ всѣмъ небеснымъ сводомъ всѣхъ людей міра,

остался для меня тотъ-же. И какъ я тогда вѣрилъ, что есть та зеленая палочка, на которой написано то, что должно уничтожить все зло въ людяхъ и дать имъ великое благо, такъ я вѣрю и теперь, что есть эта истина и что будетъ она открыта людямъ и дастъ имъ то, что она обѣщаетъ».

Итакъ, и въ восьмидесятилѣтнемъ возрастѣ Толстой продолжаетъ такъ-же безгранично и страстно вѣрить въ чудодѣйственную силу «зеленой палочки», но теперь и «зеленая палочка», и «муравейное братство», въ болѣе широкихъ, осознанныхъ перспективахъ, называются уже «Царствомъ Божіимъ» на землѣ. И если въ жизни Толстого были минуты, можетъ быть, даже дни и годы, когда онъ сомнѣвался въ магической силѣ дѣтской зеленой палочки и съ грустью восклицалъ: «вернутся-ли когда нибудь та свѣжесть, беззаботность, потребность любви и сила вѣры, которыми обладаешь въ дѣтствѣ», то теперь, на склонѣ своихъ дней, онъ можетъ смѣло сказать: «Сила вѣры вернулась. Зеленая палочка меня спасла. Но она не только спасла меня, она вела всю мою долгую жизнь, вела и въ моемъ искусствѣ, и въ моей внутренней работѣ надъ собою». При дальнѣйшемъ анализѣ жизни и творчества Толстого мы, въ самомъ дѣлѣ, увидимъ, что «зеленая палочка», дѣйствительно, была тою силою, которая создала все великое творчество Толстого и окружила самое имя его ореоломъ всемірнаго признанія.

ГРАФЪ Л. Н. ТОЛСТОЙ ВЪ СЕМЬѢ.
Съ картины художн. Л. О. Пастернака.

Клише и печать С. М. Прокудина-Горскаго.



ГЛАВА VII.

Новый подъемъ.

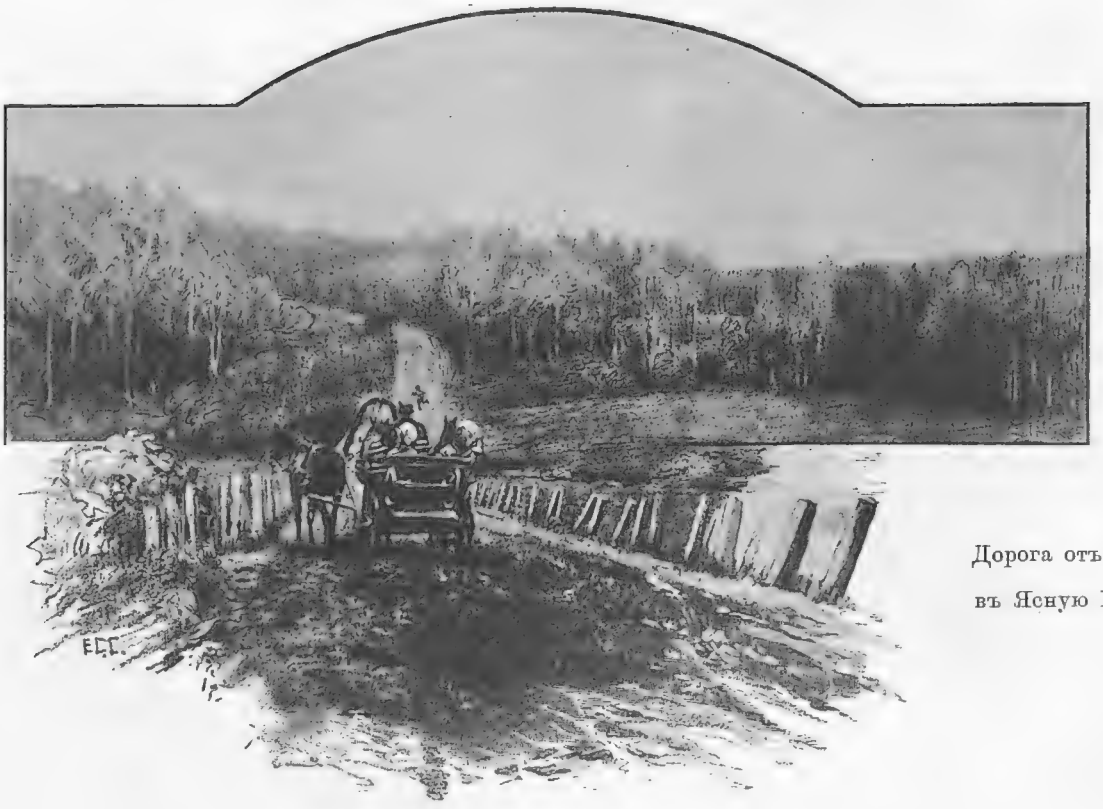
Полетъ изъ окна.—Впереди тройки.—Разныя „чудачества.“ — Бурныя вспышки натуры.—Выводы.

МЫ ПРОСЛѢДИЛИ до сихъ поръ въ ребенкѣ-Толстомъ двѣ главныя силы, изъ которыхъ впослѣдствіи развились его художественное творчество и его морально-религіозныя исканія. Но мы не видѣли еще, какого огромнаго напряженія достигали въ Толстомъ, въ дѣтскіе годы, бурныя вспышки его страстной, сангвинической натуры, этой властной стихіи начала личнаго. Между тѣмъ, понять Толстого можно только тогда, когда въ немъ одновременно наблюдаешь стихію безличную и стихію личную, стихію божескую и стихію человѣческую. Эти двѣ стихіи живутъ въ немъ въ постоянномъ разладѣ, въ постоянной борьбѣ. Весьма знаменательно, однако, что уже съ самаго ранняго дѣтства въ душѣ Толстого побѣда почти всегда остается въ этой борьбѣ на сторонѣ стихіи безличной, сверхчувственной, духовной. Слѣдя шагъ за шагомъ за событіями дѣтской жизни Толстого, прямо поражаешься хаотичностью, неустойчивостью, почти судорожностью всѣхъ проявленій его личности. Уже съ самыхъ первыхъ лѣтъ своей сознательной жизни Толстой до такой степени поглощенъ вѣчнымъ, таинственнымъ, фантастическимъ, что въ душѣ его почти нѣтъ мѣста личному, эгоистическому «я». Это «я» никакъ не можетъ овладѣть всецѣло его душой. Оно постоянно распыляется, растворяется въ его безплотныхъ грезахъ, въ его безпрестанныхъ внутреннихъ умиленіяхъ и слезахъ. Но даже въ тѣ рѣдкіе моменты, когда это «я» окончательно овладѣваетъ имъ, оно всетаки остается точно связаннымъ и потому не можетъ увлечь его на долго. Та огромная воля, которая такъ характерна въ предкѣ Толстого, Петрѣ Андреевичѣ, съ его выкованнымъ, точно изъ желѣза, характеромъ, съ его яснымъ и трезвымъ пониманіемъ окружающихъ его житейскихъ комбинацій, эта воля перерождается въ Львѣ Толстомъ въ какую-то иную силу, тоже стремительную и мощную, но уже совсѣмъ иного типа.

Гр. М. Н. Толстая.

Въ своихъ «воспоминаніяхъ о графѣ Львѣ Николаевичѣ Толстомъ» С. А. Берсъ приводитъ, между прочимъ, слѣдующее свидѣтельство В. И. Юшкова о дѣтскихъ и отроческихъ годахъ Толстого: «Въ дѣтствѣ онъ былъ очень шаловливъ, а отрокомъ отличался странностью, а иногда и неожиданностью поступковъ». А П. И. Бирюковъ, со словъ графини С. А. Толстой, передаетъ намъ то, что она слышала о дѣтствѣ своего мужа отъ его тетушекъ: «Маленькій Левочка былъ очень оригинальный ребенокъ и чудакъ. Онъ, напримѣръ, входилъ въ залу и кланялся всѣмъ задомъ, откидывая голову назадъ и шаркая». Однажды маленькій Толстой вздумалъ полетать по воздуху. Свидѣтельствъ о дѣйствительности этого происшествія имѣется два: сестры Л. Н. Толстого, Марьи Николаевны, и самого Л. Толстого. Оба они приведены въ книгѣ П. И. Бирюкова и расходятся лишь въ вопросѣ о времени этого происшествія. Судя по разсказу Марьи Николаевны, ея брату тогда было девять-десять лѣтъ; самъ-же Толстой относитъ инцидентъ съ летаніемъ къ семи восьми-лѣтнему возрасту. Лично Марья Николаевна сообщила намъ, что эпизодъ съ летаніемъ произошелъ въ Москвѣ, на Плющихѣ, гдѣ въ то время жила ихъ семья. Въ домѣ, по ея словамъ, никакаго мезонина не было. Такъ-какъ инцидентъ относится ко времени послѣ смерти отца, то, значитъ, Л. Н. Толстому было тогда, въ самомъ дѣлѣ, не менѣе девяти-десяти лѣтъ. Вотъ какъ передаетъ этотъ инцидентъ Марья Николаевна. Однажды, садясь за обѣдъ, замѣтили отсутствіе Толстого. Сначала думали, что его что-нибудь задержало, и что онъ сейчасъ явится. Но время проходило, а Л. Н. Толстой не являлся. Гувернеръ дѣтей пошелъ узнать, въ чемъ дѣло, и вотъ что оказалось: «Левочка, неизвѣстно по какой причинѣ, задумалъ выпрыгнуть изъ окошка второго этажа съ высоты нѣсколькихъ саженъ. И нарочно для этого, чтобы никто не помѣшалъ, остался одинъ въ комнатѣ, когда всѣ пошли обѣдать. Влѣзъ на отворенное окно мезонина и выпрыгнулъ во дворъ». Нашли Толстого лежащимъ на землѣ и потерявшимъ сознаніе. «Къ счастью, онъ ничего себѣ не сломалъ, и все ограничилось только легкимъ сотрясеніемъ мозга; безсознательное состояніе перешло въ сонъ, онъ проспалъ подрядъ восемнадцать часовъ и проснулся совсѣмъ здоровымъ». По словамъ самого Л. Толстого, выпрыгнулъ онъ въ окно потому, что «имѣлъ страстное желаніе полетать по воздуху». Ему представилось, что это вполнѣ возможно, стоитъ только «сѣсть на корточки и обнять руками свои колѣни, какъ можно крѣпче прижимая ихъ».

П. И. Юшкова.



Дорога отъ Засѣки
въ Ясную Поляну.

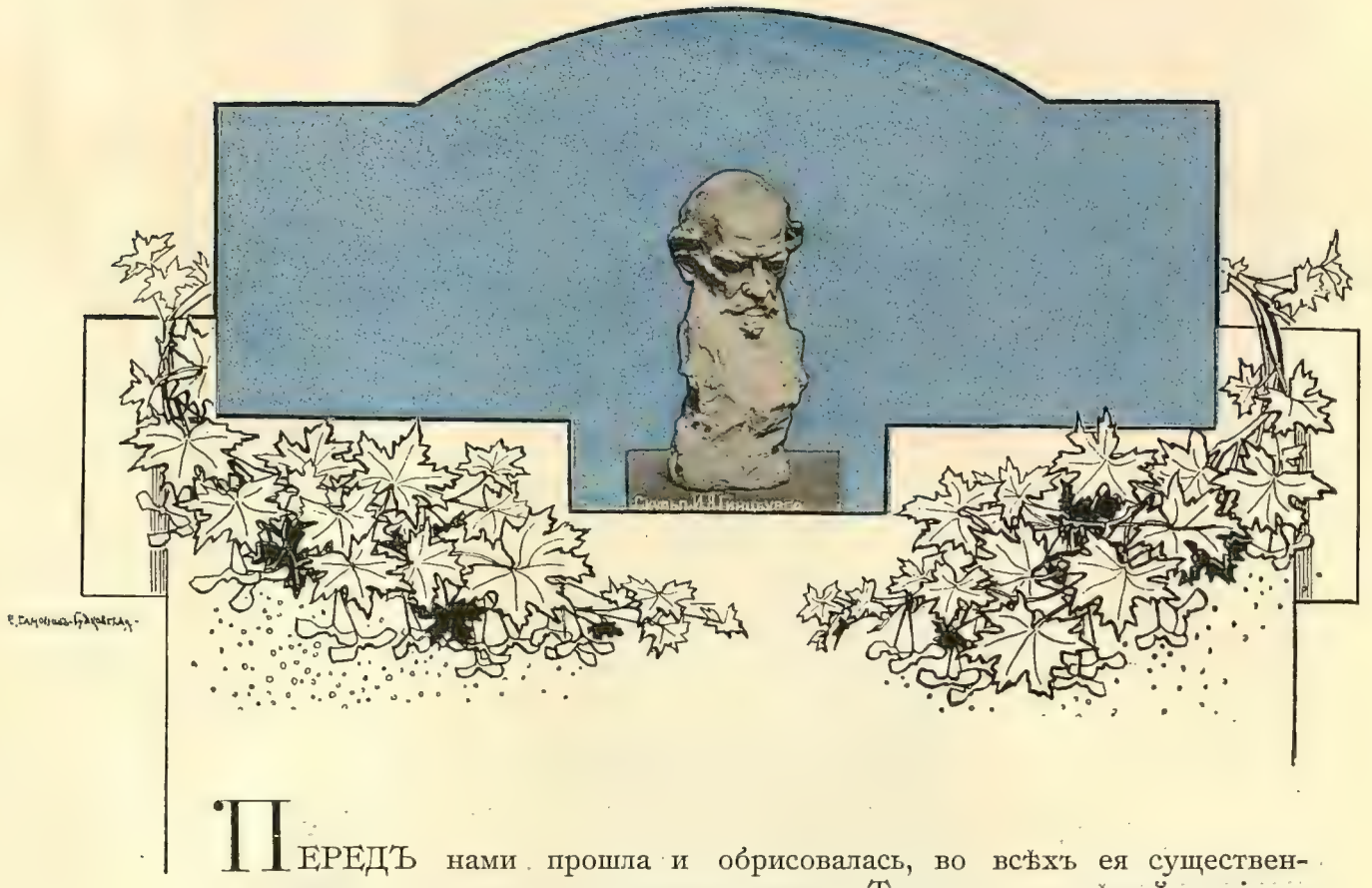
Знакомясь съ этимъ фактомъ изъ біографіи дѣтскихъ лѣтъ Толстого, нельзя не задуматься надъ тѣмъ необычнымъ психологическимъ процессомъ, путемъ котораго ребенокъ могъ дойти до такого поступка. Въ самомъ дѣлѣ, отъ желанія полетать, вполнѣ понятнаго въ дѣтскомъ возрастѣ, до прыжка изъ окна второго этажа, цѣлая пропасть. Обыкновенный, нормальный ребенокъ, воображая себя летающимъ, бѣгаетъ по комнатѣ, размахивая руками, какъ крыльями. Онъ видитъ себя летающимъ во снѣ. Но ему—въ 7-9-лѣтнемъ возрастѣ!—никогда не придетъ въ голову, для реализаціи своей дѣтской фантазіи, своей мечты, выброситься изъ окна. Его не допуститъ до этого инстинктъ самосохраненія, его удержитъ страхъ паденія, ушибовъ. Этой естественной, нормальной психологіи ребенокъ-Толстой какъ-будто совсѣмъ и не переживалъ. Его «страстное желаніе полетать» до такой степени овладѣваетъ имъ, что онъ совершенно увѣренъ, что полетитъ, какъ птица. Пылкое воображеніе доводитъ его до иллюзіи, до ощущенія полета, которое онъ, можетъ быть, дѣйствительно испыталъ когда-нибудь во снѣ. Но въ этомъ эпизодѣ изъ раннихъ лѣтъ Толстого есть еще одна черта. Въ «полетѣ» мальчика чувствуется какая-то стремительная, хотя и безсознательная, сила высшихъ исканій, мечтательная готовность на всякія жертвы. Въ немъ видится какой-то прообразъ будущихъ идейныхъ полетовъ Толстого, всего страстотерпчества зрѣлыхъ лѣтъ его жизни. Та-же стремительность, та-же «странность» и «неожиданность» проглядываютъ и во всѣхъ другихъ дѣтскихъ «чудачествахъ» Толстого. Такъ, напримѣръ, однажды, когда Толстые ѣхали на тройкѣ изъ Пирогова въ Ясную, онъ, по словамъ своей сестры, слѣзъ и пошелъ пѣшкомъ. «Когда экипажъ тронулся, его хватились, но его нигдѣ не было. Кучеръ съ козелъ увидалъ впереди на дорогѣ его удаляющуюся фигуру; поѣхали, полагая, что онъ пошелъ впередъ, чтобы сѣсть, когда тройка его догонитъ, но не тутъ-то

было. Съ приближеніемъ тройки онъ ускорилъ шагъ, и когда тройка пошла рысью, онъ пустился бѣгомъ, видимо не желая садиться. Тройка поѣхала очень быстро, и онъ побѣжалъ во всю мочь, пробѣжавъ такъ около трехъ верстъ, пока не обезсилѣлъ, и не сдался. Его посадили въ карету. Онъ задыхался, былъ весь въ поту и изнемогалъ отъ усталости». Въ другой разъ, тоже въ дорогѣ, онъ на какой-то станціи остригъ себѣ половину головы, а въ третій разъ ему пришла фантазія остричь себѣ брови. Конечно, этимъ онъ обезобразилъ свое лицо, никогда не отличавшееся особенной красотой, и потомъ самъ жалѣлъ объ этомъ. Да и не мудрено. Мы хорошо знаемъ, что Николенька Иртеньевъ оскорблялся даже намекомъ на свою наружность, до такой степени онъ страдалъ отъ сознанія своей некрасивости. Слѣдующія строки «Дѣтства» несомнѣнно передаютъ личныя психологическія переживанія Л. Толстого: «... на меня часто находили минуты отчаянія: я воображалъ, что нѣтъ счастья на землѣ для человѣка съ такимъ широкимъ носомъ, толстыми губами и маленькими сѣрыми глазами, какъ я. Я просилъ Бога сдѣлать чудо: превратить меня въ красавца, и все, что имѣлъ въ настоящемъ, все, что могъ имѣть въ будущемъ, я все отдалъ-бы за красивое лицо». И при такомъ-то настроеніи Толстой стрижетъ себѣ половину головы, бреетъ себѣ брови! Очевидно, во всѣхъ этихъ чудачествахъ, также какъ и въ «полетѣ» Толстого изъ окна, главную роль играетъ не шаловливое настроеніе ребенка, не его желаніе во что-бы то ни стало напроказить, а какая-то внутренняя сила духовнаго характера. Эта сила сказывается и въ томъ напряженіи, съ какимъ маленькій Толстой убѣгаетъ отъ тройки, и въ томъ юмористическомъ тонѣ, который чувствуется въ его отвѣтѣ тетушкѣ, зовущей его въ экипажъ въ то время, какъ онъ стрижетъ себѣ половину головы, наконецъ, она проглядываетъ въ той его «самолюбивой застѣнчивости», которую и самъ Толстой считаетъ одной изъ важнѣйшихъ чертъ своего характера въ дѣтствѣ. Эта «самолюбивая застѣнчивость» тоже иногда толкала его на экстравагантности, на «неожиданные» и «странные» поступки. И это вполнѣ понятно. Съ одной стороны, ребенокъ-Толстой жилъ многообразной и глубокой внутренней жизнью, которая не могла не давать ему сознанія собственной силы и содержательности; съ другой стороны, именно вслѣдствіе своей вдумчивости и впечатлительности, онъ особенно остро долженъ былъ чувствовать несоотвѣтствіе между своей некрасивой наружностью и свѣтской неуклюжестью и тѣми прекрасными, мечтательными настроеніями и чудесными фантазіями, которыя носились въ его душѣ. Такимъ образомъ, всякій разъ, когда Толстой словно подчеркивалъ свое пренебреженіе къ своей внѣшности, онъ этимъ самымъ какъ-бы утверждалъ колеблющуюся правду своего внутренняго міра: отсюда и это его игривое настроеніе въ такія минуты, и тотъ насмѣшливый юморъ, который такъ тонко переданъ въ «Дѣтствѣ», въ главѣ «До мазурки», при описаніи инцидента съ перчаткой безъ пальца.

Таково общее впечатлѣніе, производимое всѣми дѣтскими выходками и эксцентричностями ребенка - Толстого. Это скорѣе борьба съ личнымъ своимъ началомъ, чѣмъ проявленіе его, это чудачество и юродство, а не свободное проявленіе стихійныхъ силъ натуры. Черта стихійности въ біографіи Толстого до 14 лѣтъ указывается лишь всего одинъ разъ. Такъ, однажды, онъ, по словамъ С. А. Берса, «изъ ревности столкнулъ

съ балкона предметъ своей любви», свою будущую тещу, которой тогда было всего девять лѣтъ. Эту-же черту своего характера Толстой показываетъ намъ и въ «Дѣтствѣ», когда разсказываетъ о бурныхъ дѣтскихъ вспышкахъ Николеньки Иртеньева. Марья Николаевна лично передавала намъ, что описанная въ «Дѣтствѣ» ссора Николеньки съ Володей прямо сфотографирована съ дѣйствительности: однажды Левъ Николаевичъ, на что-то разсердившись, въ самомъ дѣлѣ, опрокинулъ столикъ своего брата Сергѣя Николаевича. Однако, даже и въ этихъ взрывахъ неудержимой злобы чувствуется болѣзненная какая-то судорожность. Какъ только проходитъ припадокъ, въ душѣ ребенка начинается внутренняя реакція, наступаетъ глубокое раскаяніе, и попранное духовное начало его натуры проявляется съ новою силою. Отсюда эти самобичеванія въ чуланѣ, о которыхъ повѣствуетъ «Дѣтство», эти «правила жизни» въ «Юности» и проч. и проч.

Л. Н. Толстой въ Гаспрѣ.



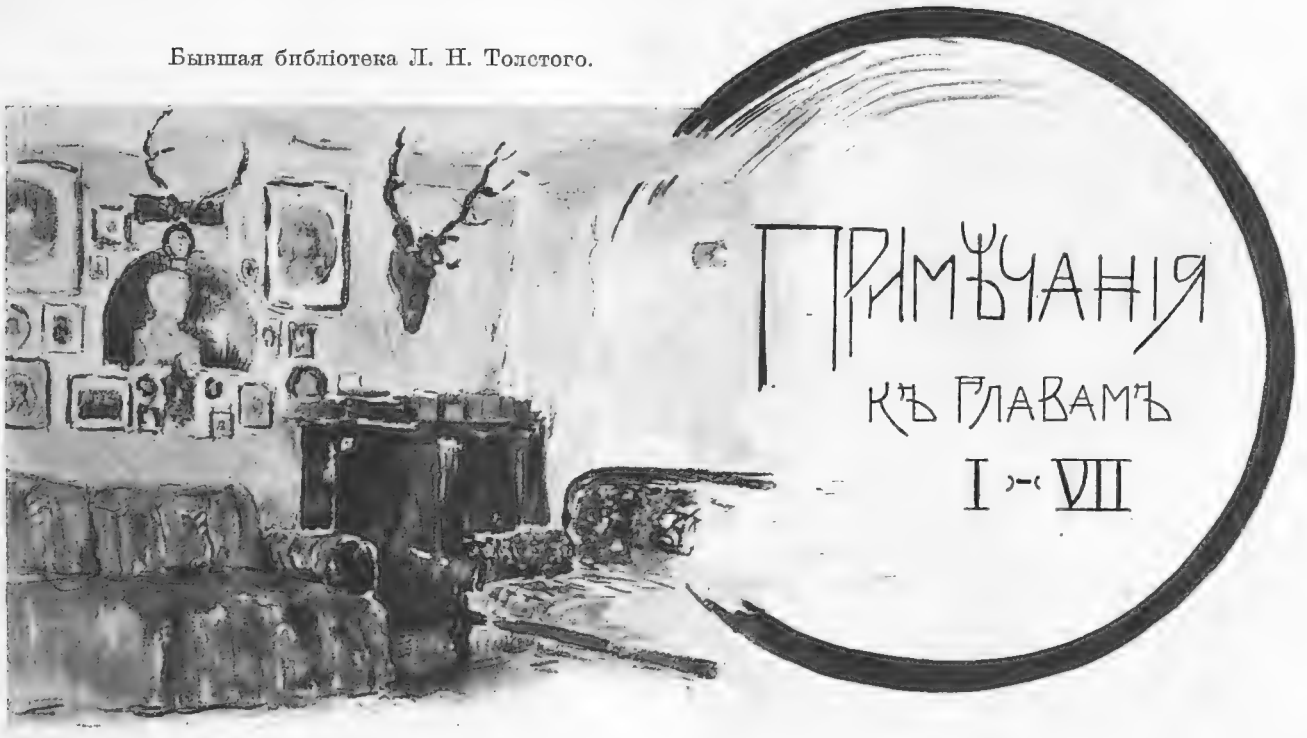
ПЕРЕДЪ нами прошла и обрисовалась, во всѣхъ ея существенныхъ чертахъ, внутренняя жизнь Толстого за цѣлый періодъ. Мы видѣли его младенчество, когда онъ и внутреннимъ, и физическимъ своимъ существомъ сливался съ природой. Мы прослѣдили, какъ пробуждалось въ немъ сознательное отношеніе къ міру и къ самому себѣ. Мы показали, затѣмъ, какъ постепенно наростало въ дѣтской душѣ Толстого противорѣчіе и какъ въ этомъ противорѣчіи билась его страстная, впечатлительная и глубокая натура: съ одной стороны, она тяготѣла къ моральному и вѣчному, а съ другой стороны, получивъ въ наслѣдство отъ предковъ цѣлую стихію земныхъ влеченій и страстей, она увлекала мальчика къ разнаго рода «чудачествамъ», прорывалась капризами бурныхъ чувствъ и настроеній.

Этотъ анализъ дѣтскихъ и отроческихъ переживаній Толстого уже подготовляетъ насъ къ той болѣе сложной душевной жизни, которая раскроется передъ нами въ его юношескіе, а затѣмъ и въ зрѣлые годы. Но нашей задачей все-же отнюдь не было механически сложить личность Толстого изъ ея отдѣльныхъ чертъ. Изучая Толстого въ его предкахъ, родителяхъ и воспитателяхъ, а затѣмъ въ процессѣ раскрытія его собственной дѣтской природы, мы хотѣли лишь понять и почувствовать ту атмосферу, ту среду, тѣ преданія, изъ которыхъ вышелъ Толстой. Вотъ почему тѣ выводы, къ которымъ мы до сихъ поръ приходили, отнюдь не

являются опредѣленными слагаемыми будущаго Толстого. Это лишь предчувствіе того «великаго писателя русской земли», котораго уже знаетъ и понимаетъ весь міръ. Относительно такихъ сложныхъ и богатыхъ натуръ, какова натура Толстого, болѣе, чѣмъ относительно всякой другой, надо имѣть въ виду, что она не выходитъ готовой изъ чрева матери. Только разсмотрѣвъ жизнь Толстого, во всемъ ея цѣломъ, во всей ея полнотѣ, мы поймемъ, какъ постепенно зарождалась, складывалась и развертывалась его огромная личность, сначала въ историческихъ прецедентахъ рода, потомъ во чревѣ матери, потомъ въ окружающихъ условіяхъ домашней, университетской, помѣщичьей и военной жизни, поймемъ, какъ эта личность, овладѣвъ своими наслѣдственно-историческими и самобытными силами, показала міру все неистощимое богатство своихъ моральныхъ стремленій, своего художественно-философскаго генія.

Лев Толстой. 1908, 23 сентября

Бывшая библіотека Л. Н. Толстого.



Примѣчанія къ главамъ I—VII

Къ страницѣ 5-ой:

Подлинная Черниговская лѣтопись не дошла до насъ, и первоисточникомъ родословной гр. Л. Н. Толстого, является генеалогическая запись 1686. Въ этой записи есть нѣкоторыя небезынтересныя детали, которыхъ мы не находимъ ни у кн. Долгорукова, ни въ Гербовникѣ, ни у П. Н. Петрова.

Къ страницѣ 5-ой и 6-ой:

Первая по времени біографія Л. Н. Толстого, это небольшая замѣтка ($4^1/_2$ in 16^0), появившаяся въ 1879 году въ IX томикѣ „Русской Библіотеки“ М. Стасюлевича. Замѣтка эта составлена была графиней С. А. Толстой и лично просмотрѣна и исправлена Л. Н. Толстымъ. По отношенію къ родословной Л. Н. Толстого замѣтка эта ограничивается указаніемъ на графа П. А. Толстого, ничего не упоминая о болѣе отдаленныхъ предкахъ. Ничего не говорятъ также объ Индрисѣ и Черниговской лѣтописи Левенфельдъ и Берсъ, получившіе свѣдѣнія о родословной рода Толстыхъ отъ самого Л. Н. Толстого. Оба они, правда, упоминаютъ о происхожденіи Л. Н. Толстого отъ нѣмца Дика, но такъ-какъ ни въ лѣтописяхъ, ни въ родословныхъ о Дикѣ нѣтъ никакихъ данныхъ, то эту версію о предкѣ Толстого надо признать весьма сомнительной. Единственное указаніе, проливающее нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ, на эту легенду о Дикѣ, далъ намъ сынъ Л. Н. Толстого, С. Л. Толстой. По его словамъ, „выдумалъ“ эту „легенду“ братъ графини С. А. Толстой, С. А. Берсъ. Это весьма возможно. Такъ какъ въ родословныхъ говорится о происхожденіи рода Толстыхъ отъ „выходца изъ нѣмецъ“ и упоминается, что одинъ изъ предковъ Л. Н. Толстого получилъ прозваніе „Толстой“ отъ Василія Темнаго, то предположеніе о томъ, что фамилія Толстыхъ есть переводъ нѣмецкаго слова „Dick“ имѣло нѣкоторыя основанія, весьма, впрочемъ, шаткія. Это не помѣшало, однако, Левенфельду помѣстить въ своей книгѣ „Гр. Л. Н. Толстой, его жизнь, произведенія и міросозерцаніе“ слѣдующія строки: „Справка въ генеалогіи русскаго дворянства указала мнѣ, что графскій родъ Толстыхъ происходитъ отъ одного нѣмецкаго дворянина, переселившагося въ Россію нѣсколько столѣтій тому назадъ. Фамилія его была Дикъ, т. е. Толстый“. *) Въ какой „генеалогіи“ Левенфельдъ нашелъ данныя для подобнаго утвержденія, онъ, къ сожалѣнію, не указываетъ и едва-ли укажетъ.

„Россійская родословная книга“ князя Петра Долгорукова о происхожденіи Толстыхъ сообщаетъ лишь слѣдующее **): „Предокъ ихъ Индрисъ, по свидѣтельству черниговскаго лѣтописца, прибылъ изъ Германіи въ Черниговъ въ 1353 году, съ двумя сыновьями и съ дружиною изъ 3-хъ тысячъ человѣкъ состоящею. Всѣ они приняли православную вѣру“. О Дикахъ нѣтъ ни слова. Затѣмъ, далѣе, на стр. 121 — 131-ой „Россійской Родословной“, помѣщена слѣдующаго рода таблица предковъ Толстого и различныхъ колѣнъ его рода:

*) Р. Левенфельдъ: „Графъ Л. Н. Толстой, его жизнь произведенія и міросозерцаніе“. Изд. 2-е, стр. 19-я.

**) „Россійская Родословная книга“ кн. Петра Долгорукова. Часть 2-я, стр. 121-я.

Колѣно 1:
№ 1. Индрисъ, въ православн. вѣрѣ Леонтій

Колѣно 2:
№ 2. Константинъ Леонтьевичъ
№ 3. Федоръ.

Колѣно 3:
№ 4. Харитонъ Константиновичъ.

Колѣно 4:
№ 5. Андрей Харитоновичъ ***Толстой.***

Колѣно 20-е:
№ 174. Графъ Николай Николаевичъ Толстой.
№ 175. „ Сергѣй Николаевичъ Толстой.
№ 176. „ Дмитрій Николаевичъ Толстой.
№ 177. „ ***Левъ Николаевичъ Толстой.***

„Исторія родовъ русскаго дворянства“ П. Н. Петрова тоже ни словомъ не упоминаетъ о Дикахъ. А въ „Общемъ Гербовникѣ дворянскихъ родовъ Всероссійскія Имперіи“, въ которомъ приведена выписка изъ диплома на графское достоинство, пожалованнаго графу Петру Андреевичу Толстому „1725 года Августа въ 30 день“, показано лишь слѣдующее: „Графъ П. А. Толстой происшелъ изъ древней благородной фамиліи, изъ Германіи выѣхавшей. Предокъ его Индрисъ, въ 1353 году выѣхавшій въ Черниговъ съ двумя сыновьями и тремя тысячами людей и служителей, коему по крещенію наречено имя Леонтій, а сыновьямъ: первому Константинъ, а послѣднему Ѳедоръ, награжденъ былъ отъ Государей Всероссійскихъ многою милостію и вотчинами. Внукъ Константина Леонтьевича, Андрей Харитоновичъ, по пріѣздѣ изъ Чернигова въ Москву, отъ Государя и Великаго Князя Василія Васильевича получилъ прозваніе Толстой“.

Къ страницѣ 6-ой:

По поводу нашего указанія, что слово „нѣмецъ“ въ устахъ лѣтописца могло означать, вообще, иноземца, гр. С. А. Толстая сдѣлала на поляхъ корректуры нашего изданія слѣдующую помѣтку: „Слово нѣмецъ отъ слова нѣмой“.

Къ страницѣ 6-ой:

Вопросъ о „славянскомъ типѣ“ лица Л. Н. Толстого спорный. Вотъ что говоритъ, между прочимъ, по этому поводу Анна Сейронъ въ своей книгѣ „Графъ Левъ Толстой“: „Многіе утверждаютъ, что у графа славянскій типъ; на мой взглядъ — нисколько. Я много путешествовала и всюду видала и широкіе носы, и маленькіе глаза, и высокіе лбы, и волосатыя уши, и большіе рты, но это все не то. У графа нѣтъ никакого типа“.

Та-же самая мысль выражена г-жей Сейронъ и въ сокращенномъ русскомъ изданіи ея книги „Шесть лѣтъ въ домѣ гр. Льва Николаевича Толстого“: „Онъ не принадлежитъ ни къ одному опредѣленному типу, его прообразъ заложенъ въ первобытномъ планѣ мірового творчества“.

А вотъ какъ характеризуетъ внѣшность Л. Н. Толстого англійскій писатель Лонгъ: *) „Его внѣшность, говоритъ Лонгъ,—внѣшность интеллектуальнаго фанатика, но не мечтателя. У него, какъ и у Тургенева, выраженіе преобразившагося мужика. Но въ немъ нѣтъ ничего похожаго на лучшіе типы христолюбиваго крестьянина. У него грубое лицо, широкій носъ съ расширенными ноздрями, жесткій и рѣшительный ротъ и высокій, убѣгающій назадъ лобъ. Изъ подъ косматыхъ, ниспадающихъ бровей блестятъ маленькіе свѣтло-сѣрые глаза. Общее выраженіе лица аскетичное и раздражительное, во взглядѣ — что-то татарски-жестокое. Его лицо подходитъ скорѣе казачьему офицеру, чѣмъ мечтательному, добродушному крестьянину“.

Къ страницѣ 6-ой:

Предположеніе графа С. Л. Толстого, что „вся исторія съ Индрисомъ есть вымыселъ, сочиненный для того, чтобы Толстые и другіе потомки Индриса имѣли гербъ“, едвали основательно. Новѣйшій нѣмецкій біографъ и критикъ Л. Н. Толстого, д-ръ К. Штаубъ **) приведя слова С. Л. Толстого, говоритъ: „Такъ какъ въ приведенной выдержкѣ Сергѣй Толстой основывается лишь на вѣроятностяхъ, то его категорическое заключеніе неправильно“.

Къ страницѣ 6—7-й:

Новая точка зрѣнія на происхожденіе Л. Н. Толстого выдвигается въ книгѣ П. Н. Петрова „Исторія родовъ русскаго дворянства“. „Родъ Толстыхъ, пишетъ П. Н. Петровъ, компетентный археологъ, считаетъ родоначальникомъ загадочнаго для насъ Индриса—имя очевидно искаженное, отъ котораго произошли фамиліи: Васильчиковыхъ, Ѳедцовыхъ, Дурновыхъ, Даниловыхъ, Молчановыхъ. Нелѣпость очевидная—въ годъ черной смерти въѣздъ якобы изъ Нѣмецкой имперіи въ мѣсто, зараженное эпидеміею, въ Москву, для поселенія чужеземца, не знающаго ни языка, ни обычаевъ нашихъ, а тѣмъ болѣе—будто-бы изъ Чернигова, уже сто лѣтъ не имѣвшаго жителей и преданнаго забвенію. Намъ, по всѣмъ этимъ об-

*) „Англійскій писатель R. E. C. Long о графѣ Л. Н. Толстомъ, какъ мыслителѣ и дѣятелѣ“, въ сборникѣ статей „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ В. М. Скворцова. Изд. 2-е, стр. 378-я.

**) Dr. K. I. Staub: „Graf L. N. Tolstois Leben und Werke“, стр. 250.

стоятельствамъ, вмѣстѣ взятымъ, путешествіе Индриса, да еще съ приводомъ 3000 человѣкъ дружины, кажется болѣе похожимъ на вымыселъ, чѣмъ на дѣйствительность, если тутъ не скрывается монголъ Тенгри (?), спасавшій жизнь отъ внутренней смуты въ ордѣ, проявившейся по смерти хана Чанибека. Одиннадцать сыновей хана тогда были перебиты и, понятно, ордынскіе вельможи, близкіе къ умершему хану, должны были бѣжать въ это время, спасая жизнь свою. Нами предлагаемое разгадываніе личности мнимаго нѣмца Индриса, по нашему, скорѣе Тенгри, монгола, названнаго въ православіи Леонтіемъ, по крайней мѣрѣ, значительно устраняетъ невѣроятности, указывая разумные поводы переселенія въ Россію въ началѣ XIV вѣка, что количество колѣнъ въ фамиліи даетъ право признать внѣ всякихъ сомнѣній. Индрисъ или Тенгри-Леонтій, вѣроятнѣе попавшій прежде въ Ростовъ или Ярославль, гдѣ были въ XIII и XIV вѣкахъ князья Константины и Ѳедоры, былъ тамъ крещенъ князьями Константиномъ и Ѳедоромъ,— на что указываютъ имена сыновей и отца, одноименнаго съ древнѣйшимъ изъ высоко чтимыхъ мѣстныхъ святыхъ ростовскихъ— епископа Леонтія. Вѣдь у Константина Леонтьевича родословіе указываетъ сына Харитона и внука Андрея, будто-бы прозваннаго Толстымъ, отъ великаго князя Московскаго Василія Димитріевича". Указывая на великаго князя Василія Дмитріевича, П. Н. Петровъ, повидимому, ошибается. Рѣчь идетъ, очевидно, о Василіи Васильевичѣ.

Происхожденіе Л. Н. Толстого отъ литовцевъ доказываетъ въ самой категорической формѣ гр. Бобринской въ своемъ изданіи „Дворянскіе роды, внесенные въ Общій Гербовникъ всероссійской имперіи". Останавливаясь на легендѣ о происхожденіи рода Толстыхъ отъ выходца „изъ нѣмецъ", онъ говоритъ: „Родословная 1686 ссылается при этомъ на Черниговскую лѣтопись, которая, къ сожалѣнію, не дошла до насъ. Принимая во вниманіе языческія имена Индроса и сыновей его Литвиноса и Зимонтена, а также, что въ Черниговской области въ то время правилъ князь Дмитрій Ольгердовичъ, сынъ Литовскаго Великаго князя, можно съ полною достовѣрностью заключить, что Индросъ былъ литовскаго происхожденія и выѣхалъ изъ Литовскихъ областей Пруссіи, покоренныхъ уже тевтонскими рыцарями, находившимися въ прямой зависимости отъ германскаго императора, чѣмъ и объясняется указаніе о выѣздѣ его „изъ Нѣмецъ, изъ Цесарскія земли".

Сопоставляя мнѣніе гр. Бобринского съ мнѣніемъ П. Н. Петрова, легко замѣтить, что „полная достовѣрность" литовскаго происхожденія Толстыхъ весьма проблематична, а аргументы гр. Бобринского менѣе убѣдительны, чѣмъ доказательства П. Н. Петрова. Намъ они кажутся и менѣе обоснованными, ибо въ лѣтописи идетъ рѣчь о Черниговѣ, а не о Черниговской области, и, кромѣ того, указывая на литовскія имена сыновей Индриса, гр. Бобринской приводитъ только одно, крайне шаткое, доказательство литовскаго происхожденія самого Индриса: то, что онъ имѣлъ языческое имя. Между тѣмъ, въ Индрисѣ, какъ родоначальникѣ, все дѣло. Къ тому-же, какъ татарское имя Тенгри легко могло, по простому созвучію, перейти сначала въ Тенгрисъ, а затѣмъ и въ Индрисъ, такъ и литовскія имена сыновей Индриса могли быть ими получены уже въ Черниговѣ, такъ же, какъ и ихъ христіанскія имена—Константинъ и Ѳедоръ.

О прикосновенности рода Толстыхъ къ татарамъ имѣется указаніе и въ „Россійской Родословной" кн. Петра Долгорукова. Въ примѣчаніи къ стр. 133-ей читаемъ:

„Въ лѣтописяхъ упоминаются нѣсколько Толстыхъ, въ родословной не помѣщенныхъ: 1) Акинфій Толстой, посадникъ новгородскій въ 1476 году; 2) Казаринъ Толстой и Захаръ Григорьевичъ Толстой, оба убиты въ казанскомъ походѣ 1550 года; 3) Михайло Ивановичъ, и 4) Василій Михайловичъ, воеводы, первый въ казанскомъ походѣ 1544 года, второй въ полоцкомъ походѣ 1551 года".

Къ страницѣ 7—8-ой:

Тѣсное сліяніе рода Толстыхъ съ кореннымъ русскимъ боярствомъ очевидно изъ того обстоятельства, что уже о Василіи Ивановичѣ Толстомъ, жившемъ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка, т. е. за цѣлое столѣтіе до графа Петра Андреевича Толстого, мы находимъ въ родословныхъ такія свѣдѣнія: „онъ еще въ молодости отличился вѣрностію отечеству и вѣрѣ православной; въ смутную эпоху междуцарствія онъ предводительствовалъ въ 1612 году войскомъ между Костромою и Пошехонью. Сынъ его Андрей былъ воеводою въ Черниговѣ и женился на сестрѣ знаменитаго боярина Ивана Михайловича Милославскаго". Хотя отъ Милославской у Андрея Васильевича и не осталось потомства (будущіе графы, Иванъ и Петръ Андреевичи-сыновья Андрея Васильевича отъ первой жены), но самый фактъ женитьбы одного изъ предковъ Толстого на Милославской уже самъ по себѣ показываетъ, что русское боярство смотрѣло на ихъ родъ, какъ на коренной русскій. Едва-ли боярин Милославскій отдалъ-бы свою сестру за Андрея Васильевича Толстого, если-бы въ то время свѣжа была еще память о Толстыхъ—нѣмцахъ, или Толстыхъ—татарахъ.

Къ страницѣ 8—9-ой:

Графъ Петръ Андреевичъ Толстой

родоначальникъ графскаго рода Толстыхъ, первая хорошо извѣстная намъ фигура среди предковъ Л. Н. Толстого, а потому личность его для біографа имѣетъ особенно важное значеніе. Мы считаемъ, поэтому, нелишнимъ перечислить здѣсь слѣдующіе важнѣйшіе историко-литературные источники, которые касаются жизни и государственной дѣятельности этого выдающагося сотрудника Петра I: 1) „Атеней", 1859. „Путешествіе въ Италію и на о-въ Мальту стольника П. А. Толстого въ 1697 и 1698 г.г.". 2) Н. А. Поповъ: „Изъ жизни П. А. Толстого". „Русскій Вѣстникъ", 1860, № 11. 3) Погодинъ: „Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ". „Русская Бесѣда", 1860, I. 4) Костомаровъ: „Царевичъ Алексѣй Петровичъ". „Древняя и Новая Россія", 1875, № 1 и 2 и „Монографіи", т. XVI. 5) Н. А. Поповъ: „Графъ П. А. Толстой".—„Древняя и Новая Россія", 1875, № 3. 6) „Древняя и Новая Россія", 1875, № 11: „Свѣдѣнія о пребываніи гр. П. А. Толстого въ ссылкѣ". 7) „Русскій Архивъ", 1888: „Дневникъ путешествія П. А. Толстого". 8) „Историческій Вѣстникъ", 1880, т. I: „Записки В. Н. Геттуна". Янв., Февр. и Мартъ. 9) „Вѣстникъ Европы" 1897, № 9: „Путешествіе за границу временъ Петра Великаго". Кромѣ этихъ спеціальныхъ статей, посвященныхъ графу П. А. Толстому, цѣнныя замѣчанія о немъ попадаются въ „Исторіи родовъ русскаго дворянства" П. Н. Петрова и въ „Сборникѣ лѣтописей, относящихся къ исторіи Южной и Западной Руси". Такъ, въ первомъ изъ этихъ источниковъ указана слѣдующая причина ссылки прапрадѣда Л. Н. Толстого. „Графъ Петръ Андреевичъ, вѣчный противоборецъ князю Меньшикову, имъ и сосланъ, вовлеченный въ процессъ Дивіера и другихъ". А въ „Сборникѣ лѣтописей", мы находимъ слѣдующія любопытныя строки *): „Тогда-жъ (Апрѣля 22 дня 1717 года) съ понедѣльника на вторникъ свѣтлой недѣли Воскресенія Христова монастырь Печерскій погорѣвъ ввесь и на церкви каменной верхи погорѣли и внутри иконостасъ и мощи святыя Іуліаніи згорѣли"... „Тогдажъ гетманъ Скоропадскій съ Петромъ Андреевичемъ Толстымъ посваталъ свою дочь за Толстого сына". Этотъ брачный союзъ сына царедворца Петра съ дочерью гетмана вольнолюбиваго казачества, при свѣтѣ пожара, въ которомъ сгорѣли „мощи святыя Іуліаніи", является однимъ изъ колоритнѣйшихъ фактовъ въ исторіи Толстовскаго рода.

Къ страницѣ 10-ой:

Собственноручныя примѣчанія гр. С. А. Толстой къ корректурамъ русскаго перевода книги Р. В. Левенфельда „Графъ Л. Н Толстой, его жизнь, произведенія и міросозерцаніе" дополняютъ характеристику дѣда Толстого, графа Ильи Андреевича: „Графъ Илья Андреевичъ, говорится въ одномъ изъ этихъ примѣчаній, велъ жизнь крайне роскошную, выписывалъ стерлядей изъ Архангельской губерніи, посылалъ мыть бѣлье въ Голландію, держалъ домашній оркестръ и театръ, и прожилъ все".

Къ страницѣ 13-ой:

По поводу фактической стороны біографіи родителей Л. Н. Толстого мы считаемъ необходимымъ указать, что почти во всѣхъ до нынѣ существующихъ біографіяхъ Л. Н. Толстого допущены, какъ въ этомъ отношеніи, такъ и въ другихъ, касающихся самого Льва Николаевича, его семьи и предковъ, грубыя ошибки. Такъ, напримѣръ, въ біографіи Л. Н. Толстого, написанной Евгеніемъ Соловьевымъ, мать Льва Николаевича названа почему-то княжной „Волхонской", тогда какъ она Волконская. Далѣе: имя ея не „Марія Ивановна", а Марья Николаевна. Умерла Марья Николаевна не въ 1831 году, какъ неправильно указываетъ Е. Соловьевъ, а въ 1830. Затѣмъ, на страницѣ 35 своей біографіи авторъ говоритъ, что послѣ Казани Л. Н. Толстой „отправился въ Ясную Поляну, гдѣ прожилъ почти безвыѣздно до 1851 г.". Въ дѣйствительности-же, Л. Н. Толстой цѣлыхъ двѣ зимы этого періода провелъ частью въ Москвѣ, частью въ Петербургѣ. Вообще, книжка Е. Соловьева, небрежная по стилю и спутанная по формѣ изложенія, полна самыхъ разнообразныхъ неточностей и фактическаго, и психологическаго характера. Отца Л. Н. Толстого, Николая Ильича, человѣка недюжиннаго ума и яркой мечты, біографъ, сравниваетъ въ лицѣ Николая Ростова, съ Вронскимъ изъ „Анны Карениной"! И всѣ эти ошибки, небрежности и неточности повторены во всѣхъ 3-хъ изданіяхъ книжки Е. Соловьева.

Такія-же грубыя ошибки допустилъ въ своей статьѣ о Толстомъ въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза С. А. Венгеровъ. На страницѣ 448 шестьдесятъ пятаго полутома названнаго изданія мы читаемъ: „Сынъ Ильи Андреевича, Николай Ильичъ былъ отцомъ Льва Николаевича. Онъ изображенъ довольно близко къ дѣйствительности въ „Дѣтствѣ" и „Отрочествѣ", въ лицѣ отца Николиньки, и отчасти въ „Войнѣ и Мирѣ", въ лицѣ Николая Ростова". И далѣе: „Весело проведя молодость, Николай Ильичъ проигралъ огромныя деньги и совершенно разстроилъ свои дѣла. Страсть къ игрѣ перешла и къ сыну". Обѣ эти выдержки полны ошибокъ. „Довольно близко къ дѣйствительности" отецъ Л. Н. Толстого изображенъ

*) „Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Южной и Западной Руси".

какъ разъ въ „Войнѣ и Мирѣ“, а въ „Дѣтствѣ и отрочествѣ“ прообразомъ для отца Николиньки послужилъ совсѣмъ не отецъ Л. Н. Толстого, а его сосѣдъ по имѣнію, А. М. Исленевъ. „Пропгралъ огромныя деньги и совершенно разстроилъ свои дѣла“ тоже совсѣмъ не отецъ Л. Н. Толстого, а его дѣдъ. Отецъ-же Толстого, Николай Ильичъ, не только не игралъ въ карты и не разстраивалъ своихъ дѣлъ, но поправилъ ихъ. Объ этомъ, помимо опубликованныхъ уже литературныхъ документовъ, намъ говорили лично и Л. Н. Толстой и гр. С. А. Толстая. Далѣе: Ѳ. И. Ресселя, воспитателя и учителя Л. Н. Толстого, послужившаго прообразомъ для Карла Ивановича Мауера въ „Дѣтствѣ“, С. А. Венгеровъ называетъ почему-то „Рессельманомъ“. Поражаютъ еще въ статьѣ Венгерова и слѣдующія ничѣмъ не оправдываемыя погрѣшности: отецъ Толстого, по его словамъ, „принималъ участіе въ войнѣ 1812 года“ въ чинѣ „подполковника“. Въ дѣйствительности, графу Н. И. Толстому было тогда всего семнадцать лѣтъ. Поступилъ Л. Н. Толстой въ казанскій университетъ, если вѣрить Венгерову, „уже 15 лѣтъ, въ 1843 году“. Помимо этихъ фактическихъ ошибокъ, статья Венгерова вызываетъ недоумѣнія и своими критическими замѣчаніями, рискованными и неожиданными: Марьяну изъ „Казаковъ“ критикъ называетъ, „своего рода demivierge“! Про мать Иртеньевыхъ въ „Дѣтствѣ“ онъ говоритъ, что это изображеніе матери самого Толстого „по разсказамъ другихъ“!

Пестритъ многочисленными ошибками и книга Левенфельда „Графъ Л. Н. Толстой, его жизнь, произведенія и міросозерцаніе“. Такъ, на стр. 26-ой Левенфельдъ говоритъ о неудачныхъ переводныхъ испытаніяхъ Л. Н. Толстого „съ перваго курса на второй“. На самомъ-же дѣлѣ „переводныхъ испытаній“ съ перваго курса на второй Л. Н. Толстой совсѣмъ не держалъ, онъ даже не былъ допущенъ къ нимъ. Въ другомъ мѣстѣ, на стр. 40-й, Левенфельдъ пишетъ: „Сергѣй Николаевичъ впослѣдствіи женился на цыганкѣ и былъ близокъ къ тому, чтобы склонить къ подобному-же браку и младшаго брата, Льва“. Дѣло было совсѣмъ не такъ: Сергѣй Николаевичъ женился на цыганкѣ, съ которой жилъ, по настоянію Л. Н. Толстого, убѣдившаго его сдѣлать этотъ шагъ. Намъ извѣстно это изъ собственныхъ личныхъ признаній Л. Н. Толстого. Кромѣ того, гр. С. А. Толстая, читая корректуру, настоящаго выпуска нашей книги, присоединила къ нашему примѣчанію слѣдующую цѣнную фактическую подробность: „Сергѣй Николаевичъ склонялъ брата Льва не къ браку, а къ связи съ цыганкой, непосредственно передъ отъѣздомъ Льва Николаевича на Кавказъ. Тогда самъ Сергѣй Николаевичъ вступилъ въ связь со своей будущей женой, цыганкой Маріей Михайловной Шишкиной“. На стр. 43-ей станица Старогладковская превращается, подъ перомъ Левенфельда, въ Староглядовъ, на стр. 55 невѣрно указана дата смерти бабушки Л. Н. Толстого, Пелагеи Николаевны, и т. д. Еще болѣе грубые ошибки и промахи допущены Левенфельдомъ въ его брошюрѣ „Графъ Л. Н. Толстой въ сужденіяхъ о немъ его близкихъ и въ разговорахъ съ нимъ самимъ“. Напримѣръ, на стр. 13 этой брошюры авторъ говоритъ о томъ, что Л. Н. Толстой написалъ будто-бы книгу „Міровоззрѣніе талмудистовъ“, которая была издана „Петербургскимъ обществомъ поднятія образованія между евреями“. Подобной книги Л. Н. Толстой никогда не писалъ. Въ 70-хъ годахъ, дѣйствительно, вышли въ Петербургѣ 2 сборника „Міровоззрѣніе талмудистовъ“ Гордона, изданные „Обществомъ распространенія просвѣщенія между евреями“, но Толстой въ этихъ сборникахъ никакого участія не принималъ, да и не могъ-бы принять, такъ-какъ именно по этимъ книгамъ онъ и самъ изучалъ тогда міровоззрѣніе талмудистовъ. Въ другомъ мѣстѣ той-же брошюры Левенфельдъ приводитъ такія слова Л. Н. Толстого: „Я имѣлъ счастье сдѣлаться флигель-адъютантомъ Великаго князя Михаила Николаевича“. Нелѣпость очевидная: во первыхъ, у великихъ князей флигель-адъютантовъ не бываетъ, во вторыхъ, Л. Н. Толстой даже и адъютантомъ никогда ничьимъ не былъ, наконецъ, въ третьихъ, въ девяностыхъ годахъ Л. Н. Толстой ни за что не произнесъ-бы подобной фразы, даже если-бъ ему и случилось быть когда-нибудь адъютантомъ великаго князя. Всѣ эти промахи особенно бросаются въ глаза послѣ слѣдующаго категорическаго заявленія Левенфельда, которое онъ дѣлаетъ въ началѣ брошюры: „То, что я записалъ, я считаю неоспоримо вѣрнымъ, но не вполнѣ достаточнымъ“.

Лучшей и наиболѣе полной и вѣрной по фактическому матеріалу біографіей Л. Н. Толстого является, несомнѣнно, новѣйшая работа П. И. Бирюкова. Къ сожалѣнію, и она, несмотря на отсутствіе въ ней синтетическаго труда, тоже страдаетъ существенными промахами и ошибками фактическаго и психологическаго характера, а также нѣкоторыми бросающимися въ глаза противорѣчіями, которыя примирить, на основаніи имѣющихся въ книгѣ данныхъ, невозможно. Такъ, напримѣръ, въ главѣ о матери Л. Н. Толстого, мы находимъ у П. И. Бирюкова на стр. 46 такія строки: „Она была богатая, уже не первой молодости сирота“. А на стр. 37, въ главѣ о предкахъ Льва Николаевича со стороны его матери, мы читаемъ про отца Марьи Николаевны: „онъ не только остановился въ своей служебной карьерѣ, но былъ назначенъ воеводой въ Архангельскъ, гдѣ пробылъ, кажется, до воцаренія Павла, когда вышелъ въ отставку и, же-

нившись на княжнѣ Екатеринѣ Дмитріевнѣ Трубецкой, поселился въ полученномъ отъ своего отца Сергѣя Ѳедоровича имѣніи Ясной Полянѣ". Такимъ образомъ, съ одной стороны, выходя замужъ въ 1822 году, Марья Николаевна была „уже не первой молодости спрота", а съ другой стороны, дѣвушкой едва только достигшей 20 лѣтняго возраста, такъ какъ самъ-же Бирюковъ, въ примѣчаніи къ стр. 37, указываетъ, на этотъ разъ уже на основаніи документа, что князь Н. С. Волконскій находился еще въ Архангельскѣ и въ 1799 году, значитъ, жениться онъ могъ лишь въ 1800 — 1801 г. г. И несмотря на это явное противорѣчіе въ текстѣ, въ текстѣ, принадлежащемъ самому Л. Н. Толстому, авторъ біографіи не только не дѣлаетъ попытки устранить его, но даже и не оговариваетъ его *). Далѣе, описывая первый годъ студенческой жизни Л. Н. Толстого, П. И. Бирюковъ, дѣлая, тутъ-же рядомъ, выписку изъ статьи проф. Загоскина о студенческихъ годахъ Толстого, въ которой отчетливо говорится о томъ, что Л. Н. Толстой не былъ даже вовсе допущенъ къ переходнымъ экзаменамъ на второй курсъ, пишетъ: „Левъ Николаевичъ не выдержалъ переходного экзамена". Помимо такихъ существенныхъ ошибокъ и противорѣчій, встрѣчаются въ біографіи Бирюкова и болѣе мелкія, которыя, при всей своей кажущейся незначительности, затрудняютъ пользованіе ею, какъ вполнѣ достовѣрнымъ источникомъ. Многое приходится провѣрять по первоисточникамъ, критиковать и исправлять, въ виду неясностей и недоговоренности.

Къ страницѣ 14-ой:

Способность матери Толстого къ разсказамъ и импровизаціямъ всевозможныхъ сказокъ гр. С. А. Толстая характеризуетъ слѣдующимъ образомъ **): „Бывало, на балахъ она соберетъ вокругъ себя въ уборной подругъ и такъ увлекательно разсказываетъ имъ сказки, что никто не идетъ танцовать; а музыка играетъ, и кавалеры тщетно ждутъ своихъ дамъ въ залахъ".

Къ страницѣ 14-ой:

Князь Николай Сергѣевичъ Волконскій, дѣдъ Л. Н. Толстого со стороны его матери, ведетъ свой родъ отъ Рюриковичей. Въ книгѣ П. И. Бирюкова мы читаемъ: „Родоначальникъ князей Волконскихъ святой Михаилъ князь Черниговскій ***). Это вопросъ спорный. Правда, въ „Россійской Родословной книгѣ" кн. Петра Долгорукова родоначальникомъ Волконскихъ тоже признается князь Михаилъ Черниговскій. По словамъ этой „Родословной", „пятый сынъ св. князя Михаила Черниговскаго, князь Юрій Михайловичъ Торусскій, имѣлъ сына Ивана, по прозвищу т о л с т а я г о л о в а, коему далъ во владѣніе городище Волкону на рѣчкѣ Волхонкѣ, отчего потомки его и писались, сперва Волхонскими, а потомъ Волконскими. Изъ родословной таблицы, помѣщенной на стр. 267 книги кн. Долгорукова, видно, что княжна Марья Николаевна, будущая мать Л. Н. Толстого, родилась въ 1790, а умерла въ 1830 году. Вотъ эта таблица:

Колѣно I.

№ 1. Кн. Ив. Юрьевичъ Толстая Голова

Колѣно XV.

№ 256. Князь Ник. Сергѣевичъ, генералъ отъ инфантеріи, род. 30 марта 1753 † 3 февр. 1821, женатъ на княжнѣ Екатеринѣ Дмитріевнѣ Трубецкой, р. 15 сент. 1749 † 8 мая 1799.

Колѣно XVI.

№ 292. Княжна М. Николаевна, р. 1790 † 1830 за графомъ Н. Ильичемъ Толстымъ.

Такимъ образомъ, мать Л. Н. Толстого, если вѣрить этой родословной, является прямымъ потомкомъ русскаго святого мученика, которому, по словамъ лѣтописца, татары „отрѣза ножемъ честную главу и отверже прочь отъ тѣла", и который, уже съ отрѣзанной головой, сказалъ: „Христіанинъ есмь" и „въстече къ подвигоположнику своему Владыцѣ Христу, блистая красотами, красуяся своею кровію, ею же имени ради Его обагрися, отъ Него-же и вѣнцомъ нетлѣнія вѣнчася" *).

Однако, П. Н. Петровъ отрицаетъ происхожденіе Волконскихъ отъ св. князя Михаила Черниговскаго. Онъ говоритъ, что, слѣдуя рукописнымъ родословнымъ, надо-бы поставить кн. Волконскихъ „среди (?) или послѣ потомства сыновей князя Юрія Торусскаго, который будто-бы имѣлъ старшаго сына Ивана Юрьевича „Толстая Голова", рожденнаго безъ брака отъ связи съ Агаѳьею, дочерью просвирни въ Торусѣ". Но „такое происхожденіе князей Волконскихъ, несмотря и на нахожденіе въ гербѣ ихъ эмблемъ княжествъ Кіевскаго и Черниговскаго", П. Н. Петровъ считаетъ „рѣшительно легендарнымъ", хотя и признаетъ ихъ за „несомнѣнно рюриковичей", но рязанской вѣтви, а не потомками св. Михаила Черниговскаго и не потомками Мономаха.

*) Въ своемъ мѣстѣ, мы останавливаемся на этомъ противорѣчіи и разъясняемъ его.

**) Въ указанныхъ уже выше примѣчаніяхъ къ книгѣ Р. В. Левенфельда.

***) П. И. Бирюковъ: Левъ Николаевичъ Толстой. Біографія. Т. I. стр. 35-я.

*) „Полное Собраніе Лѣтописей". Спб. 1885. Т. 10. Приложеніе къ VIII лѣтописному сборнику Никоновской лѣтописи.

Къ страницѣ 14-ой:

О личности отца Марьи Николаевны нѣкоторыя, весьма, впрочемъ, неточныя, и не всегда вѣрныя, свѣдѣнія можно найти въ воспоминаніяхъ о немъ Л. Н. Толстого, приведенныхъ въ книгѣ П. И. Бирюкова „Левъ Николаевичъ Толстой“ (Томъ I, стр. 37 — 38) и въ книгѣ „Родъ князей Волконскихъ“, изданной въ 1900 году кн. Е. Г. Волконской, данными которой пользуется и П. И. Бирюковъ.

Къ страницѣ 14-ой:

Объ отставкѣ и женитьбѣ князя Николая Сергѣевича Волконскаго точныхъ датъ намъ найти не удалось, но на основаніи тѣхъ матеріаловъ, которые имѣлись у насъ подъ руками, мы, во всякомъ случаѣ, можемъ съ увѣренностью утверждать, что женился отецъ матери Толстого не „ко времени воцаренія Павла“, а значительно раньше. Въ одномъ изъ дневниковъ матери Толстого мы нашли ея собственноручную дату: „1810 Года Іюня 18 дня“. Этою датой начинаются записки княжны М. Н. Волконской о ея поѣздкѣ съ отцомъ изъ Москвы въ Петербургъ. Содержаніе записокъ не оставляетъ сомнѣнія, что онѣ принадлежатъ не 10—11 лѣтней дѣвочкѣ, какъ должно было-бы быть, если-бы кн. С. Н. Волконскій женился въ 1799 году, а дѣвушкѣ въ возрастѣ 15—20 лѣтъ. Сколько-же лѣтъ было матери Толстого въ 1810 году? Прямой отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ лишь таблица, помѣщенная въ „Россійской Родословной“ кн. Долгорукова. Здѣсь прямо указывается, что Марья Николаевна родилась въ 1790 году. Однако, это едва-ли такъ. Въ книгѣ „Родъ князей Волконскихъ“ мы находимъ дату, прямо опровергающую то, что говоритъ кн. Долгоруковъ. Оказывается, что въ 1793 году Николай Сергѣевичъ назначенъ былъ чрезвычайнымъ посломъ въ Берлинъ. Очевидно, значитъ, что до этого года онъ не имѣлъ еще того столкновенія съ Потемкинымъ, изъ за отказа жениться на его любовницѣ, о которомъ говорится въ книгѣ Бирюкова. Женатому человѣку Потемкинъ не могъ-бы сдѣлать подобнаго предложенія, а, слѣдовательно, и немилость Екатерины, постигшая Николая Сергѣевича послѣ этого его отказа Потемкину и назначеніе его воеводой въ Архангельскъ, случилась послѣ 1793 года: опальнаго князя не послали-бы чрезвычайнымъ посломъ въ Берлинъ. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что женитьба Николая Сергѣевича могла произойти лишь послѣ 1793 года. Когда-же именно? Для отвѣта на этотъ послѣдній вопросъ мы имѣемъ слѣдующія данныя. Во-первыхъ, мы уже знаемъ, что въ 1810 году княжнѣ Марьѣ Николаевнѣ было не менѣе 15 лѣтъ. Во-вторыхъ, изъ „Родословной“ кн. Долгорукова намъ извѣстно, что мать Марьи Николаевны умерла 8 мая 1799 года. Въ третьихъ, самъ Л. Н. Толстой говоритъ: „Княгиня Екатерина Дмитріевна рано умерла, оставивъ моему дѣду единственную дочь Марію“. Наконецъ, въ четвертыхъ, мы знаемъ, что у Марьи Николаевны была еще сестра, которая умерла въ очень раннемъ дѣтствѣ, лѣтъ 4—5. Соображая всѣ эти данныя, мы уже почти точно можемъ опредѣлить время женитьбы князя Н. С. Волконскаго и отнести это важное событіе въ его жизни къ 1793—94 году. Такъ оно и должно было быть по логикѣ вещей: вернувшись, послѣ бракосочетанія наслѣднаго германскаго принца изъ Берлина въ Петербургъ, кн. Волконскій и столкнулся съ Потемкинымъ, попалъ вслѣдъ за этимъ въ немилость къ императрицѣ и назначенъ былъ воеводой въ Архангельскъ. Вотъ тутъ только и могла состояться его свадьба, съ которой, очевидно, Николай Сергѣевичъ поспѣшилъ. Нѣкоторый намекъ на это мы видимъ въ томъ обстоятельствѣ, что его невѣстѣ было 43—44 года, тогда-какъ ему самому всего 39 или 40 *). Наше предположеніе о времени женитьбы кн. Волконскаго находитъ себѣ полное подтвержденіе въ запискахъ Марьи Николаевны о ея поѣздкѣ съ отцомъ въ Петербургъ: если она родилась въ 1793—94 году, то ей въ 1810 дѣйствительно было 15—17 лѣтъ что вполнѣ допустимо, и чему соотвѣтствуетъ упоминаніе самой Марьи Николаевны въ этихъ запискахъ о ея тогдашнихъ „молодыхъ лѣтахъ“.

Кн. Екатерина Дмитріевна Волконская.

Къ страницѣ 14-ой:

О выдающихся способностяхъ матери Л. Н. Толстого мы находимъ личное свидѣтельство самой Марьи Николаевны въ одномъ изъ ея дневниковъ, въ которомъ она говоритъ: „Я сама по пятому году читала хорошо по русски, а шести лѣтъ и по французски“.

Къ страницѣ 14—15-ой:

Дѣвическія настроенія М. Н. Волконской, которыя она переживала, думая о своемъ замужествѣ, съ удивительнымъ мастерствомъ очерчены въ „Войнѣ и Мирѣ“. Особенно цѣнна въ этомъ отношеніи переписка княжны Марьи Волконской съ Жюли Курагиной. Натура страстная и даже чувственная, княжна Марья выступаетъ въ этой перепискѣ во всей своей ду-

*) См. „Россійская Родословная“ кн. Долгорукова стр. 264.

ховной прелести, скромности, во всемъ своемъ цѣломудріи, любвеобиліи. Некрасивая и уже не молодая, она прекрасно понимаетъ, что ея личныя мечты объ утѣхахъ любви—вещь для нея почти недостижимая, хотя инстинктивно и желанная. И она боретъ въ себѣ этотъ низшій инстинктъ, перевоплощаетъ его, такъ сказать, въ инстинктъ материнства и, проникнутая высокимъ религіознымъ настроеніемъ и нравственнымъ мотивомъ, пишетъ своей подругѣ: „Почему приписываете вы мнѣ строгій взглядъ, когда говорите о вашей склонности къ молодому человѣку? Въ этомъ отношеніи я строга только къ себѣ. Я понимаю эти чувства у другихъ, и если не могу одобрить ихъ, никогда не испытавши, то и не осуждаю ихъ. Мнѣ кажется только, что христіанская любовь, любовь къ ближнему, любовь къ врагамъ, достойнѣе, радостнѣе и прекраснѣе, чѣмъ тѣ чувства, которыя могутъ внушать прекрасные глаза молодого человѣка молодой дѣвушкѣ, поэтической и любящей, какъ вы“. Затѣмъ, переходя къ будущему своему жениху, котораго ей сватаютъ, княжна Марья продолжаетъ: „Отецъ мнѣ ничего не говорилъ о женихѣ, но сказалъ только, что получилъ письмо и ждетъ посѣщенія князя Василія; что касается до плана супружества относительно меня, я вамъ скажу, милый и безцѣнный другъ, что бракъ, по моему, есть божественное установленіе, которому нужно подчиняться. Какъ-бы то ни было тяжело для меня, но если Всемогущему угодно будетъ наложить на меня обязанности супруги и матери, я буду стараться исполнять ихъ такъ вѣрно, какъ могу, не заботясь объ изученіи своихъ чувствъ въ отношеніи того, кого Онъ мнѣ дастъ супругомъ“. Мы имѣемъ основанія думать, что и мать Л. Н. Толстого, будучи невѣстой, переживала подобныя-же настроенія. Конечно, выйдя замужъ, она также, какъ и княжна Марья, испытала страсть и поддавалась ей по временамъ, но основной мотивъ ея отношеній къ мужу былъ всегда духовнаго характера. Вотъ почему мы и сказали, что Марья Николаевна любила Николая Ильича „больше какъ отца ея дѣтей и просто человѣка, чѣмъ какъ мужа“. Это обстоятельство, какъ увидимъ дальше, имѣетъ огромное значеніе для правильнаго пониманія взаимныхъ отношеній отца и матери Л. Н. Толстого, отношеній, которыми опредѣляется весь характеръ ихъ семейной жизни и ихъ вліянія на дѣтей.

Къ страницѣ 15-ой

Для иллюстраціи характера „Нѣкоторыхъ примѣчаній, ведущихъ къ познанію хлѣбопашества“ приводимъ нѣсколько строкъ, относящихся въ тетради Марьи Николаевны къ сѣнокосу: „Сѣно косить начинаютъ въ концѣ іюня; скосивъ оставляютъ его лежать въ рядахъ, чтобъ высохло, что можетъ произойти дни въ два или въ три, коль погода хорошая; во время чего ряды его переворачиваютъ и перетрясаютъ, дабы въ серединѣ не осталось ничего сырого“. И т. д.

Къ страницѣ 15-ой

Изъ ученическихъ и дѣвическихъ тетрадей Марьи Николаевны, кромѣ перечисленныхъ въ самомъ текстѣ книги, можно еще указать: тетрадь съ выдержками изъ стиховъ Державина и другую, съ отрывками изъ классиковъ, какъ напримѣръ: „Къ Корнелію Тациту“, „Къ Минуцію Фундану“, „Къ Марцелію“ и т. д.

Къ страницѣ 17-ой.

Письма, дневники и замѣтки Маріи Николаевны хранились въ Ясной Полянѣ, у Т. А. Ергольской, среди старыхъ бумагъ, въ шкатулкѣ, которая стояла у нея въ комнатѣ на комодѣ. Т. А. Ергольская умерла въ 1874, и до этого времени ни Л. Н. Толстой, ни гр. С. А. Толстая ничего о нихъ не знали. Только по смерти Ергольской, документы эти, въ числѣ другихъ ея вещей, перешли въ руки С. А. Толстой. По собственнымъ признаніямъ Л. Н. Толстого, документы эти, такъ ярко рисующіе обворожительную личность его матери, и до сихъ поръ не вполнѣ имъ изучены: они слишкомъ его волнуютъ. Когда однажды, въ Ясной Полянѣ, зашелъ разговоръ о томъ, какой удивительный человѣкъ была Марія Николаевна, Левъ Николаевичъ, мягко и тихо, видимо сдерживая слезы, сказалъ: „Ну, ужъ этого я не знаю, я только знаю, что у меня есть culte къ ней“.

Къ страницѣ 18-ой:

О наружности матери Л. Н. Толстого гр. С. А. Толстая передавала намъ лично, на основаніи разсказовъ, слышанныхъ ею отъ тетокъ Л. Н. Толстого, что Марья Николаевна была очень некрасива и неграціозна. Ходила она какъ-то на пяткахъ, съ небольшой развалкой, откинувъ верхнюю часть туловища назадъ, какъ ходятъ иногда беременныя женщины. Этой наружности совсѣмъ не соотвѣтствовалъ духовный обликъ матери Толстого. Даже изъ разсказовъ тетокъ Л. Н. Толстого, жившихъ въ нѣкоторомъ антагонизмѣ съ Марьей Николаевной, личность ея выступаетъ не только симпатичной, но и незаурядной. Такъ, напримѣръ, въ ея добродушно юмористическомъ отношеніи къ внѣшней религіозности тетокъ Толстого нѣтъ рѣшительно никакого безвѣрія, а тѣмъ болѣе насмѣшки, какъ, видимо, были въ свое время склонны понимать это старушки, воспитанныя на совершенно иныхъ началахъ, чѣмъ мать Л. Н. Толстого

На цѣлую голову выше окружающихъ по развитію и воспитанію, аристократка и богачка, по сравненію съ малосостоятельными Толстыми, могла-ли, въ самомъ дѣлѣ, Марья Николаевна чувствовать себя совсѣмъ въ своей средѣ въ обществѣ и въ обстановкѣ яснополянскихъ обитателей? Какую духовную пищу могло давать ей умственное общеніе съ людьми, жившими въ Ясной Полянѣ? Этого совершенно, повидимому, не понимали тетки Толстого. По тому, что передавала намъ, съ ихъ словъ, гр. С. А. Толстая, можно думать, что онѣ считали мать Толстого гордячкой, полагали, что Марья Николаевна, выйдя за бѣднаго графа, сдѣлала mésaillance, и съ высоты своего уязвленнаго аристократизма даетъ имъ это чувствовать. На самомъ-же дѣлѣ ничего подобнаго не было. Если мать Толстого и страдала отъ mésaillance'а, то это была mésaillance духовная, отъ которой она, конечно, страдала совсѣмъ по иному, чѣмъ страдали-бы на ея мѣстѣ тетушки. Вотъ откуда пропстекалъ и этотъ ея добродушный юморъ, за которымъ таились внутреннія слезы, и это нѣсколько властное положеніе въ домѣ, гдѣ она была хозяйкой: говорить въ тонъ тетушекъ Марья Николаевна не могла, точно также, какъ не могла она поднять ихъ на уровень своей образованности, своей душевной чуткости и высокой воспитанности. И она обставляла свою жизнь, свои семейныя отношенія, свое положеніе хозяйки, хотя и считаясь съ окружающими, но по своему, въ уровень своихъ собственныхъ, духовно-женственныхъ настроеній.

Къ страницѣ 18-ой

О хозяйственности и эстетическихъ наклонностяхъ кн. Н. С. Волконскаго имѣются указанія въ воспоминаніяхъ о немъ Л. Н. Толстого, приведенныхъ въ книгѣ Бирюкова. Дѣдъ его, князь Н. С. Волконскій, „считался очень строгимъ хозяиномъ", но „восторженное уваженіе къ его важности и разумности было такъ велико въ дворовыхъ и крестьянахъ его времени", что Толстому приходилось слышать „только похвалы уму, хозяйственности и заботѣ о крестьянахъ и, въ особенности, огромной дворнѣ" его дѣда. „Онъ построилъ прекрасныя помѣщенія для дворовыхъ и заботился о томъ, чтобы они были всегда не только сыты, но и хорошо одѣты и веселились-бы. По праздникамъ онъ устраивалъ для нихъ увеселенія, качели, хороводы". „Вѣроятно, у него было очень тонкое эстетическое чутье. Всѣ его постройки не только прочны и удобны, но чрезвычайно изящны. Таковъ-же разбитый имъ паркъ передъ домомъ".

Къ страницѣ 19-ой:

„Отличительная черта характера Толстыхъ и особенно Льва Николаевича: когда онъ брался за шитье сапогъ или строилъ избу, онъ удивлялся такъ, какъ-будто открывалъ Америку, какъ выразился о немъ его пріятель Дьяковъ" (примѣчаніе гр. С. А. Толстой на поляхъ корректуры настоящаго выпуска).

Къ страницѣ 20-ой:

Изъ бумагъ Марьи Николаевны мы приводимъ здѣсь, кромѣ французскаго стихотворенія, помѣщеннаго въ текстѣ, еще одно ея стихотвореніе, русское. Мы не дали его въ текстѣ такъ-какъ оно крайне несовершенно по формѣ и написано, къ тому-же, тѣмъ плохимъ русскимъ языкомъ, какимъ писали всѣ наши бабушки и прабабушки. Однако, какъ біографическій матеріалъ, оно заслуживаетъ вниманія, а потому мы и приводимъ его здѣсь:

Дай Богъ, мой другъ, чтобы я скоро,
Съ тобой увидѣться могла,
И сладостнаго разговора,
Не долго бъ лишена была

* * *

Дай Богъ чтобы во все то время
Что проведешь ты безъ меня
Печали ни малѣйше бремя
Не угнетало бы тебя.

* * *

Дай Богъ, чтобы все улыбалось
И веселилось вкругъ тебя,
Да и во снѣ лишь тобъ мечталось,
Что можетъ радовать тебя!

* * *

Дай Богъ чтобъ жизнь твоя считалась
Лишь днями радости одной
И ежечасно бъ украшалась
Присутствьемъ щастливыхъ тобой!

Къ какой эпохѣ относится это стихотвореніе—неизвѣстно.

Очень интересенъ и слѣдующій документъ. Въ одномъ изъ писемъ матери Толстого къ Николаю Ильичу поднятъ былъ ею, повидимому, однажды вопросъ о необходимости одухотворенія ихъ супружескихъ отношеній. По крайней мѣрѣ, на это есть намекъ въ отвѣтномъ письмѣ Николая Ильича. Черта крайне характерная для Марьи Николаевны, черта, отраженіе которой мы находимъ въ „Крейцеровой Сонатѣ".

Къ страницѣ 26-ой:

По поводу поступленія на военную службу гр. Николая Ильича Толстого гр. Софья Андреевна замѣтила: „Въ то время немыслимо было юношѣ-дворянину, тѣмъ болѣе аристократу, не служить въ военной службѣ".

Къ страницѣ 26-ой:

Письмо Николая Ильича отъ 14 февраля 1813 года, не помѣщенное нами

въ текстѣ, дополняетъ характеристику отца Толстого. Въ немъ проглядываетъ какое-то раздраженіе на окружающую среду и недовольство обстановкой походнаго быта. Начинается оно жалобами на долгое отсутствіе письма изъ дому, а затѣмъ идутъ слѣдующія интересныя строки. „Не удивляйтесь, безцѣнная Папинька и Маминька, что письмо мое не имѣетъ ни складу, ни ладу, комната наполнена офицерами, которые пляшутъ, поютъ и кричатъ, что дурно выбираю свое время писать вамъ; тогда когда въ первый разъ послѣ двухъ недѣль нашелъ столъ, и вмѣсто лучины свечку".

Къ стр. 27-й:

Черты Николая Ильича можно легко усмотрѣть въ тѣхъ мѣстахъ „Войны и Мира", гдѣ Толстой говоритъ о Ростовѣ. По его словамъ, „Николай былъ невысокій, курчавый молодой человѣкъ съ открытымъ выраженіемъ лица. На верхней губѣ его уже показывались черные волосики, и во всемъ лицѣ выражались стремительность и восторженность". Такова первая характеристика Ростова, намѣченная въ самомъ началѣ романа. А черезъ нѣсколько страницъ дальше мы уже присутствуемъ при разговорѣ Николая Ростова съ отцомъ: „я не дипломатъ, не чиновникъ, не умѣю скрывать того, что чувствую", говоритъ юноша, убѣждая старика отпустить его на войну. Отвѣчая сыну, старый графъ какъ-бы мимоходомъ указываетъ причину его стремленія къ военной службѣ, ту самую, которую указывали и мы, какъ побудительный мотивъ неожиданнаго военнаго рвенія отца Л. Н. Толстого: „все Бонапарте всѣмъ голову вскружилъ; всѣ думаютъ, какъ это онъ изъ поручиковъ попалъ въ императоры. Что-жъ, дай Богъ"!.. Еще дальше мать Николая Ростова подчеркиваетъ „пылкость" его характера, а Жюли Курагина, въ письмѣ къ Маріи Болконской, отмѣчаетъ въ Николаѣ его „энтузіазмъ", „благородство", „истинную молодость", „чистоту и поэзію".

Къ стр. 40-й:

О Натальѣ Савишнѣ изъ „Дѣтства" имѣется въ книгѣ П. И. Бирюкова личное свидѣтельство Л. Н. Толстого, что въ ней онъ изобразилъ „довольно вѣрно" яснополянскую экономку Прасковью Исаевну. Такимъ образомъ, все, что относится въ „Дѣтствѣ" къ Натальѣ Савишнѣ, имѣетъ несомнѣнную біографическую цѣнность.

Къ стр. 39-й:

Единственное впечатлѣніе изъ дѣтскихъ лѣтъ Толстого, имѣющее отношеніе къ крѣпостному быту, это встрѣча дѣтей съ приказчикомъ, который велъ одного изъ служащихъ на гумно, чтобы тамъ высѣчь его.

Къ стр. 47-й—48-й:

По поводу „зеленой палочки", мы находимъ въ книгѣ П. И. Бирюкова слѣдующую характерную мелочь: въ томъ мѣстѣ, гдѣ зарыта была будто-бы эта „зеленая палочка", великій писатель просилъ „закопать" и себя, когда онъ умретъ.

Къ страницѣ 50-ой:

С. А. Берсъ, братъ графини С. А. Толстой, приводитъ въ своей книгѣ свидѣтельство о дѣтскихъ и отроческихъ годахъ Л. Н. Толстого со словъ П. И. Юшковой. Это—ошибка. Мы исправили ее въ текстѣ нашего выпуска со словъ гр. С. А. Толстой: свѣдѣніе идетъ отъ Владиміра Ивановича Юшкова, человѣка „остроумнаго и наблюдательнаго".

По словамъ Маріи Николаевны, Л. Н. Толстой выпрыгнулъ изъ окна дома, не имѣвшаго никакого мезонина. Гр. С. А. Толстая, по этому поводу, замѣтила на поляхъ корректуры слѣдующее: „Мезонинъ былъ, и домъ этотъ и теперь сохранился въ томъ-же видѣ на Плющихѣ. Стоитъ онъ наискось, съ правой стороны, если идти къ Арбату".

Къ стр. 50-й—55-й:

„Чудачества" Л. Н. Толстого не прекращались и въ позднѣйшіе годы. Недаромъ даже Тургеневъ, познакомившійся съ Толстымъ лишь въ концѣ 50-хъ годовъ, говорилъ про него: „Толстой—это чудачище". Однако, всѣ эти позднѣйшія „чудачества" Толстого носятъ, какъ мы увидимъ, совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ его дѣтскія выходки: въ нихъ мы уже не найдемъ ни прежней экстравагантности, ни судорожности. (См. кн. А. Бензонъ: „У Л. Н. Толстого").

Источники

1. „Россійская Родословная книга, издаваемая княземъ Петромъ Долгорукимъ“. Часть 1-я и 2-я. С.-Петербургъ. Печатано въ типографіи Карла Вингебера. 1854. Стр. 13-я, 121-я и 276-я.

2. „Общій Гербовникъ дворянскихъ родовъ Всероссійскія Имперіи, начатый въ 1797 году“. Часть 2-я: Графскій дипломъ П. А. Толстого.

3. „Исторія Родовъ русскаго дворянства“. Составилъ почетный вольный общникъ Императорской академіи художествъ и дѣйствительный членъ Императорскаго русскаго археологическаго общества П. Н. Петровъ. Т. I. Спб. 1885. Книгоиздательство Германа Гоппе. Стр. 154 и стр. 130—315.

4. Полное Собраніе лѣтописей, изданныхъ Археологической коммиссіей. Спб. 1885. Т. X. Приложеніе къ VIII лѣтописному сборнику „Никоновской лѣтописи“.

5. „Сборникъ Лѣтописей, относящихся къ исторіи Южной и Западной Руси“, изданный коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, состоящей при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Кіевъ. 1888. Стр. 53—58.

6. „Дворянскіе роды, внесенные въ Общій Гербовникъ всероссійской имперіи“. Составилъ гр. Александръ Бобринской. Спб. 1890. Тип. М. М. Стасюлевича. Часть I, стр. 371-я.

7. „Родъ князей Волконскихъ“. Матеріалы, собранные и обработанные кн. Е. Г. Волконской. Спб. 1900. Стр. 706—708.

8. „Русская Библіотека“. Томъ IX. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой. Спб. 1879. Изд. М. Стасюлевича. (Біографическія свѣдѣнія даны гр. С. А. Толстой и исправлены самимъ Л. Н. Толстымъ).

9. „Нива“. 1879. Графъ Л. Н. Толстой. Очеркъ В. Соловьева. № 43, стр. 854—855.

10. А. М. Грековъ: „Графъ Л. Н. Толстой“. (Эстетическія и этическія начала въ развитіи личности художника). Таганрогъ. 1889.

11. R. Lewenfeldt: „Gespräche über und mit Tolstoy“. Berlin. 1891.

12. Р. Левенфельдтъ: „Графъ Л. Н. Толстой въ сужденіяхъ о немъ его близкихъ и въ разговорахъ съ нимъ самимъ“. Переводъ съ нѣмецкаго А. Перелыгиной (Вырѣзанный цензурой оттискъ изъ журнала „Русское Обозрѣніе“ за 1897-й годъ, не вошедшій ни въ одинъ изъ очередныхъ номеровъ журнала).

13. С. А. Берсъ: „Воспоминанія о графѣ Л. Н. Толстомъ“. Смоленскъ. 1894.

14. Проф. Н. П. Загоскинъ: „Графъ Л. Н. Толстой и его студенческіе годы“. „Историческій Вѣстникъ“, Т. LV, январь. 1894. Стр. 78—124.

15. Анна Сейронъ: „Шесть лѣтъ въ домѣ графа Льва Николаевича Толстого“. Записки. Спб. 1895. Переводъ съ нѣмецкаго С. Сергіевскаго. 106 страницъ.

16. Ея-же: „Графъ Левъ Толстой“. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1896. Универс. Типографія. 214 страницъ.

17. Евгеній Цабель: „Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Литературно-біографическій очеркъ. Переводъ съ нѣмецкаго Владиміра Григоровича. Кіевъ. Изданіе книж. магазина Всеволода Попова. 1903.

18. Zabel, E.: „L. N. Tolstoy“. Leipzig. 1901.

19. Perris G. H.: „The Life and Teaching of Leo Tolstoy“. London. 1901.

20. Ettlinger A.: „Leo Tolstoi. Eine Skizze seines Lebens und Wirkens. Berlin. 1899.

21. Eug. Schmitt: „Leo Tolstoi und seine Bedeutung für unsere Kultur“. Leipzig. 1901.

22. Ernest Dupuy: „Les grands maitres de la litterature russe du XIX siécle. Paris. 1885.

23. Axelrod. H. L.: „Tolstois Weltanschaung und ihre Entwieklung“. Stuttgart 1902.

24. Kenwortty: „Tolstoy, his Life and Works“. London. 1902.

25. С. А. Венгеровъ: Статья въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона. Полутомъ 65-й. Спб. 1901. Стр. 448—457.

26. Евгеній Соловьевъ: „Л. Н. Толстой, его жизнь и литературная дѣятельность“. Біографическій очеркъ. Изданіе „Біогр. библіотеки Ф. Павленкова“. Спб. 1902. Изд. 3-е (Первое изданіе 1894 года, а 2-е—1897 года).

27. Андреевичъ: „Л. Н. Толстой“. Монографія. Изданіе А. Е. Бѣляева. Спб. 1905.

28. А. Бензонъ: „У Л. Н. Толстого“. Переводъ съ французскаго Н. Георгіевича. Книгоиздательство М. С. Козмана. Одесса. 1903. Стр. 27-я.

29. П. А. Сергѣенко: „Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. Толстой“. Москва. 1898.

30. „По поводу отпаденія отъ православной церкви графа Льва Николаевича Толстого“. Сборникъ статей „Миссіонерскаго Обозрѣнія“. Изданіе В. М. Скворцова. Спб. 1904. Изданіе 2-е (дополненное) и 3-е (вновь дополненное). Стр. 378—379.

31. Р. Левенфельдъ: „Графъ Л. Н. Толстой, его жизнь, произведенія и міросозерцаніе“. Переводъ съ нѣмецкаго В. А. Перелыгиной. Москва. 1904. Изд. 2-е (Первое изданіе 1897 г.).

32. П. И. Бирюковъ: „Левъ Николаевичъ Толстой“. Біографія. Т. I. Изданіе „Посредника“. Москва. 1906 г.

33. Dr. K. I. Staub: „Graf L. N. Tolstois Leben und Werke“. fos. Kösel'sche Buchhandlung. Kempten-München. 1908.

34. Л. Н. Толстой: „Первыя воспоминанія“. Отрывокъ. Собраніе сочиненій Л. Н. Толстого. Т. XIII. Москва. 1893. Изд. 9-е. Стр. 493—499.

35. Его-же: „Старая лошадь“, „Какъ я выучился ѣздить верхомъ“. Разсказы для дѣтей. Собраніе сочиненій Л. Н. Толстого. Т. IV. Москва. 1893. Изд. 9-е. Стр. 395—398.

36. Его-же: „Дѣтство и Отрочество“. Повѣсть. Собраніе сочиненій Л. Н. Толстого. Т. I. Москва. 1893. Изд. 9-е.

37. Его-же: „Война и Миръ“. Романъ. Собраніе сочиненій Л. Н. Толстого. Томы V—VIII. Москва. 1893. Изд. 9-е.

38. Его-же: „Исповѣдь“. Вступленіе къ сочиненію „Въ чемъ моя вѣра“. Женева. 1888. Изд. Эльпидина.

39. Дневники, записки и письма матери и отца Л. Н. Толстого. (Публикуются впервые).

40. Воспоминанія о дѣтскихъ годахъ Л. Н. Толстого его сестры. М. Н. Толстой, записанныя съ ея словъ Н. Г. Молоствовымъ.

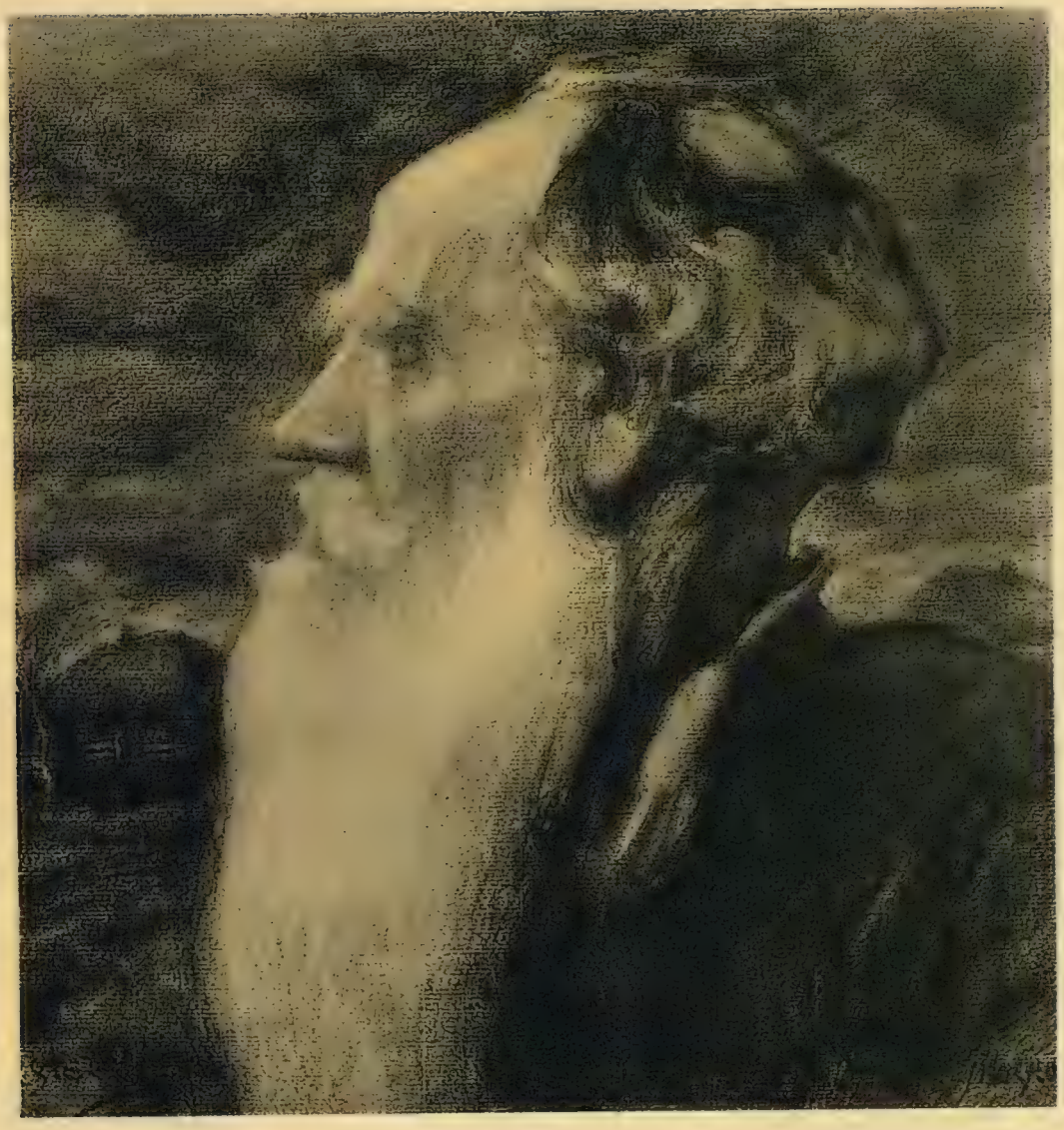
41. Личныя указанія Л. Н. Толстого и гр. С. А. Толстой.

Съ набр. каранд. И. Е. Рѣпина.

Фотографія, современная наброску Рѣпина.

...ого Образования М. С. Р. и
БИБЛИОТЕКА
МЕНИ
ВЕРХ...НА

М-75



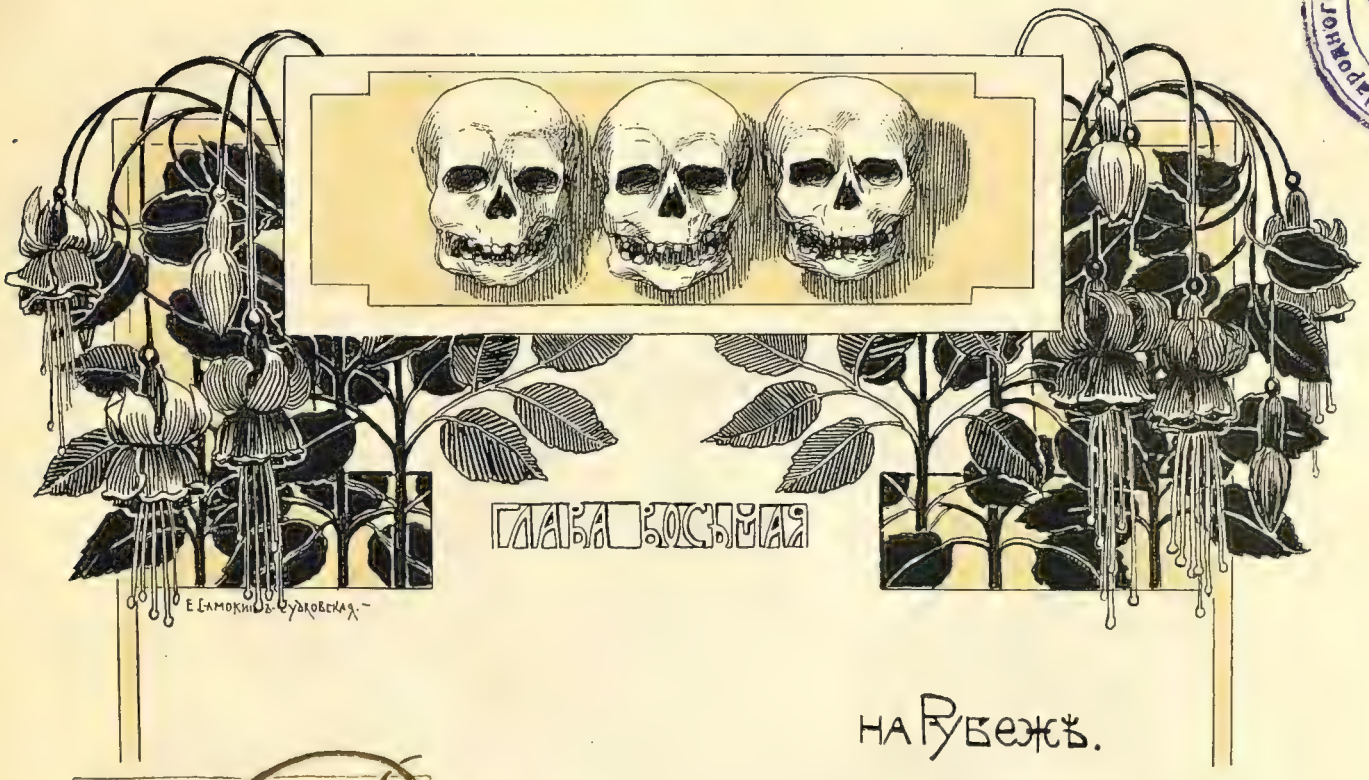
ГОЛОВА Л. Н. ТОЛСТОГО.
Съ картины Л. О. Пастернака. 1903.

Фототипія Т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ.

Отдел Народного Образования М. С. Р. Н. Дел. в
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ
ВЕРХ РНА

ЦЕНТРАЛЬНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Моск. Обл. Библиотеки

891.7
М-75



ГЛАВА ВОСЬМАЯ

НА РУБЕЖѢ.

Религіозный вопросъ въ дѣтской душѣ.—Смерть отца.—Противорѣчія жизни и смерти. — Въ бѣломъ свѣту.—Смерть тетеньки. — Уединеніе, псалмы, собаченка.

ВЪ СВОИХЪ воспоминаніяхъ Толстой дѣлитъ свою жизнь на четыре періода: отъ рожденія до 14 лѣтъ, отъ 14 лѣтъ до 34, отъ 34 лѣтъ до 52 и, наконецъ, отъ 52 и до настоящаго времени. Характеризуя эти періоды, онъ называетъ первый изъ нихъ «невиннымъ, радостнымъ, поэтическимъ періодомъ дѣтства», а второй—періодомъ «грубой распущенности, служенія честолюбію, тщеславію и, главное, похоти». Такимъ образомъ, переходнаго времени отъ «невиннаго» дѣтства къ «распущенной» юности Толстой совсѣмъ не отмѣчаетъ: отрочества, какъ отдѣльной и законченной полосы жизни, онъ точно не признаетъ. Оно сливается для него съ дѣтствомъ или-же примыкаетъ къ юности. Между тѣмъ, просматривая біографическую схему П. И. Бирюкова, Л. Н. Толстой призналъ разумность его дѣленія человѣческой жизни «соотвѣтственно семилѣтнимъ періодамъ физической жизни», «признаваемымъ нѣкоторыми физіологами». Однако, мы полагаемъ, что первоначальное дѣленіе жизни Л. Н. Толстого на четыре періода гораздо болѣе отвѣчаетъ общей задачѣ его біографіи, потому что, примѣняясь къ своей схемѣ, П. И. Бирюковъ постоянно теряетъ изъ виду

то, что не укладывается въ его таблицу: живую дѣтскую психологію. Въ самомъ дѣлѣ, почему Бирюковъ начинаетъ главу «Отрочество» съ переѣзда Толстыхъ въ Москву? Только потому, что событіе это случилось въ 1836 году, т. е. когда Л. Толстому минуло уже 7 лѣтъ? Искусственность подобнаго пріема бросается въ глаза. Опредѣлить моментъ перехода Толстого отъ дѣтства къ отрочеству можно только при помощи данныхъ психологическаго характера, а не хронологическаго. Но именно психологія переходнаго возраста отъ дѣтства къ юности не укладывается въ одинъ изъ тѣхъ семилѣтнихъ періодовъ, который устанавливаетъ въ своей книгѣ Бирюковъ. Толстой очень часто рисуется намъ и до 7 лѣтъ отрокомъ, и, наоборотъ, нельзя не замѣтить въ немъ чисто дѣтскихъ, почти младенческихъ, по своей наивности, чертъ въ возрастѣ 10—13 лѣтъ. И самъ Л. Н. Толстой доводитъ свое дѣтство, этотъ «невинный, радостный періодъ», до четырнадцати лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ, именно около четырнадцати лѣтъ, въ немъ и рождается новая юношеская психологія, съ ея уже явно мужскими побѣгами будущей «грубой распущенности, служенія честолюбію, тщеславію и, главное, похоти». Такой именно органическій переломъ дѣтской психологіи въ психологію чисто мужскую и создаетъ ту рѣзкую грань, которая отдѣляетъ Толстого-ребенка отъ Толстого-юноши. Вотъ почему, прослѣдивъ въ предыдущихъ главахъ различные моменты дѣтской жизни Толстого, мы и не считали нужнымъ ограничить ихъ опредѣленными хронологическими рамками и брали для анализа его младенческіе годы наравнѣ съ отроческими.

Къ сожалѣнію, имѣющіяся данныя о жизни Л. Толстого отъ 10 до 14 лѣтъ слишкомъ скудны и не позволяютъ прослѣдить постепенный переходъ его отъ дѣтства къ юности. Самъ Толстой доводитъ лично написанныя имъ для книги П. И. Бирюкова воспоминанія лишь до смерти своей бабушки, т. е. до десятилѣтняго возраста. Такимъ образомъ, «невинный, радостный, поэтическій періодъ дѣтства до 14 лѣтъ», въ цѣломъ своемъ составѣ, не совсѣмъ однороденъ: только одна часть этого періода примыкаетъ къ свѣтлой поэзіи дѣтства. Девятилѣтняго Толстого, гуляющаго по улицамъ Москвы, съ надеждой встрѣтить умершаго отца, мы не можемъ считать отрокомъ, хотя ему и болѣе 7 лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, центръ его внутренней жизни въ этотъ періодъ, даже по сравненію съ самыми ранними дѣтскими годами, все тотъ-же самый: его держитъ въ своей власти не та реальная обстановка, которой онъ окруженъ, а жизнь фантастическая, жизнь младенческихъ грезъ о «зеленой палочкѣ» и «Фанфароновой горѣ». Припомнимъ, что всѣ чудачества дѣтскихъ лѣтъ Толстого относятся какъ разъ къ тѣмъ недолгимъ мѣсяцамъ, которые протекли отъ смерти отца до смерти бабушки. То-же самое нужно сказать и о другихъ событіяхъ, включенныхъ Толстымъ въ свои дѣтскія воспоминанія. Фактически Толстой нисколько не считается съ таблицей Бирюкова, вѣрнымъ чутьемъ угадывая, какія именно черты его жизни могутъ быть безъ натяжки отнесены къ дѣтству и съ тѣмъ-же чутьемъ правды умалчивая о другихъ переживаніяхъ, которыя, по ихъ характеру, должны быть признаны переходной эпохой къ юношеству. Такъ, напр., въ предоставленныхъ имъ Бирюкову отрывкахъ, вспоминая о братѣ Димитріи и указывая на то, что самъ онъ началъ «развращаться» въ Казани, Толстой пишетъ: «Не только съ Казани, но еще

прежде я занимался своей наружностью: старался быть свѣтскимъ, «comme il faut». Если принять во вниманіе, что Толстые переѣхали въ Казань осенью 1841 года, т. е. когда Л. Толстому было 13 лѣтъ, то начало этого стремленія «быть свѣтскимъ», «comme il faut», должно быть отнесено какъ разъ къ десяти-двѣнадцатилѣтнему возрасту, на которомъ и обрываются дѣтскія воспоминанія Толстого. Итакъ, отрочествомъ писателя являются именно эти годы его московско-ясно-полянской жизни, послѣ смерти отца и бабушки, и первые два года его пребыванія въ Казани.

Главными моментами этого переходнаго періода нужно считать, съ одной стороны, отпаденіе отъ безплотной дѣтской мечтательности, а съ другой,—развитіе полового инстинкта.

Переходу отъ грезъ къ дѣйствительности способствовали смерть отца, бабушки и тетки гр. А. И. Остенъ-Сакенъ, а затѣмъ переѣздъ въ Москву, смѣна воспитателей и столкновеніе съ многообразными интересами совершенно чуждаго до того времени ребенку міра. Замкнутая жизнь въ патріархальной помѣщичьей усадьбѣ, гдѣ ребенокъ-Толстой былъ окруженъ атмосферой всеобщей любви, ничѣмъ не мѣшала широкому поэтическому и морально-религіозному развитію дѣтской души. А если и случались событія, нарушавшія однообразный ритмъ

Фот. В. Черткова.

Исполняя свое внутреннее назначеніе, живя для души, человѣкъ невольно служитъ улучшенію общественной жизни... Дѣлай только то, что духовно поднимаетъ тебя, и будь увѣренъ, что этимъ самымъ ты болѣе всего можешь быть полезенъ обществу.

Левъ Толстой.

деревенской жизни, то они только сильнѣе гнали мальчика-фантазера отъ дѣйствительности въ міръ грезъ и мечтаній. Съ переѣздомъ въ Москву періодъ дѣтскихъ игръ приходитъ къ концу, и ребенокъ становится все болѣе и болѣе серьезнымъ, умъ его сосредоточивается на тяжелыхъ окружающихъ событіяхъ, имъ овладѣваетъ «чувство религіознаго ужаса передъ вопросами жизни и смерти». За четыре съ половиной года передъ впечатлительнымъ ребенкомъ проходятъ три смерти: въ 1837 году умираетъ отецъ, въ 1838 бабушка, наконецъ, въ 1841 г., опекунша дѣтей, гр. А. И. Остенъ-Сакенъ. Какое сильное впечатлѣніе должны были произвести на Толстыхъ эти три смерти, можно судить по тому, что, когда въ Москву пріѣхала изъ Казани ихъ тетка Пелагея Ильинишна Юшкова, Николай Николаевичъ Толстой, бывшій уже тогда студентомъ перваго курса, обратился къ ней со слѣдующими словами: «Ne nous adandonnez pas, chère tante, il ne nous reste que vous au monde». При несклонности къ какой-бы то ни было рисовкѣ, слова эти могли быть произнесены старшимъ братомъ Толстого лишь подъ впечатлѣніемъ дѣйствительно сильнаго горя и растерянности передъ совершившимся.

О смерти бабушки, Пелагеи Николаевны, вотъ что мы читаемъ въ воспоминаніяхъ Л. Толстого: «Помню, говоритъ Толстой, какъ всѣмъ намъ сшили новыя курточки чернаго казинета, обшитыя бѣлыми тесемками плерезъ. Страшно было видѣть и гробовщиковъ, сновавшихъ около дома, и потомъ принесенный гробъ съ глазетовой крышкой, и строгое лицо бабушки съ горбатымъ носомъ въ бѣломъ чепцѣ и съ бѣлой косынкой на шеѣ, высоко лежащей въ гробу на столѣ». Эти впечатлѣнія невольно связываются у него съ другими воспоминаніями, съ воспоминаніями о послѣднихъ минутахъ жизни бабушки: онъ помнитъ тотъ ужасъ, который охватилъ его, когда его ввели къ ней, и «она, лежа на высокой бѣлой постели, вся въ бѣломъ, съ трудомъ оглянулась на вошедшихъ внуковъ и неподвижно предоставила имъ цѣловать свою бѣлую, какъ подушка, распухшую руку».

Любопытно, что, несмотря на «ужасъ», который внушала умирающая бабушка, ребенку «пріятно было подслушать толки какихъ-то чужихъ кумушекъ», говорившихъ о дѣтяхъ: «круглыя сироты, только отецъ умеръ, а теперь и бабушка». Онъ видитъ умирающую бабушку въ какомъ-то бѣломъ свѣту, на «бѣлой» постели, всю въ «бѣломъ». Онъ замѣчаетъ ея «бѣлую» руку, «бѣлый» чепецъ и, наконецъ, «бѣлую» косынку на шеѣ уже умершей старухи. И «ужасъ» внушаетъ ему не умершая бабушка, «высоко лежащая въ гробу на столѣ», а бабушка еще живая, распухшая отъ водянки. Въ этомъ отсутствіи животнаго ужаса передъ трупомъ, ужаса, который замѣнился какимъ-то болѣе человѣчнымъ, болѣе духовнымъ, торжественнымъ страхомъ передъ «строгимъ лицомъ», въ этихъ оставившихъ въ душѣ ребенка какое-то пріятное, очевидно, умиленное чувство, словахъ «чужихъ кумушекъ» о «сиротахъ», во всемъ этомъ чувствуется зарожденіе примирительнаго, проникновеннаго взгляда на самый корень жизни, на тайну всѣхъ тайнъ ея, на смерть.

Ту-же скалу проникновенныхъ чувствъ можно прослѣдить въ отношеніи Толстого къ смерти тетушки Александры Ильинишны. Мысль о смерти, теряя свои трагическія черты, свою темную пессимистическую окраску, мало по малу переходитъ въ какой-то свѣтлый пантеизмъ. Въ неясныхъ, смутныхъ дѣтскихъ впечатлѣніяхъ, въ этомъ безсознательно религіозномъ рефлексѣ молодой души, уже какъ-бы дается и намѣчается концепція будущихъ великихъ художественныхъ созерцаній и созданій. Три смерти: отца, бабушки и тетушки, три волнующихъ событія личной жизни, осложненныхъ въ дѣтскомъ сердцѣ страданіями невинной собаченки, все это нѣжное умиленіе, вся эта по дѣтски молитвенная лирика перелились потомъ, черезъ много лѣтъ, въ безподобную фантазію «Трехъ смертей».

Когда умирала въ Оптиной пустыни графиня Остенъ-Сакенъ, туда поѣхала изъ Ясной Поляны воспитательница Толстыхъ, Т. А. Ергольская. Дѣти остались въ имѣніи одни съ учителемъ и съ какой-то полюродивой странницей. И вотъ что передаетъ о тогдашнихъ впечатлѣніяхъ Толстого, съ его-же словъ, П. И. Бирюковъ: «Была у нихъ тогда собака, черная моська, съ которой они играли. Сдѣлали ей тронъ и сажали ее на этотъ высокій тронъ, съ котораго она все прыгала. Но разъ прыгнула и вдругъ завизжала и поползла подъ стулъ. Ее осмотрѣли, и оказалось, что у нея сломана лапа. Отчаяніе было ужасно, всѣ плакали навзрыдъ. Впослѣдствіи это впечатлѣніе слилось съ воспоминаніемъ объ уединеніи, съ монотоннымъ чтеніемъ какихъ-то псалмовъ Марьи Герасимовны и съ извѣстіемъ о смерти любимой тетеньки Александры Ильинишны».

Какъ расширяются и углубляются дѣтскія впечатлѣнія Толстого лицомъ къ лицу со смертью! Смерть отца кажется ему сначала чѣмъ-то просто невозможнымъ. Потомъ она вызываетъ въ немъ «чувство религіознаго ужаса». Смерть бабушки является для него лишь «новымъ напоминаніемъ о религіозномъ значеніи жизни и смерти», уже безъ прежняго ужаса: онъ видитъ и грубыя черты реальнаго процесса смерти, и то, что есть въ ней «строгаго» и значительнаго, тотъ бѣлый туманъ непостижимой, высшей тайны, который окутываетъ ее. Но смерть Александры Ильинишны уже просто реальное событіе для него, безъ всякой таинственности и

торжественности. Вотъ почему и воспоминанія о ней проникнуты у Л. Н. Толстого мягкой человѣчностью. Они сливаются съ воспоминаніемъ о слезахъ надъ бѣдной собаченкой, сломавшей себѣ ногу, съ воспоминаніями о деревенскомъ уединеніи, о монотонномъ чтеніи псалмовъ юродивой.

Въ катастрофахъ жизни растетъ и раскрывается душа ребенка.

Глава Девятая

Вѣхи новаго пути

„Comme il faut“. — Половой инстинктъ.—Атавизмъ дикой натуры.—Созвѣздіе Духа и Плоти.

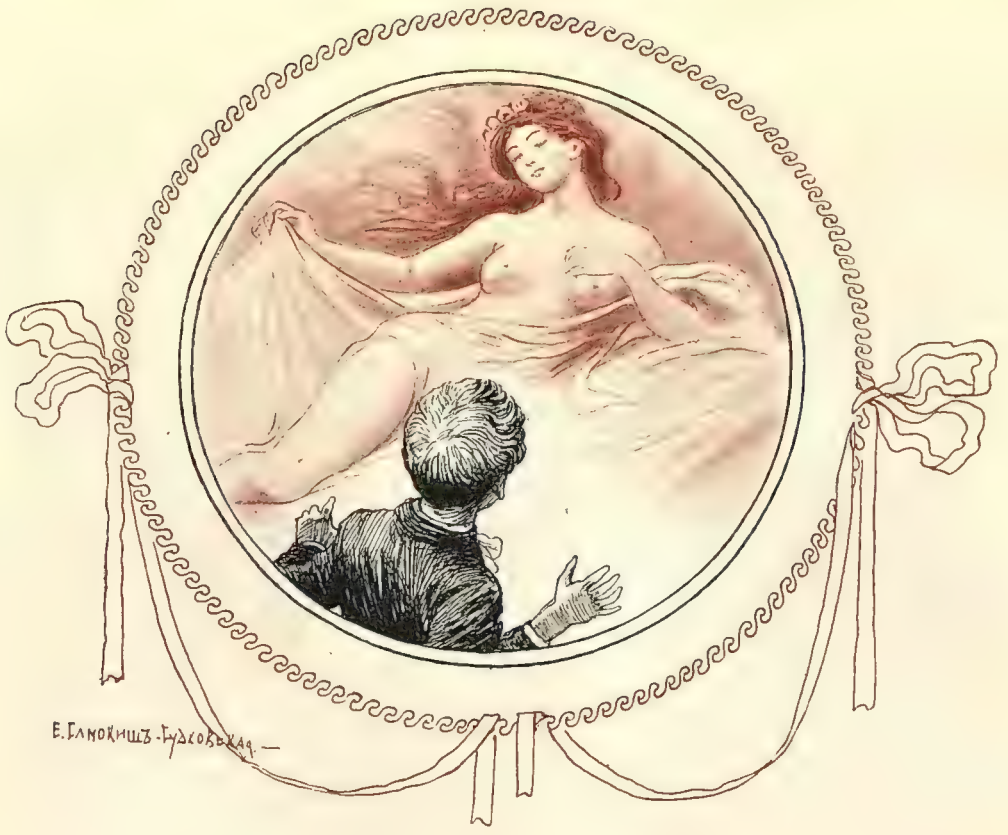
ЕРЕЛОМЪ, вызванный смертью отца, бабушки и тетки, совершился-бы въ Л. Н. Толстомъ, можетъ быть, и не такъ быстро, если-бы этому не благопріятствовали обстоятельства московской жизни Толстыхъ. Насколько можно судить по тѣмъ отрывочнымъ даннымъ, которыя имѣются въ нашемъ распоряженіи, жизнь эта была для оставшихся сиротами дѣтей полна непріятностей. Матеріальное ихъ положеніе было не особенно блестящее, а между тѣмъ родство и знакомство у нихъ въ Москвѣ были обширныя и аристократическія. Конечно, богатая аристократія во многихъ случаяхъ относилась къ нимъ съ пренебреженіемъ, и Л. Толстой, такъ-же, какъ и его братья, должны были болѣзненно чувствовать это. Такъ, Толстой и до сихъ поръ помнитъ, какъ на елкѣ у Шиповыхъ, куда они были приглашены, по какимъ-то отдаленнымъ родственнымъ связямъ, они получили «дрянныя дешевыя игрушки», а племянники Горчакова, тогдашняго военнаго министра, роскошные подарки.

Высокомѣрное покровительство московскихъ аристократовъ «бѣднымъ родственникамъ», въ отношеніи къ которымъ, въ виду ихъ сиротства и

связей, свѣтскій этикетъ требовалъ всетаки показного сочувствія, и вызвало въ Л. Н. Толстомъ стремленіе къ «comme il faut», желаніе взять, если не богатствомъ, то изысканной корректностью. Этимъ-же фальшивымъ положеніемъ Толстыхъ въ Москвѣ объясняется до извѣстной степени и ихъ поспѣшный отъѣздъ въ Казань къ Юшковымъ послѣ смерти графини Александры Ильинишны Остенъ-Сакенъ. Болѣе практичная, чѣмъ ея сестра, Пелагея Ильинишна Юшкова поняла, вѣроятно, что переѣздъ племянниковъ въ Казань будетъ полезенъ не только въ смыслѣ улучшенія ихъ общественнаго положенія, но и для ихъ далеко не блестящихъ матеріальныхъ обстоятельствъ. Способствовало отъѣзду въ Казань также и то, что старшій братъ Л. Н. Толстого, Николай Николаевичъ, не выдержавшій переходнаго экзамена со 2-го на 3-ій курсъ въ Московскомъ университетѣ, долженъ былъ перевестись для окончанія курса въ новый университетъ.

Когда тринадцатилѣтній Толстой, уже переживший первыя бури психологическихъ сомнѣній и терзаній, первыя раны невозвратимыхъ потерь, уже лишенный всякой опоры самыхъ близкихъ людей, прикоснулся ко всей этой изнанкѣ свѣтской жизни, въ душѣ его произошелъ настоящій переворотъ. Вся эта фальшь ошеломила его. Онъ точно сталъ лицомъ къ лицу, въ такіе молодые годы, съ прежде незнакомыми ему враждебными силами. Подъ теплымъ крыломъ отца, подъ нѣжно-строгой заботой умной, вдумчивой и внутренно-религіозной бабушки, независимой среди растлѣвающаго и опошляющаго этикета свѣтскаго быта, мальчикъ росъ въ какихъ-то естественныхъ утопіяхъ. Одна химера рождалась изъ другой. Это было какое-то изо дня въ день восхожденіе, безпрепятственное и счастливое, на высокую «Фанфаронову гору». Теперь дѣтскія грезы его поблекли. Въ ребенкѣ просыпаются его животные инстинкты. Онъ начинаетъ заниматься своей наружностью, своимъ Я, своимъ положеніемъ въ свѣтѣ. Вдругъ—впервые—онъ замѣчаетъ женщину, и духовная личность его вся преображается. Онъ уже юноша. Въ широконосомъ, съ раздувающимися въ минуты гнѣва ноздрями, физически сильномъ, здоровомъ мальчикѣ, выросшемъ на сдобномъ крѣпостномъ хлѣбѣ, въ сытомъ барствѣ помѣщичьей усадьбы, съ ея великолѣпнымъ паркомъ, прудами и многочисленной дворней, начинаютъ выступать типичныя черты его могучихъ предковъ: упорная, полная эгоизма воля, боевой темпераментъ, независимое сужденіе и стремительныя страсти самыхъ различныхъ родовъ.

Вѣхи этого новаго пути въ развитіи индивидуальности ребенка намѣчаются самыми ранними біографическими матеріалами. Еще сидя въ корытѣ, онъ полюбилъ свое «маленькое тѣльце». Въ пятилѣтнемъ возрастѣ, когда экономка Прасковья Исаевна побила однажды его мокрой скатертью, Толстой реветъ отъ злости задѣтой въ немъ гордости, называя почтенную Прасковью Исаевну просто «Прасковьей», какъ крѣпостную дѣвку. И мы уже упоминали, что, когда Толстому было около девяти лѣтъ, онъ столкнулъ съ балкона изъ ревности предметъ своей дѣтской любви, мать гр. Софьи Андреевны. А дальше начинаютъ просыпаться и развиваться въ немъ и половые инстинкты. Половая жизнь кладетъ отпечатокъ на цѣлый періодъ его развитія. Въ такой богатой натурѣ, съ тысячью задатковъ самаго различнаго характера, изъ которыхъ выростетъ міровой художникъ, рано проснувшееся сексуальное чувство, въ сочетаніи съ живымъ интел-



лектомъ, съ броженіемъ психологическихъ и нравственныхъ мотивовъ, должно было дать въ цѣломъ удивительное, многознаменательное явленіе. Сексуальность, сама по себѣ, это только краска, только кровь въ сложно развитомъ организмѣ, въ характерѣ человѣка. Она питаетъ, укрѣпляетъ и какъ-бы утверждаетъ на живой реальной основѣ то, что безъ нея, безъ этой трепетной вибраціи воли, расплывалось-бы въ какихъ-то сухихъ схемахъ, въ какихъ-то безжизненныхъ туманностяхъ. А связанная съ ростомъ внутренняго развитія человѣка, съ эволюціей всего его существа, сексуальность даетъ то «созвѣздіе Духа и Плоти», о которомъ говоритъ Форель, и которое отливаетъ самыми различными, часто противоположными оттѣнками ума, воли и чувства. Одинъ можетъ быть «образцомъ нравственности» просто потому, что въ немъ почти не пульсируетъ половой инстинктъ, потому-что онъ какъ-бы асексуаленъ по своей натурѣ. Другой страдаетъ избыткомъ половыхъ устремленій, такъ сказать, гипертрофіей сексуальнаго чувства, но въ то-же время въ немъ бьетъ живымъ ключомъ и сила духовная. Въ такой натурѣ неизбѣжно должна возникнуть и развернуться борьба обѣихъ силъ, и Духа, и Плоти, та именно діалектика, изъ которой возникаетъ всякое могучее творчество, изъ которой, въ концѣ концовъ, выливается всякая исторически плодотворная мысль. Вотъ подъ какимъ созвѣздіемъ начинается жизнь Толстого съ 14—15 лѣтъ. Вотъ откуда эта его сознательная свѣтская выправка, цѣлесообразная въ проникающемъ ее протестѣ противъ высокомѣрья аристократическаго круга. Вотъ что значитъ его стремленіе къ франтовству, къ тому «comme il faut», которое зарождается у него именно въ эти годы. Но здѣсь мы уже подходимъ къ казанской жизни Толстого, ко времени поступленія его въ университетъ, къ новой стадіи болѣе сложнаго роста всей личности Толстого.

Гр. Л. Н. Толстой.
Фот. 1848 г.

Глава десятая

Чопорный графъ.

Два характера. — Эротика жизни. — Шинель военнаго покроя и бобровый воротникъ. — Вѣяніе высшихъ силъ. — „Левушка". — Живыя картины. — „Кардуша не робѣй".

Е. Самокишъ-Судковскій.

БІОГРАФИЧЕСКІЯ данныя о первомъ періодѣ казанской жизни Л. Н. Толстого, отъ 1841 до 1844 года, такъ-же скудны, какъ и данныя, относящіяся къ 1838—41 годамъ, которыя мы прослѣдили выше. Все, что мы знаемъ объ этомъ періодѣ, ограничивается нѣсколькими фактическими указаніями, не проливающими никакого свѣта на юношескую психологію Толстого. Такъ, извѣстно, что втеченіе пятилѣтняго пребыванія въ Казани Толстые ежегодно уѣзжали на лѣто въ Ясную Поляну, сопровождаемые Пелагеей Ильинишной. Ѣздили, повидимому, также Толстые и въ казанское имѣніе Юшковыхъ, въ село Паново. Какія, однако, впечатлѣнія оставили въ душѣ 13—15-лѣтняго Л. Толстого эти поѣздки, переносившія его изъ шумной, пыльной, грязной Казани въ деревенскую тишину, съ ея милыми дѣтскими воспоминаніями, объ этомъ мы рѣшительно ничего не знаемъ. А, между тѣмъ, какая сложная работа должна была происходить въ эти лѣтніе мѣсяцы деревенскаго отдыха въ душѣ юноши, въ которой уже заговорили могучія силы Толстовскаго рода!

Съ каждымъ годомъ силы эти раскрывались все больше и больше. И волнуемый нѣжными, лунными лѣтними ночами, юноша Толстой засыпалъ, вѣроятно, уже не «тихо» и «спокойно», какъ когда-то въ дѣтскіе годы. Уже не «ангелъ-утѣшитель» прилеталъ къ его горячему изголовью, навѣвавшій когда-то «сладкія грезы» его «неиспорченному дѣтскому воображенію», а демонъ-обольститель, демонъ личнаго счастья, личныхъ наслажденій.

Въ этотъ періодъ жизни Л. Н. Толстой сближается съ красивымъ,

изящнымъ братомъ Сергѣемъ Николаевичемъ, который, по отзывамъ казанскихъ старожиловъ, «былъ въ то время яркимъ типомъ бонвивана, студента-франта, дамскаго поклонника и ловеласа». Подъ этимъ новымъ вліяніемъ Левъ Толстой, какъ онъ самъ сознается, началъ въ Казани «развращаться», заниматься своей наружностью, стремиться къ «comme il faut». Его захватила буйная эротика жизни, съ ея «безобязательными» наслажденіями свѣтскаго «флирта» и пустого времяпрепровожденія. Но въ то время, какъ «красивый, породистый, гордый» Сергѣй Николаевичъ всегда «былъ, что былъ, ничего не скрывалъ и ничѣмъ не хотѣлъ ка-

заться», а потому именно и чувствовалъ себя въ свѣтскомъ обществѣ совершенно непринужденно, Левъ Толстой, некрасивый и самолюбиво-застѣнчивый, испытывалъ въ этомъ обществѣ мучительную какую-то неловкость. Сергѣй Николаевичъ всѣмъ существомъ своимъ сливался съ атмосферой свѣтской жизни, онъ любилъ и понималъ ея эстетику, ея живой языкъ намековъ и полу-словъ, ея мягкую и въ то-же время могущественную власть надъ людьми. Своимъ изяществомъ, своими свободными манерами, своимъ непринужденнымъ разговоромъ онъ сглаживалъ всѣ острые углы свѣтскаго этикета и дѣлалъ нечувствительной его тяжесть. Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ въ обстановкѣ этой новой Казанской жизни Л. Н. Толстой. По словамъ З. М. Тилле, урожденной Молоствовой, которую

Л. Н. Толстой зналъ и за которой онъ ухаживалъ въ дни своего студенчества, въ обществѣ его «было интересно, но тяжело». А вотъ, что говоритъ о Л. Н. Толстомъ-студентѣ А. Н. Зарницына, встрѣчавшая его на казанскихъ балахъ и не разъ танцовавшая съ нимъ: «Левъ Николаевичъ на балахъ былъ всегда разсѣянъ, танцовалъ неохотно и вообще имѣлъ видъ человѣка, мысли котораго далеко отъ окружающаго». Онъ казался разсѣяннымъ, и «многія барышни находили его даже скучнымъ кавалеромъ». Очевидно, усилія Толстого казаться «свѣтскимъ», «comme il faut», стѣсняли не только его самого, но и окружающихъ. Слиться окончательно съ этой атмосферой онъ не могъ, и эта почти очевидная дисгармонія между нимъ и новымъ обществомъ лишала молодого графа свободы, легкости, изящества въ обращеніи. Тѣмъ не менѣе, оторваться отъ привычекъ и интересовъ свѣта юноша-Толстой всетаки не можетъ. Его тянетъ въ это общество жажда неиспытанныхъ ощущеній. Онъ воображаетъ себя то блестящимъ свѣтскимъ львомъ, то бѣднымъ, но

благороднымъ рыцаремъ, ищущимъ «даму сердца». Эстетика борется въ немъ съ моралью. Но эта борьба неравная. Образъ любимаго брата Николая и чудеснаго «муравейнаго братства» все чаще и чаще заслоняется образомъ «красиваго», «гордаго» Сергѣя.

Но среди увлеченій разными свѣтскими удовольствіями и первыхъ кипѣній молодыхъ страстей въ юношѣ-Толстомъ временами чувствуется что-то другое. Его точно нагоняетъ какая-то духовная, моральная сила. Точно въ насмѣшку надъ той помѣщичьей средой, въ которой онъ родился и выросъ, что-то великое, что-то высоко парящее надъ мишурой и суетой свѣтскаго быта, не даетъ ему покоя, не позволяетъ ему забыться и

отдаться внушеніямъ личныхъ чувствъ, бурленіямъ и томленіямъ дворянской крови. Отсюда и то нѣсколько загадочное впечатлѣніе, которое производилъ Толстой на всѣхъ, знавшихъ его въ Казани. Это впечатлѣніе вполнѣ гармонируетъ съ безпритязательными словами З. М. Молоствовой, которыми она характеризуетъ «тяжелую» свѣтскость Л. Н. Толстого. Но онъ казался «тяжелымъ» и внѣ свѣтской обстановки, среди своихъ товарищей-студентовъ. Своему сверстнику по Казанскому университету, Назарьеву, онъ представляется преисполненнымъ «странной и непонятной важности и преувеличеннаго довольства собой», «надменной каменной фигурой», «чопорнымъ графомъ». А одинъ изъ казанскихъ старожиловъ описывалъ Н. П. Загоскину студента-Толстого «бирюкомъ», «котораго звали не иначе, какъ философомъ и Левушкой». Онъ «едва отвѣчалъ на поклоны», говоритъ Назарьевъ, онъ отталкивалъ отъ себя «напускной холодностью» и «презрительнымъ выраженіемъ прищуренныхъ глазъ». «Застѣнчивый», «странно-угловатый», «неуклюжій», «чу-

дакъ и философъ»—какъ ярко рисуется въ этихъ, на первый взглядъ противорѣчивыхъ, описаніяхъ Л. Толстой въ казанскую эпоху его жизни! Именно такимъ онъ и долженъ былъ быть въ то время: «интереснымъ» и «тяжелымъ», «застѣнчивымъ» и «надменнымъ», «чопорнымъ графомъ» и «философомъ», «Левушкой». При напряженной своей коммильфотности и невыдержанной свѣтскости, какъ, въ самомъ дѣлѣ, было не впасть Толстому въ «надменность» и «чопорность»? А, съ другой стороны, какъ могъ-бы онъ, при своей впечатлительности и вдумчивости, не быть до извѣстной степени «философомъ»? Въ то-же время какъ могъ онъ отдѣлаться отъ застѣнчивости и неуклюжести, когда въ немъ постоянно скрещивались и боролись разныя и притомъ совершенно противоположныя силы? Да и самая наружность Толстого, при его огромномъ самолюбіи, совсѣмъ не благопріятствовала тѣмъ аристократическимъ и свѣтскимъ позамъ, которыя онъ принималъ, подражая брату. По описанію казанскихъ старожиловъ и школьныхъ своихъ товарищей, Мартынова и Назарьева, онъ былъ широкоплечій, мясистый, неуклюжій юноша, съ широкимъ носомъ и свѣтлыми волосами, которые торчали щетиной. Приблизительно такой-же обликъ Толстого даетъ намъ дагеротипъ 48-го года. При незавидной внѣшности и общей страстности своей рано созрѣвшей натуры, Толстой, естественно, долженъ былъ съ большою мнительностью относиться ко всему, что такъ или иначе задѣвало струны его самолюбія, его мужской личности. Только этимъ и можно объяснить себѣ то, что, несмотря на свѣтскій образъ жизни, Толстой былъ въ Казани «далеко не свѣтскимъ дамскимъ угодникомъ», хотя онъ и одѣвался «всегда съ иголочки» и ходилъ зимой «въ шинели военнаго покроя съ бобровымъ воротникомъ». Вотъ откуда эта «напускная» холодность и «презрительное выраженіе прищуренныхъ глазъ», о которыхъ вспоминаетъ Назарьевъ.

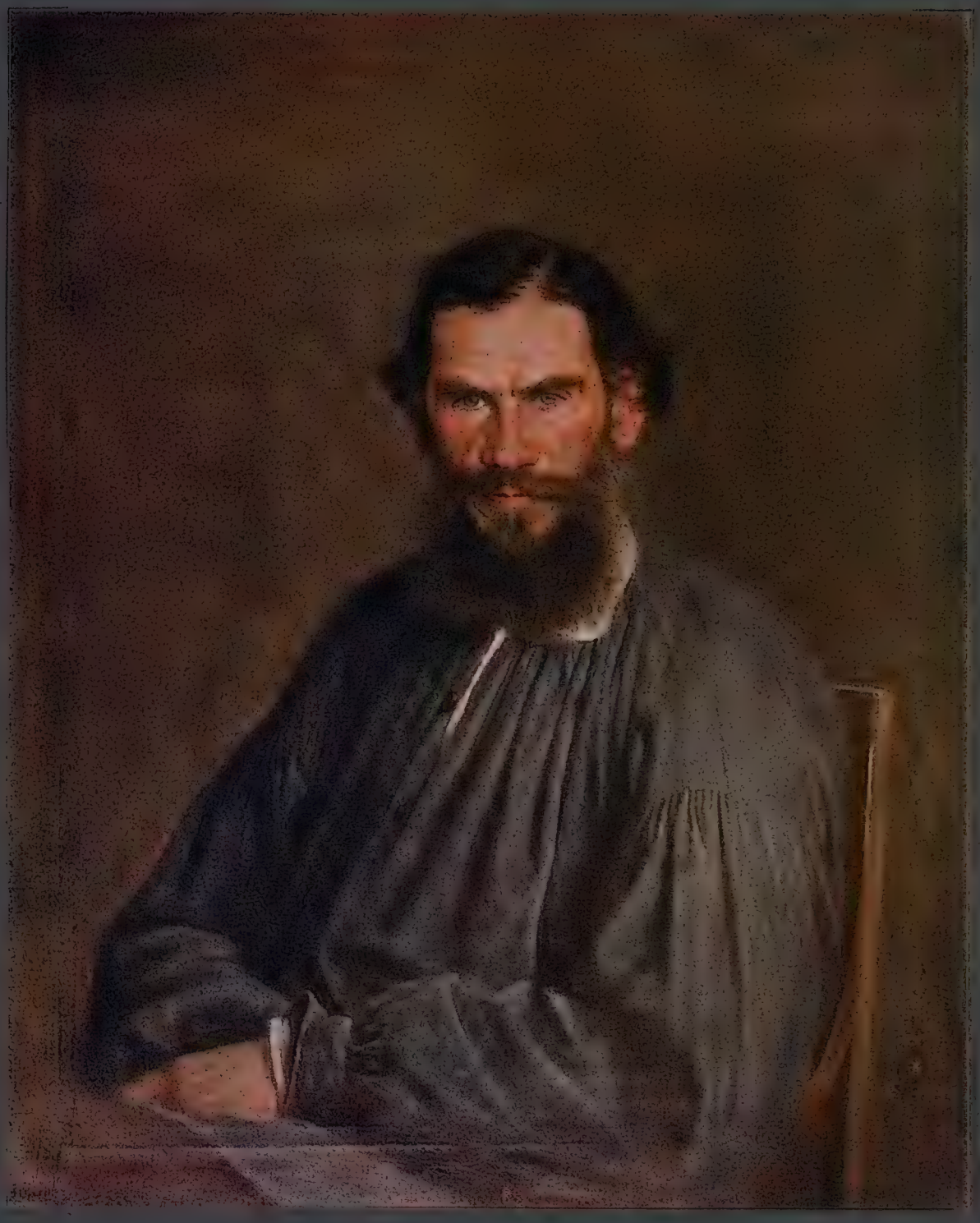
Какова-же была та казанская свѣтская жизнь, въ которую окунулся юноша-Толстой, по поступленіи въ 1844 г. въ университетъ, и къ которой

онъ еще ранѣе успѣлъ прикоснуться въ первые два года своего пребыванія въ Казани въ возрастѣ 14—15 лѣтъ?

Вотъ какія свѣдѣнія мы находимъ объ этомъ у Загоскина, Назарьева, Мартынова, Турнелли и другихъ бытописателей той эпохи. При отсутствіи желѣзныхъ дорогъ и сколько-нибудь правильнаго пароходства (первое пароходное общество по Волгѣ основано въ 1843 г.), Казань, съ ея университетомъ, естественно, являлась тогда столицей всего Поволжья и Прикамья. На зиму сюда съѣзжались сотни помѣщиковъ. Пикники, вечера, балы не прекращались. Холостому человѣку «можно было вовсе не имѣть у себя стола, такъ какъ существовало, по крайней мѣрѣ, 20—30 домовъ, куда ежедневно сходятся обѣдать много лицъ безъ всякаго приглашенія». Вскорѣ послѣ обѣда, «выпивъ кофе и поболтавъ о всякой всячинѣ», всѣ отправлялись «по домамъ спать». А вечеромъ общество снова собиралось на какой-нибудь «раутъ или балъ», всегда кончавшійся «лукулловскимъ ужиномъ». Возвращались съ этихъ вечеровъ домой въ 5—6 часовъ утра и вставали на другой день «не ранѣе полудня». Однимъ словомъ, Казань той эпохи была «настоящее Эльдорадо», какъ характеризуетъ ее Турнелли. «Я смѣло могу сказать, пишетъ онъ, что нѣтъ другого города въ мірѣ, гдѣ чаще устраивались-бы собранія для веселья, гдѣ обнаруживалось-бы больше соревнованія въ устройствѣ пировъ и удовольствій»...

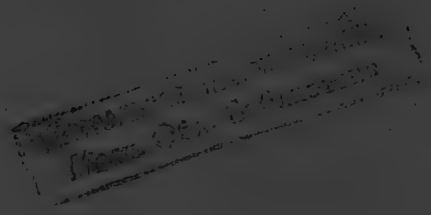
При тѣхъ настроеніяхъ, которыя переживалъ Л. Толстой въ 16-лѣтнемъ возрастѣ, особенно послѣ Москвы, его не могла не увлечь эта шумная, блестящая жизнь. Какъ внуки бывшаго губернатора и племянники П. И.

КАЗАНЬ.



ГР. Л. Н. ТОЛСТОЙ.
Съ портрета работы И. Н. Крамского. 1873.

Клише и печать С. М. Прокудина-Горского.



Юшковой, домъ которой считался однимъ изъ виднѣйшихъ въ городѣ, братья Толстые сразу заняли въ Казани выдающееся положеніе среди свѣтской молодежи. Ихъ связи и аристократическій графскій титулъ открывали имъ всѣ двери, вездѣ они являлись желанными «кавалерами». Это не могло не льстить молодому самолюбію. И, дѣйствительно, на всѣхъ выдающихся казанскихъ вечерахъ, пикникахъ и балахъ оба брата Толстыхъ, Сергѣй и Левъ, играли большую роль. Такъ, на масляницѣ 1845 г. Л. Н. Толстой и его братъ принимаютъ участіе «въ двухъ благородныхъ спектакляхъ въ пользу дѣтскихъ пріютовъ», причемъ, по словамъ фельетониста «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», спектакли эти прошли «такъ отчетисто, такъ прелестно, что во многихъ мѣстахъ зрители забывали, что предъ ними искусство сценическое, а не сама природа». Казанская газетная хроника увѣковѣчила и другое великосвѣтское выступленіе Л. Толстого въ 1846 г. На этотъ разъ «неуклюжій» юноша, «философъ» - «Левушка», принимаетъ участіе въ живыхъ картинахъ, поставленныхъ въ актовомъ залѣ Казанскаго университета, въ пользу двухъ бѣдныхъ воспитанницъ мѣстнаго Родіоновскаго института. Въ № 18 «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1846 г. мы читаемъ: «... Еще задолго до дня представленія носились разные слухи о постановкѣ картинъ и подстрекали любопытство всѣхъ и каждаго... Стеченіе публики было самое многочисленное, невиданное доселѣ; ни одинъ концертъ, даже волшебный смычекъ Серве не привлекалъ столько посѣтителей, и обширная университетская зала не могла вмѣстить въ себѣ всѣхъ зрителей». Л. Толстой фигурировалъ въ одной изъ 19 живыхъ картинъ. Картина называлась «Предложеніе жениха». Вотъ какъ передаетъ ея содержаніе газетный хроникеръ: «Оркестръ играетъ: Ну, Карлуша, не робѣй!.. Старикъ рыбакъ поймалъ въ свои сѣти молодца и представляетъ его своей дочери. Простакъ дѣтина (графъ Л. Н. Толстой) почтительно вытянулся, закинувъ руки за спину: онъ рисуется... Отецъ взялъ его за подбородокъ и съ простодушно хитрою улыбкой посматриваетъ на дочку, которая въ смущеніи потупила свои взоры». «Эффектъ этой картины былъ необычайный», добавляетъ описаніе. Раза три требовали ея повторенія, и долго не умолкалъ громъ рукоплесканій. «Лучше всѣхъ былъ въ этой картинѣ А. А. де-Планьи (лекторъ французскаго языка), чрезвычайно наивенъ былъ также и женихъ, графъ Л. Н. Толстой».

Фот. В. Черткова.

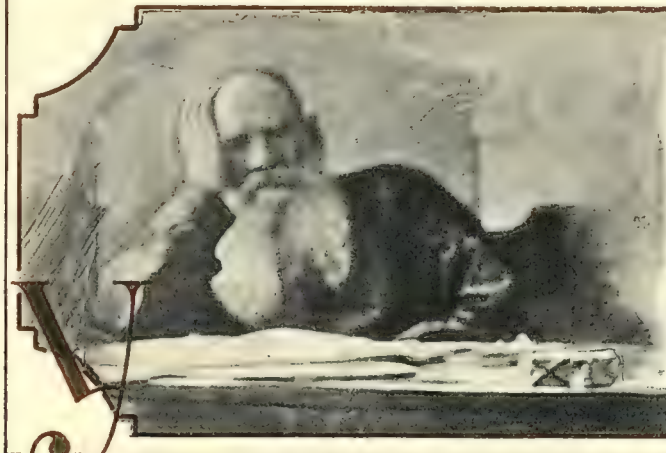
Если правда обличаетъ нашу жизнь, то все-таки лучше признать правду, чѣмъ скрывать ее: жизнь наша можетъ измѣниться, правда же всегда останется тою же и не перестанетъ обличать насъ.

Левъ Толстой.

Относительно «наивности» жениха, можетъ быть, слѣдуетъ сдѣлать оговорку. Весьма возможно, что хроникеръ за наивность принялъ ту «угловатость» и «самолюбивую застѣнчивость», которыя, при тогдашнихъ настроеніяхъ Толстого, естественно подошли къ полукомической фигурѣ Карлуши. Во всякомъ случаѣ, почти съ увѣренностью можно сказать, что въ самомъ Толстомъ было тогда меньше всего именно «наивности», и только счастливый сюжетъ живой картины спасъ его отъ провала роли. Бобры и шинель военнаго покроя ничего общаго не имѣли и не могли имѣть съ бѣднымъ, придурковатымъ Карлушей.

Е. Самокишъ-Судковская.

Глава XI



Университетъ.

Восточный факультетъ.—Круглая единица. — Провалъ за провалъ. — Равнодушіе къ университетской наукѣ. — Дневники. — Философскія статьи и замѣтки.— „Необходимая непріятность жизни".

ВЛЕЧЕНІЕ свѣтской жизнью, само собою, не могло не отразиться на университетскихъ занятіяхъ Л. Толстого. Выбравъ восточный факультетъ, онъ, повидимому, дѣйствовалъ при этомъ не совсѣмъ случайно: къ изученію восточныхъ языковъ его влекъ, можетъ быть, тотъ неопредѣленный инстинктъ, который впослѣдствіи, въ сознательную пору его жизни, привелъ его къ изученію еврейскаго и греческаго языковъ, къ изученію Корана и религій Востока. Толкали, можетъ быть, на восточный факультетъ Л. Толстого и его несомнѣнныя лингвистическія способности. Достаточно сказать, что, подготовившись къ испытаніямъ въ очень короткій срокъ, Толстой получилъ на пріемныхъ экзаменахъ пятерку по арабскому языку и пятерку по турецко-татарскому. Эти двѣ пятерки, рядомъ съ такими-же высшими отмѣтками по новѣйшимъ иностраннымъ языкамъ, по французскому и нѣмецкому, выступаютъ особенно ярко на вступительныхъ экзаменахъ Л. Толстого, на которыхъ, за исключеніемъ еще русской словесности и математики

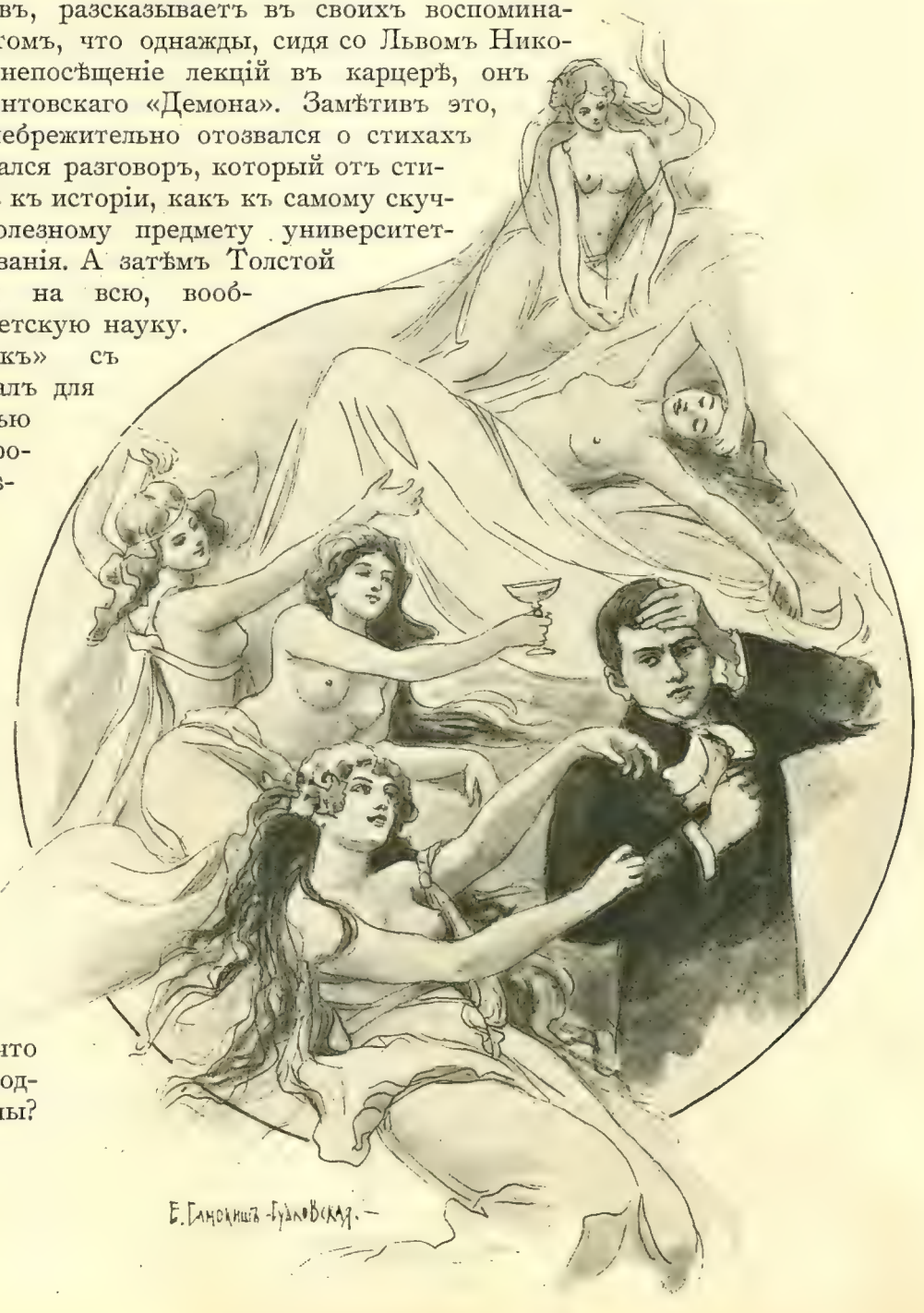
(за которыя онъ получилъ по четыре), по всѣмъ остальнымъ предметамъ онъ получилъ круглую единицу. Несмотря на неудачу, Л. Толстой не отказывается отъ мысли поступить именно на восточный факультетъ. Онъ подаетъ прошеніе о дополнительномъ испытаніи, и въ августѣ 1844 г. уже числится студентомъ I курса. Весьма вѣроятно, что, при иныхъ настроеніяхъ и иномъ направленіи казанской жизни его круга, юноша окончилъ-бы съ успѣхомъ выбранный имъ факультетъ. Но какъ разъ всѣ условія казанской жизни, съ ея балами и вѣчными пикниками, и собственныя настроенія Толстого, ударившагося въ comme il faut, совершенно не благопріятствовали развитію той «неопредѣленной жажды знанія», которая позднѣе потянула Л. Толстого изъ Ясной Поляны въ Петербургъ.

Не благопріятствовало также систематическимъ занятіямъ юноши и все его предъидущее воспитаніе, все его развитіе, лишенное прочнаго фундамента. Сначала его учитъ «дядька», нѣмецъ Ф. И. Рёссель, затѣмъ муштруетъ французъ С. Тома, а еще позднѣе обучаютъ и просвѣщаютъ его разными науками учителя-студенты и семинаристы. Въ раннемъ-же дѣтствѣ учителями Толстого были его тетка Ергольская и родная сестра отца его, графиня Александра Ильинишна Остенъ-Сакенъ, жившая въ домѣ брата. Такимъ образомъ, ко времени поступленія въ университетъ, Л. Н. Толстой, младшій изъ братьевъ, совершенно лишенный заботъ и ухода рано умершей матери, естественно долженъ былъ оказаться менѣе всѣхъ другихъ подготовленнымъ къ серьезному и систематическому труду. Въ самомъ дѣлѣ, даже и при его талантливой натурѣ, какъ было 16-лѣтнему юношѣ успѣть переработать въ себѣ столько противоположныхъ по типу вліяній: Ергольской и А. Ильинишны, Рёсселя и С. Тома, студента Поплонскаго и проф. Казембека! Что-же удивительнаго въ томъ, что уже въ Январѣ 1845 г.,

на полугодичныхъ испытаніяхъ, завернутый въ бобры юный Толстой получаетъ по арабскому языку двойку, а весной онъ даже не былъ допущенъ къ переводнымъ экзаменамъ. Также мало успѣшно идутъ университетскія занятія Л. Толстого и съ переходомъ его на юридическій факультетъ, который, какъ онъ самъ говоритъ, явился въ то время лишь «убѣжищемъ» для его самолюбія. Даже по теоріи словесности онъ съ трескомъ проваливается на полугодичныхъ испытаніяхъ 1846 года! Этотъ вторичный неуспѣхъ произвелъ на Л. Толстого, повидимому, большое впечатлѣніе,—по крайней мѣрѣ весной того-же года онъ удовлетворительно сдаетъ переводные экзамены и благополучно переходитъ на второй курсъ.

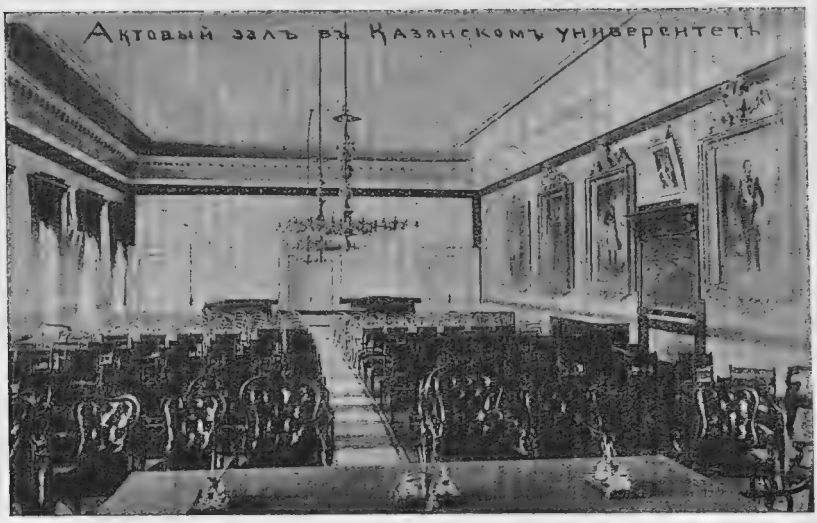
Однако, этотъ полу-успѣхъ имѣлъ для него лишь внѣшнее значеніе. Въ душѣ Толстой былъ уже къ тому времени совершенно равнодушенъ къ университетской наукѣ. Такъ, напримѣръ, его товарищъ по университету, Назарьевъ, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Толстомъ, что однажды, сидя со Львомъ Николаевичемъ за непосѣщеніе лекцій въ карцерѣ, онъ читалъ Лермонтовскаго «Демона». Замѣтивъ это, Толстой пренебрежительно отозвался о стихахъ вообще. Завязался разговоръ, который отъ стиховъ перешелъ къ исторіи, какъ къ самому скучному и безполезному предмету университетскаго преподаванія. А затѣмъ Толстой напустился и на всю, вообще, университетскую науку. «Храмъ наукъ» съ тѣхъ поръ сталъ для него мишенью злыхъ и остроумныхъ насмѣшекъ.

— Что вынесемъ мы изъ университета?— спрашивалъ Толстой Назарьева. Подумайте и отвѣчайте по совѣсти. Что вынесемъ мы изъ этого святилища, возвратившись восвояси, въ деревню? на что будемъ пригодны, кому нужны?



При такихъ настроеніяхъ трудно было тянуть тяжелую лямку систематическихъ университетскихъ занятій. Въ Толстомъ назрѣвало инстинктивное какое-то отвращеніе ко всей казанской жизни. И хотя самъ Толстой и говоритъ, что въ немъ не было «никакого протеста» противъ тогдашняго «очень хорошаго» казанскаго общества, но въ дѣйствительности дѣло обстояло иначе. На это указываютъ и казанскіе дневники, и замѣтки Л. Толстого, и нѣкоторыя страницы его «Исповѣди». Такъ, въ мартѣ 1847 года, лежа больной въ казанской клиникѣ, восемнадцатилѣтній студентъ заноситъ въ свой дневникъ такую замѣтку: «Общество есть часть міра. Надо Разумъ согласовать съ міромъ, съ цѣлымъ, познавая законы его, и тогда можно стать независимымъ отъ части, отъ общества». Къ этому-же періоду относится цѣлый рядъ записанныхъ имъ въ дневникъ правилъ относительно собственнаго поведенія и своего отношенія къ занятіямъ. Въ этихъ правилахъ и замѣткахъ проглядываетъ и недовольство собою, и глубокая вдумчивость, и огромная жажда знаній. Такъ, мы встрѣчаемъ здѣсь такія статьи и наброски: «О цѣли философіи», «О разсужденіи касательно будущей жизни», «Опредѣленіе времени, пространства и числа», «Методы», «Раздѣленіе философіи», «О симметріи», наконецъ, комментарій къ «Discours» Жанъ-Жака Руссо. Характернымъ представляется его отношеніе къ женщинамъ. «Смотри на общество женщинъ, записываетъ онъ, какъ на необходимую непріятность жизни общественной, и, сколько можно, удаляйся отъ нихъ». Но какъ, въ такомъ случаѣ, примирить всѣ эти «comme il faut», бобры, спектакли и пикники съ такимъ рѣшительнымъ взглядомъ на женщинъ? Вѣдь и эта его коммильфотность, родившаяся тогда, когда онъ еще мальчикомъ началъ «развращаться», «заниматься своей наружностью», и эти бобры—что это, въ самомъ дѣлѣ, какъ не проявленіе сексуальнаго инстинкта? Откуда-же этотъ неожиданный аскетизмъ, откуда-же эта борьба съ собственной натурой? Все это объясняется, конечно, только общей внутренней неудовлетворенностью Толстого, неудовлетворенностью, которая раньше всего, конечно, должна была обрушиться именно на женщину. Отъ женщинъ, пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ 1847 года, «получаемъ мы сластолюбіе, изнѣженность, легкомысліе во всемъ и множество другихъ пороковъ». Женщины виноваты, что «мы лишаемся врожденныхъ въ насъ чувствъ: смѣлости, твердости, разсудительности, справедливости и другихъ...». «Безъ ужаса, омерзенія и боли сердечной не могу вспомнить объ этихъ годахъ», вспоминаетъ Толстой въ «Исповѣди» о казанскомъ періодѣ своей жизни, фиксируя при этомъ ту-же тему. Но иное дѣло проповѣдывать себѣ высокія моральныя правила и иное дѣло проводить ихъ въ жизнь. То, что впослѣдствіи, черезъ очень много лѣтъ, въ «Крейцеровой Сонатѣ», этомъ величайшемъ художественномъ воплощеніи шопенгауэровской философіи сексуальности, явилось выраженіемъ дѣйствительно большой мысли и сложнаго психофизіологическаго опыта, то въ смѣлыхъ юношескихъ схемахъ Л. Толстого представляется только простымъ исканіемъ выхода изъ осложненій душевной жизни, въ которой сексуальность, какъ внезапно налетѣвшая гроза, подавила и затемнила все идеальное и духовно-мечтательное. Его взволновалъ и напугалъ голосъ его собственной воли. Наступилъ такой моментъ, когда власть «зеленой палочки» надъ душой Толстого была парализована силами его страстной натуры. Ясное синее небо дѣтскаго

воображенія и чистые лучи утренняго солнца ребяческихъ надеждъ и упованій исчезли. Началась первая ночь души. Надвинулось новое, низкое, черное небо, таинственное и плѣнительное, блистающее иными, яркими «созвѣздіями», полное новыхъ чувствъ, мыслей и стремленій. «Я всею душою желалъ быть хорошимъ, вспоминаетъ Толстой въ Исповѣди о своей казанской жизни, но я былъ молодъ, у меня были страсти, а я былъ одинъ, совершенно одинъ, когда искалъ хорошаго». А когда онъ «предавался гадкимъ страстямъ», его «хвалили и поощряли». Такъ, даже «добрая тетушка» Толстого, чистѣйшее существо, у которой онъ жилъ, всегда говорила ему, что «она ничего не желала-бы такъ для него, какъ связи съ замужней женщиной». Можно себѣ представить, какимъ ядомъ вливались въ душу 16-лѣтняго юноши эти слова, толкавшія его въ бездну, которая и безъ того почти непреодолимо тянула его къ себѣ.



9.

Под. 29 Мая 1844. 1.

Его Превосходительству Господину Ректору Императорскаго Казанскаго Университета Дѣйствительному Статскому Совѣтнику и Кавалеру Николаю Ивановичу Лобачевскому.

Прошеніе

Желая поступить въ число Студентовъ по Восточному отдѣленію Философскаго Факультета Императорскаго Казанскаго Университета, прошу Ваше Превосходительство допустить меня къ испытанію – Акты мои Свидѣтельство о рожденіи изъ Тульской духовной Консисторіи подъ № 252. и Свидѣтельство о моемъ Дворянскомъ происхожденіи изъ Тульскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія подъ № 267. присемъ честь имѣю представить.

Отъ

Лѣва Николаю допустить въ испытаніе въ 2-хъ Коллегіи обычное прошеніе, чтобы доставить свидѣтельство о здоровьѣ
29 Мая 1844.
Ректоръ Лобачевскій

Графъ Левъ Толстой

Свидѣтельство о здоровьи въ скоромъ времени дано доставить Л. Толстой 1844 Мая 30

91

Испытаніе учениковъ 1-го класса 1-го и 2-го Казанской Гимназіи, а также Казанскаго Университета, въ Сѣмянскомъ и Географіи, произведенное Вторымъ испытательнымъ коллегіемъ Казанскаго Университета, 30-го Мая 1844 г.

№	Имена и фамиліи	Испытаніе	Успѣхи: Географія, Языки	Географія, Языки	Статистика, Языки	Статистика, Языки	Общій выводъ	Въ какой факультетъ отдѣленіе отправляется по отпускѣ Ректора
	1 Казанской Гимназіи а. Казанскаго Университета							
1	Горбачевъ Николай		3	3	2	2	3 достаточные	Общей словесности
2	Исаевъ Владиміръ		2	2	2	2	2 средственные	Восточной слов.
3	Исаевъ Василій		3	3	2	2	3 достаточные	Общей слов.
4	Шуйгинскій Алекс.		2	2	2	2	2 средственные	Восточной слов.
5	Сидоровъ Александръ		3	3	2	2	3 достаточные	Общей слов.
	б. Пансіонеръ				3	3		
6	Сѣнинъ Гавріилъ		4	4	3	3	4 хорошіе	Восточной слов.
	в. Сѣмянскій							
7	Алексѣевъ Сергѣй		2	2	2	2	2 средственные	Восточной слов.
	11-го Казанской Гимназіи							
8	Алексѣевъ Петръ		5	5	3	3	4 хорошіе	Камеральное отд.
9	Бѣлоусовъ Николай		3	3	3	3	3 достаточные	Юридическій фак.
10	Бѣлоусовъ Николай		3	3	3	3	3 достаточные	Камеральное отд.
11	Лазуревскій Петръ		4	3	2	2	3 достаточные	Общей слов.
12	Лазаревъ Федоръ		3	3	2	2	3 достаточные	Общ. слов.
13	Бурковъ Александръ		3	3	4	4	4 хорошіе	Общей слов.
14	Пашкуровъ Александръ		3	3	4	4	4 хорошіе	Камеральное отд.
15	Семеновъ Николай		Отъ испытанія до Мая					Камеральное отд.
	Воспитанниковъ							
16	Тимофеевъ Николай		1	1	1	1	1 слабые	Камеральное отд.
17	Задонскій Александръ		3	3	3	4	3 достаточные	Общей слов.
18	Голицынъ Владиміръ		4	4	3	4	4 хорошіе	Юридич. фак.
19	Назарьевъ Викторъ		5	4	4	4	4 хорошіе	Общ. слов.
20	Графъ Михаилъ		4	4	3	3	4 хорошіе	Восточн. слов.
21	Толстой Левъ Графъ		1	1	1	1	1 слабые	Восточн. слов.
22	Лазаревъ Николай		4	4	4	4	4 хорошіе	Юридич. фак.
23	Алексѣевъ Иванъ		4	4	3	4	4 хорошіе	Юридич. фак.
24	Прокопьевъ Павелъ		Болѣзнь					Восточн. слов.
25	Алексѣевъ Александръ		4	4	5	4	4 хорошіе	Восточн. слов.
26	Ярославъ Василій		4	4	3	3	4 хорошіе	Камер. отд.
27	Арсеньевъ Василій		4	4	3	4	4 хорошіе	Камер. отд.
28	Трусовъ Константинъ		4	4	4	5	4 хорошіе	Камер. отд.
29	Сидоровъ Петръ		Отъ испытанія					Юрид. фак.

Предсѣдатель [illegible]

ЦЕНТРАЛЬНАЯ КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Моск. Обл. Библиотека

ГЛАВА XII

Томленіе Духа

Подъ холоднымъ лучомъ Вольтера. — Сложныя перипетіи юношеской мысли.— Каменный Наполеонъ и непреложный Богъ. — Братъ Димитрій. — Прощальное цѣлованіе.

ЕЩЕ въ Москвѣ надломилось религіозное настроеніе «маленькаго Мольера», какъ называлъ Толстого его учитель-французъ С. Тома, а къ 15 годамъ, подъ вліяніемъ философскихъ сочиненій, между прочимъ Вольтера, сообщенное юношѣ съ дѣтства вѣроученіе потеряло надъ нимъ всякую власть. «Я съ 16 лѣтъ пересталъ становиться на молитву и пересталъ, по собственному побужденію, ходить въ церковь и говѣть», пишетъ Толстой въ своей «Исповѣди». «Я старался совершенствовать себя умственно, я учился всему, чему могъ и на что наталкивала меня жизнь; я старался совершенствовать свою волю, составлялъ себѣ правила, которымъ старался слѣдовать; совершенствовалъ себя физически, всякими упражненіями, изощряя силу и ловкость и всякими лишеніями пріучая себя къ выносли-

вости и терпѣнію». И хотя «началомъ всего» было, разумѣется, «нравственное совершенствованіе», но скоро это нравственное совершенствованіе «подмѣнилось совершенствованіемъ вообще, т. е. желаніемъ быть лучше не передъ самимъ собою или передъ Богомъ, а желаніемъ быть лучше передъ другими людьми. И очень скоро это стремленіе быть лучше передъ людьми подмѣнилось желаніемъ быть сильнѣе другихъ людей, т. е. славнѣе, важнѣе, богаче другихъ». Такимъ образомъ, самымъ ходомъ своего внутренняго развитія и роста, юноша Толстой подошелъ къ цѣлому ряду большихъ и важныхъ вопросовъ, которые въ жизни каждаго сколько-нибудь глубокаго человѣка разрѣшаются не сразу. Онъ подошелъ къ религіозной темѣ. Весь окружающій бытъ, преданія собственной семьи, умиленность, мягкость и елейность славянскаго каѳолизма, вся эта замкнутая церковно-лойальная догматика, витающая среди невыразимыхъ тайнъ метафизическаго мышленія, но не дающая по отношенію къ жизни никакихъ яркихъ мотивовъ, не сливающаяся съ процессами исторіи и реальной борьбы

за разныя земныя блага, все это оттолкнуло и отшатнуло отъ себя молодого, пылкаго, полнаго страстей и фантазіи студента. Въ такіе годы не докапываются до подпочвенныхъ основъ религіи, до сложныхъ ея связей, черезъ грубую механику быта и застывшій спиритуализмъ церковности, съ дѣйствительнымъ горѣніемъ и кипѣніемъ человѣческаго сердца. При первыхъ-же проблескахъ внутренняго свободомыслія, подъ первымъ-же холоднымъ лучемъ раціоналистической мысли какого-нибудь сенсаціоннаго европейскаго философа—Вольтера или Бюхтера, Штирнера или Ницше, все зависитъ отъ эпохи, отъ ходкихъ интеллектуальныхъ цѣнностей въ ту или иную минуту исторіи — юный умъ предаетъ огню все, что въ быту называется религіей: особенно общепризнанную мораль, особенно церковность, съ ея богослужебными парадами, дисциплиной говѣній и покаяній, съ ея стѣсняющей символикой и пластикой, особенно все то, что не есть прямая, очевидная сила, очевидная красота. Такой именно юноша, какъ Толстой, съ отголосками отцовскаго фрондерства въ собственной крови, долженъ былъ съ какимъ-то страстнымъ, фанатическимъ упорствомъ

Его Превосходительству Господину Ректору Императорского Казанского Университета, Действительному Статскому Совѣтнику и Кавалеру Ивану Михайловичу Симонову,

Восьмитнаго Студента 2го Курса Юридического Факультета Графа Льва Николаева Толстаго.

Прошеніе.

По разстроенному здоровью и домашнимъ обстоятельствамъ, не желая болѣе продолжать курса наукъ въ Университетѣ, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство, сдѣлать зависящее отъ Васъ распоряженіе о исключеніи меня изъ числа Студентовъ и о выдачѣ мнѣ всѣхъ моихъ документовъ. —

къ сему прошенію руку приложилъ Студентъ Графъ Левъ Толстой.
Апрѣля 12го дня 1847 года.

искать выхода, искать свободы отъ воспитанія, наложившаго на него въ этой сферѣ тяжелыя цѣпи. Вотъ почему онъ объявляетъ себя атеистомъ. Но что значитъ весь этотъ разсудочный и волевой протестантизмъ, когда, уже съ самыхъ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ, фантазія ребенка захвачена такими мечтательно-поэтическими идеями, какъ «зеленая палочка», «Фанфаронова Гора», «Муравейное братство», когда вся она, весь духъ ребенка, всѣ его переживанія полны небеснаго свѣта и небесныхъ трепетаній и ликованій? Широкимъ и молодымъ жестомъ отбрасывается внѣшняя, историческая плоть религіи, ея грандіознѣйшая архитектура, ея ритуалъ, ея каменный Парѳенонъ, отбрасывается съ глубоко-ошибочной мыслью, что этимъ выходишь на совершенно вольную дорогу, и тутъ-же, въ живомъ процессѣ внутренняго развитія, лицомъ къ лицу становишься съ настоящимъ, уже непреложнымъ Богомъ. Толстой пересталъ вѣрить въ то, что ему было сообщено съ дѣтства, но онъ «вѣрилъ во что-то», и во что именно онъ вѣрилъ, «никакъ-бы не могъ сказать», пишетъ онъ въ своей «Исповѣди», вспоминая эпоху своей казанской студенческой жизни. Такъ изъ несовершенной діалектики молодыхъ переживаній выростаетъ настоящая вѣра, настоящее богопониманіе.

Какъ рельефно выступаютъ отношенія Толстого къ брату Димитрію именно въ эти годы его казанской жизни, среди этихъ волненій и треволненій его души, его духа. Д. Н. Толстой былъ полной противоположностью Сергѣя Николаевича. Религіозный, серьезный и вдумчивый, онъ учился ровно и усердно, дружилъ только съ самыми бѣдными студентами и совершенно не заботился о томъ, кто какого о немъ мнѣнія. И вотъ, когда Димитрій Николаевичъ, будучи въ университетѣ, «вдругъ, со свойственной его натурѣ страстностью, предался вѣрѣ и сталъ ходить ко всѣмъ службамъ, поститься», Л. Н. Толстой, вмѣстѣ съ Сергѣемъ Николаевичемъ и со всѣми старшими, стали поднимать его на смѣхъ и прозвали почему-то Ноемъ. «Помню, пишетъ Толстой, Мусинъ-Пушкинъ, бывшій тогда попечителемъ казанскаго университета, звавшій насъ къ себѣ танцовать, насмѣшливо уговаривалъ отказывающагося брата тѣмъ, что и Давидъ плясалъ передъ ковчегомъ: я сочувствовалъ тогда этимъ шуткамъ старшихъ». Конечно, онъ смѣялся лишь надъ внѣшней религіозностью брата, надъ тѣмъ, что онъ говѣетъ, поститъ, выстаиваетъ длинныя службы. Но смѣясь надъ этими внѣшними проявленіями религіозности Димитрія Николаевича, наблюдательный и вдумчивый юноша-Толстой долженъ былъ замѣчать и нѣчто другое: высокое настроеніе Димитрія Николаевича, т. е. именно то, чего не было тогда въ его собственныхъ словахъ и дѣйствіяхъ, чего не могла дать ему

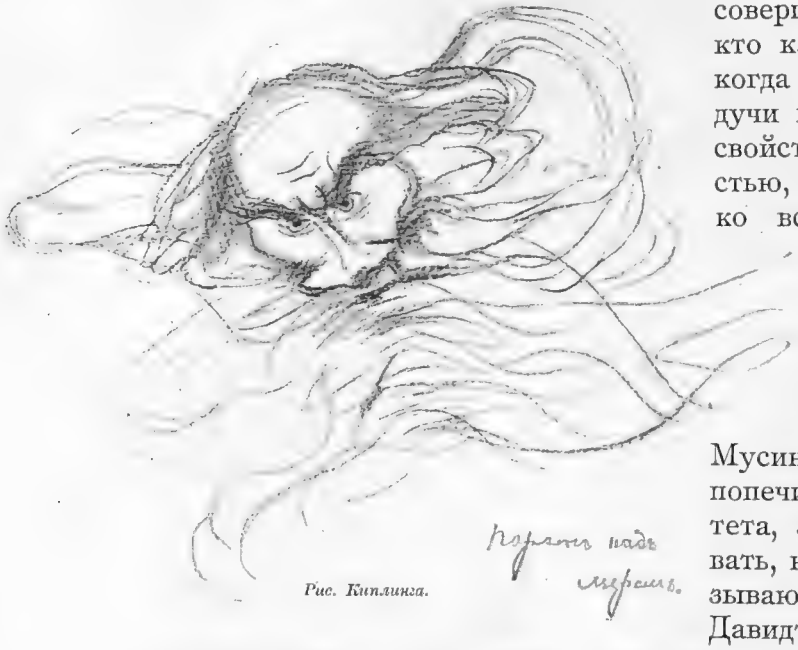


Рис. Киплинга.

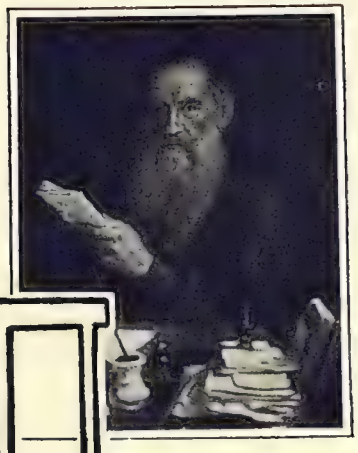
его теорія самоусовершенствованія, но что, конечно, было въ его сердцѣ и, такъ сказать, творило истинную жизнь его души. Это высокое настроеніе брата было какъ-бы упрекомъ Л. Н. Толстому за весь тогдашній его образъ жизни, за новые принципы, во главѣ которыхъ стояло свѣтское «comme il faut». И что-бы ни говорилъ Толстой о своей тогдашней «нравственной тупости», которая, будто-бы, заслоняла отъ него истинныя качества Димитрія Николаевича, личность послѣдняго, помимо воли самого Л. Н. Толстого, должна была имѣть значительное вліяніе на тотъ нравственный переломъ, который совершился въ Толстомъ къ концу его пребыванія въ Казани и который заставилъ его уѣхать въ деревню. На даггеротипѣ 48 года въ лицѣ Толстого, въ его глазахъ, напоминающихъ всегда «грустные глаза» его отца, можно еще почувствовать ту мертвую зыбь, которую оставила въ душѣ его только что пронесшаяся буря юношескихъ настроеній, буря всего казанскаго періода его жизни, разрѣшившейся сосредоточеннымъ порывомъ къ чему-то новому.

Вотъ въ какомъ настроеніи долженъ былъ доживать Толстой послѣдніе дни своего пребыванія въ Казани. Университетъ, экзамены, свѣтская жизнь, все это отошло на задній планъ. Равнодушно принимаетъ онъ то, что его не допускаютъ, въ виду неудачныхъ полугодичныхъ испытаній, къ переводному экзамену на третій курсъ. Молчаливый, угрюмый по-

является онъ въ свѣтскихъ гостиныхъ. «Надменный графъ» окончательно перевоплощается въ «философа» «Левушку». По собственнымъ его словамъ, онъ покидалъ казанскій университетъ потому, что уѣзжалъ братъ и что заданная ему однимъ изъ профессоровъ работа по сличенію «Наказа» Екатерины съ «Esprit des lois» Монтескье открыла ему «новую область умственнаго самостоятельнаго труда, а университетъ со своими требованіями не только не содѣйствовалъ такой работѣ, но мѣшалъ ей».

Была весна, разливалась Казанка, блестѣлъ въ мягкихъ лучахъ солнца казанскій Кремль, его златоглавый соборъ, и печально высилась рядомъ съ нимъ татарская башня Сумбеки. По кремлевскому бульвару гуляли толпы народа. Гулялъ, можетъ быть, тамъ и юный Толстой, подавшій 12 апрѣля 1847 года прошеніе объ увольненіи его изъ университета «по разстроенному здоровью и домашнимъ обстоятельствамъ». Какъ бѣлыя чайки, мелькали вдали передъ его глазами паруса плывущихъ по волжскому разливу бѣлянъ, расшивъ и лодокъ, маня на просторъ, къ природѣ, въ далекую Ясную Поляну. Около двадцатыхъ чиселъ апрѣля, какъ передаетъ Загоскинъ, къ Толстымъ (поселившимся въ эту весну на отдѣльной квартирѣ), во флигелѣ дома Петонди, собралась небольшая кучка студентовъ, желавшихъ проводить Льва Николаевича въ далекій и трудный, по условіямъ сообщенія того времени, путь. Товарищи проводили Льва Николаевича до перевоза черезъ Казанку и здѣсь въ послѣдній разъ отдали ему «прощальное цѣлованіе».

Съ какими-же чувствами, съ какими мыслями уѣзжалъ Толстой изъ Казани, гдѣ онъ прожилъ шесть лѣтъ, гдѣ онъ потерялъ свою дѣтскую невинность и гдѣ впервые ясно намѣтилась вся основная тема его будущей жизни? Нѣкоторое указаніе на это мы можемъ найти въ той-же «Исповѣди». Говоря о томъ, какъ онъ спасся отъ самоубійства, Толстой пишетъ: «Когда и какъ совершился во мнѣ этотъ переворотъ, я не могъ-бы сказать. Какъ незамѣтно постепенно уничтожилась во мнѣ сила жизни, и я пришелъ къ невозможности жить, къ остановкѣ жизни, къ потребности самоубійства, такъ-же постепенно, незамѣтно возвратилась ко мнѣ эта сила жизни. И странно, что та сила жизни, которая возвратилась ко мнѣ, была не новая, а самая старая, та самая, которая влекла меня на первыхъ порахъ моей жизни. Я вернулся во всемъ къ самому прежнему, дѣтскому, и юношескому». Приблизительно такой именно переворотъ и произошелъ въ душѣ Толстого въ Казани. Онъ былъ слишкомъ полонъ жизни, чтобы думать о самоубійствѣ. Но минутныя какія-то «остановки», раздумье и самоуглубленіе незамѣтно привели его къ тѣмъ самымъ настроеніямъ и чувствамъ, которыми онъ жилъ въ первые годы дѣтства. «Отдайтесь чувству, и оно не обманетъ васъ», говоритъ Л. Толстой въ одной изъ своихъ педагогическихъ статей. Онъ и отдался своему чувству, своему новому весеннему настроенію, которое всегда полно «надеждъ» и «прелестной будущности», которое вызываетъ «внутреннюю переборку» и желаніе отбросить прочь отъ себя все старое, «всѣ условія свѣта, всю лѣнь, весь эгоизмъ, всѣ пороки».



ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

ЯСНАЯ ПОЛЯНА И ПЕТЕРБУРГЪ

Сложная мозаика деревенскихъ занятій.—Филантропическое сближеніе съ народомъ. — Безъ высшихъ мотивовъ.—Жажда знаній. — Въ Петербургѣ. — „Пустяшный малый“. — Новое раздумье. — „Надо жить положительно“.

ПОДЪ широко раскинувшимся надъ Ясной Поляной деревенскимъ небомъ съ его далекими горизонтами, только что прожитые въ Казани годы воскресали въ памяти, какъ смутный кошмаръ. Здѣсь Толстымъ сразу овладѣли новыя жизнерадостныя чувства, кипучая увѣренность, что можно не только наверстать потерянное время, но чуть-ли не зачеркнуть все прошлое. «Перемѣна въ образѣ жизни должна произойти, но нужно, чтобы эта перемѣна не была произведеніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, но произведеніемъ души», писалъ онъ въ своемъ дневникѣ тѣхъ годовъ. Очевидно, для такой перемѣны все благопріятствовало въ Ясной Полянѣ: и внѣшнія обстоятельства, и собственное настроеніе юноши-Толстого.

Въ самомъ дѣлѣ, насколько велика была энергія Толстого въ этотъ періодъ его жизни, показываетъ слѣдующая составленная имъ программа научныхъ занятій въ деревнѣ: «1) Изучить весь курсъ юридическихъ наукъ, нужныхъ для окончательнаго экзамена въ университетъ. 2) Изучить практи-

ческую медицину и часть теоретической. 3) Изучить языки: французскій, русскій, нѣмецкій, англійскій, итальянскій и латинскій. 4) Изучить сельское хозяйство, какъ теоретически, такъ и практически. 5) Изучить исторію, географію и статистику. 6) Изучить математику — гимназическій курсъ. 7) Написать диссертацію. 8) Достигнуть высшей степени совершенства въ музыкѣ и живописи. 9) Написать правила и 10) получить нѣкоторыя познанія въ естественныхъ наукахъ.

У дерева бѣдныхъ въ Ясной Полянѣ.

11) Составить сочиненія изъ всѣхъ предметовъ, которые буду изучать». Особенно бросается въ глаза въ этой обширной программѣ будущихъ занятій молодого помѣщика, который только что сдѣлался хозяиномъ Ясной Поляны, ея разносторонность. Тутъ и медицина, и сельское хозяйство, и музыка, и живопись. Тутъ и безкорыстная жажда знанія, и неотчетливое пониманіе собственныхъ наклонностей, и въ то-же время наивная вѣра въ значеніе «окончательнаго экзамена» и «диссертаціи». Съ другой стороны, въ этомъ стремленіи изучить практическую медицину и сельское хозяй-

Л. Н. ТОЛСТОЙ ПАШЕТЪ.
Съ картины И. Е. Репина: 1892.

Клише и печать С. М. Прокудина-Горскаго.

Яснополянскіе виды и группы.

ство проглядываетъ, можетъ быть, мысль поселиться въ дер нѣ и заняться дост вшимся ему по на слѣдству отъ отца имѣніемъ. Знаніе пра ктической медицины для помѣщика соро ковыхъ годовъ, живущаго безвыѣздно въ своемъ имѣніи, было вещью необходимою, такъ какъ докторовъ тогда въ уѣздахъ по чти не было.

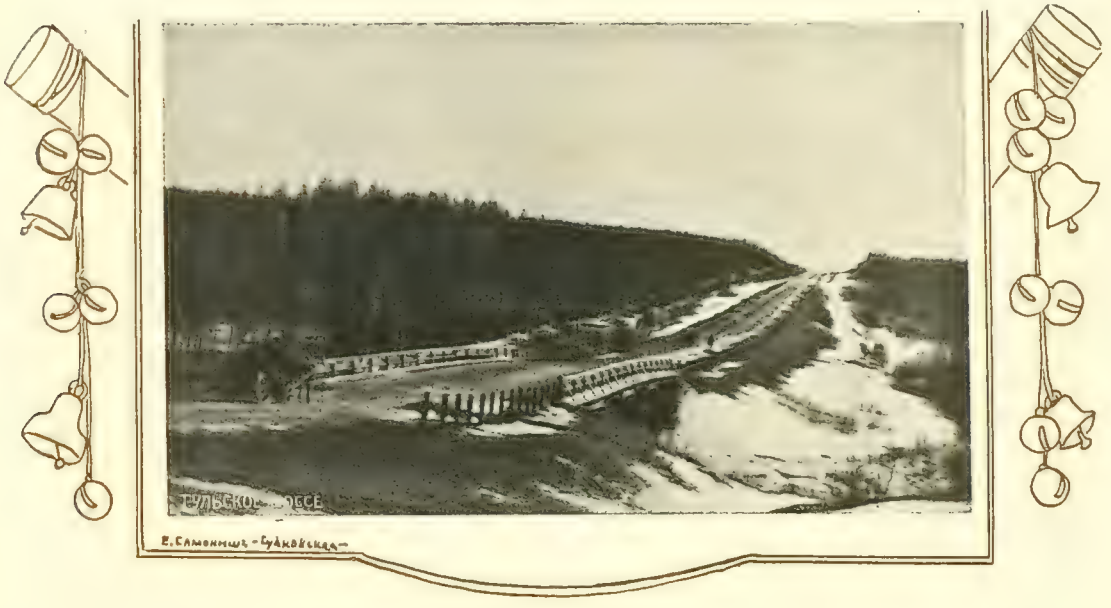
Могли-ли, однако, эти теоретическія занятія наполнить дер венскую жизнь Толстого при общей неопре дѣленности его стремлений? Могли-ли они удо влетворить ту «неопредѣленную жажду знаній», ко торая проснулась въ немъ еще въ Казани? Конечно, нѣтъ. Не только Толстой, но и всякій другой на его мѣстѣ, попавъ въ деревню хозяиномъ запущеннаго имѣнія, долженъ былъ-бы измѣнить схоластикѣ занятій по опредѣленной программѣ ради потребностей живой дѣйствительности. Присмотрѣвшись къ быту окружающихъ его крѣпостныхъ, Толстой, естественно, проникся желаніемъ измѣнить и улучшить этотъ бытъ, поставивъ хозяйство имѣнія

на болѣе человѣчныхъ и раціональныхъ началахъ. Въ «Утрѣ помѣщика», которое несомнѣнно написано по личнымъ воспоминаніямъ изъ этой эпохи ясно-полянской жизни Толстого, кн. Неклюдовъ, въ письмѣ къ своей теткѣ, отказывается даже отъ всѣхъ своихъ честолюбивыхъ плановъ, отъ всѣхъ стремленій къ наукѣ, диссертаціямъ и кандидатскимъ дипломамъ. «Зачѣмъ искать въ другой сферѣ случаевъ быть полезнымъ и дѣлать добро, когда мнѣ открывается такая благородная, блестящая и ближайшая обязанность».

Увы, эта «благородная, блестящая и ближайшая обязанность», мечты еще недавно ходившаго въ бобрахъ студента, презиравшаго все, что не есть comme il faut, неминуемо должны были разлетѣться прахомъ. Правда, онъ всегда чувствовалъ «странную физическую любовь къ настоящему рабочему народу». Но это тяготѣніе было еще слишкомъ смутно, слишкомъ инстинктивно, чтобы оно могло руководить имъ въ сложныхъ его отношеніяхъ къ крестьянамъ, которые, съ одной стороны, еще недавно казались ему «такъ, какими-то скотами, не людьми», а, съ другой стороны, несчастными, безправными, крѣпостными рабами. Конечно, и со стороны крестьянъ, барскія, благотворительныя затѣи Толстого не могли встрѣтить никакого сочувствія, и всѣ старанія его сблизиться съ народомъ не привели ни къ чему. Въ душѣ Толстого было еще слишкомъ много крѣпостничества, умственной тьмы по отношенію къ нравственной сущности народа, умственной тьмы, которая мѣшала живому и плодотворному труду на почвѣ народныхъ интересовъ. Съ другой стороны, самое исканіе путей къ крестьянству носило еще тогда у него характеръ какого-то безпочвеннаго, сентиментальнаго народничества. Минутный оптимизмъ охватилъ Толстого, какая-то маниловская фантазія и надежда, что всю жизнь народную можно кореннымъ образомъ измѣнить, вверхъ дномъ перевернуть, при помощи разныхъ филантропическихъ программъ. Но уже первое прикосновеніе къ дѣйствительной крестьянской жизни, къ настоящей «власти тьмы», простертой надъ русской деревней, ко всей этой безъисходной нищетѣ, пьянству и скрытой долгими годами рабства злобѣ и недовѣрію по отношенію ко всякому помѣщику, даже самому благорасположенному, должно было показать Толстому всю несостоятельность его на этомъ новомъ пути. При его широкой наблюдательности, при его умѣніи безпощадно гнать и топтать собственныя иллюзіи, при его желѣзномъ упрямствѣ въ преслѣдованіи той общей цѣли, по отношенію къ которой данная цѣль, вопросъ о народѣ, являлась только деталью, частностью, такъ сказать, случайнымъ эпизодомъ въ его сложной жизни, Толстой не могъ не понять, въ чемъ

именно заключалась его ошибка. Онъ не могъ, во первыхъ, не понять, что его скудныя книжныя знанія, схваченныя на лету, изъ университетскихъ учебниковъ или иностранныхъ авторовъ, не даютъ ему никакого просвѣта ни въ бытъ, ни въ душу народа. Во вторыхъ, онъ не могъ не почувствовать, что даже какой-нибудь Чурисенокъ, при всей своей тьмѣ, при всемъ своемъ невѣжествѣ, крѣпко стоитъ на особенномъ какомъ-то, таинственномъ камнѣ, съ котораго не сорвать его никакими словами, потому-что въ Чурисенкѣ этомъ есть что-то окончательно для него непонятное, нѣчто неразложимое, исторически скристаллизованное, нѣчто такое, что будетъ вѣчно ставить его, Толстого, въ тупикъ, пока не совершится великое чудо: пока камень народной вѣры и народнаго быта не будетъ положенъ имъ самимъ, Толстымъ, во главу угла всего его міровоззрѣнія, всѣхъ идеальныхъ его помысловъ о человѣческомъ благѣ вообще, пока не совершится преображеніе народнаго идеала въ сознательную идею высшаго, моральнаго порядка.

И дѣйствительно, хотя Толстому и «было пріятно жить въ деревнѣ съ тетушкой Ергольской», онъ стремительно бросается къ умственному центру страны, въ Петербургъ, гдѣ въ то время на небѣ журнальнаго радикализма уже замерцали первыя звѣздочки соціалъ-революціоннаго на-



родничества. Онъ кинулся туда, откуда раздавались первые демократическіе призывы, шумъ перваго набата. Конечно, и здѣсь онъ еще не знаетъ, что ему предпринять. Съ одной стороны, жажда наслажденій, въ новой обстановкѣ пестрой и волнующей столичной жизни, приводила его на старый путь увлеченія женщинами, свѣтомъ, карьерой. Съ другой стороны, двадцатилѣтній Толстой задумывается уже теперь надъ каждымъ своимъ шагомъ, все глубже проникаясь велѣніями и внушеніями своего «демона», какъ сказалъ-бы древній греческій философъ, быть можетъ, критикуя и безсознательно усложняя и новый этапъ своего народничества, и, вообще, все пережитое, все видѣнное и слышанное въ Казани, Ясной Полянѣ и Москвѣ. Точно Сократъ, стоящій среди палатокъ военнаго ла-

Л. Н. Толстой въ Яснополянскомъ паркѣ.

геря при Потидеѣ и цѣлый день и всю ночь до разсвѣта внемлющій своему внутреннему голосу, Толстой тоже уходитъ, среди бурленія окружающей жизни, внутрь себя, о чемъ-то думаетъ, чего-то ищетъ. И именно поэтому едва-ли въ какой-либо другой періодъ Толстой былъ такъ неустойчивъ, какъ въ эти три-четыре года, отдѣляющіе казанскую эпоху его жизни отъ кавказской. Описывая свое настроеніе тѣхъ дней Левенфельду, Толстой разсказывалъ: «Въ Петербургѣ мнѣ открывались двѣ дороги. Я могъ вступить въ армію, чтобы принять участіе въ венгерскомъ походѣ, и могъ закончить мои университетскія занятія». Однако, въ дѣйствительности, Толстой и въ армію не поступилъ, и не кончилъ университета. Война показалась ему, какъ говоритъ Бирюковъ, «недостаточно серьезной», а «жажда знанія», временно побѣдившая въ немъ честолюбіе, оказалась настолько широкой и неопредѣленной, что удовлетворить ее университетскими науками Толстой тоже не могъ. Уже съ первыми признаками весны въ немъ просыпается «жажда» деревни, «жажда» солнца, полей и лѣсной прохлады, и атмосфера петербургской жизни становится для него невыносимой. Онъ бросаетъ только что начатые экзамены, беретъ съ собой встрѣченнаго имъ у своихъ знакомыхъ талантливаго нѣмца, музыканта Рудольфа, очевидно, тоже чѣмъ-то удовлетворявшаго его смутную «жажду знаній», и мчится въ Ясную Поляну. «Безалаберный, самодурствующій баричъ, пустяшный малый», говорили, вѣроятно, про него многіе. А между тѣмъ, вотъ что пишетъ Толстой своему брату Сергѣю, передъ самымъ своимъ отъѣздомъ въ деревню: «Я знаю, что ты никакъ не повѣришь, чтобы я перемѣнился, скажешь: это уже въ 20-й разъ, и все изъ тебя пути нѣтъ, самый пустяшный малый,—нѣтъ, я теперь совсѣмъ иначе перемѣнился, чѣмъ прежде мѣнялся; прежде я скажу себѣ: дай-ка я перемѣнюсь, а теперь я вижу, что я перемѣнился и говорю: я перемѣнился». Дѣйствительно, несмотря на полную внѣшнюю необоснованность его внезапнаго отъѣзда въ деревню, психологическая перемѣна совершилась въ немъ огромная, и слова его въ письмѣ къ брату: «я перемѣнился»—вовсе не фраза. Теперь Толстой уже далеко не тотъ, какимъ онъ былъ, нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

На томъ-же пути.

Кутежи, карты, цыгане.— Новыя разочарованія. — Возвращеніе къ православію. — Первый замыселъ „Дѣтства“. — Будда русскаго дворянства.

ДАЛЬНѢЙШІЕ три года жизни Толстого проходятъ то въ Ясной Полянѣ, то въ Москвѣ, отличаясь все той-же неустойчивостью въ настроеніяхъ, стремленіяхъ и мысляхъ. Съ одной стороны, все тѣ-же кутежи, карты, цыгане, съ другой интенсивная внутренняя борьба со своими страстями. Крайности разгула и безпорядочныхъ увлеченій смѣняются періодами аскетизма, раскаянія и забиранія себя въ «ежовыя рукавицы». Составляются росписанія занятій и правила жизни, которыя всетаки не выполняются. Такъ, въ дневникѣ Толстого за этотъ періодъ мы находимъ такую запись: «Живу совершенно скотски, хотя и не совсѣмъ безпутно, занятія свои почти всѣ оставилъ и духомъ очень упалъ». Или другую, въ такомъ родѣ: «Вотъ причина многихъ ошибокъ: 1) Нерѣшительность, т. е. недостатокъ энергіи, 2) обманываніе самого себя, 3) торопливость, 4) fausse honte, 5) дурное расположеніе духа, 6) сбивчивость, 7) подражаніе, 8) непостоянство, 9) необдуманность».

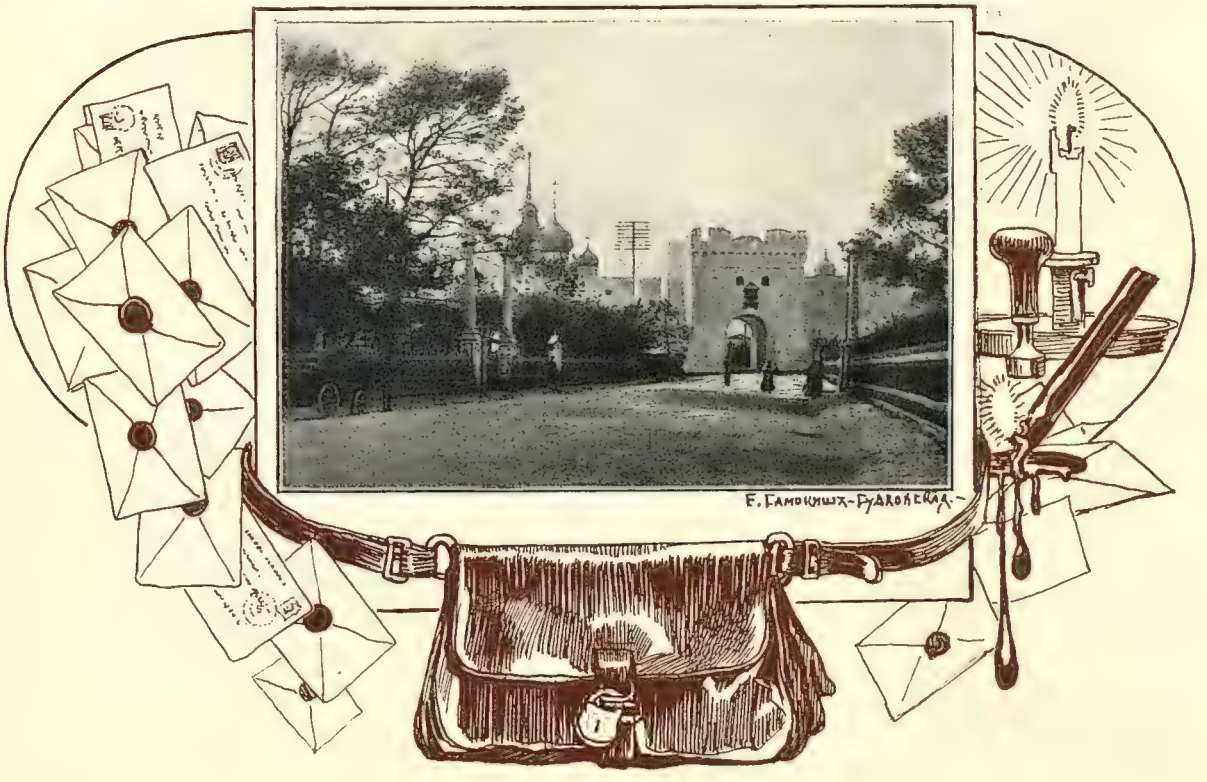
Нѣсколько лучше по настроенію зима 1850—51 г., которую Толстой почти цѣликомъ проводитъ въ Москвѣ. Въ одномъ письмѣ къ Ергольской отъ 8 Марта онъ, напримѣръ, говоритъ: «Во все время моего пребыванія

въ Москвѣ я доволенъ собой». Очевидно, что къ этому времени увлеченія его опять стали утихать. Онъ думаетъ о женитьбѣ, о полученіи мѣста. Съ другой стороны, къ игрѣ въ карты онъ начинаетъ чувствовать отвращеніе. Наконецъ, какъ это указывается въ запискахъ графини С. А. Толстой, впервые въ эту зиму 1850—51 г. въ Толстомъ просыпается серьезная мысль о писательствѣ. Такъ, онъ замышляетъ повѣсть изъ цыганскаго быта. Другой литературный замыселъ того-же времени былъ вызванъ подражаніемъ Стерну и, повидимому, представляетъ собою первоначальное зерно обработаннаго полтора года спустя «Дѣтства». Основаніе къ такому предположенію даетъ самъ Л. Н. Толстой, указавшій въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ книгѣ Бирюкова, что «Дѣтство» было написано имъ подъ вліяніемъ Стерна.

Въ эти-же годы Л. Толстой вернулся и къ внѣшней, старой своей вѣрѣ и даже опять сталъ усердно исполнять церковные обряды. Когда именно вступилъ Толстой снова на этотъ путь, покинутый имъ въ 16-лѣтнемъ возрастѣ, намъ установить съ точностью не удалось. Изъ того, что сообщаетъ П. И. Бирюковъ, видно только, что особенно усердно онъ исполнялъ обрядъ говѣнія именно въ эту рѣшительную для него весну 1851 года. Онъ даже сочинилъ цѣлую проповѣдь. Повидимому, къ осени 1850 г. мы и должны отнести начало этого новаго перехода отъ безвѣрія къ вѣрѣ. Нѣкоторое указаніе на это мы видимъ въ томъ фактѣ, что съ 1848 года Толстой совершенно не писалъ дневника. Онъ принимается за него опять только съ лѣта 1850 г., причемъ записи начинаются съ покаяній, самобичеваній и сожалѣнія о «безпутно проведенныхъ трехъ годахъ своей жизни». Очевидно, въ эти «безпутно проведенные три года» Толстой былъ всецѣло захваченъ множествомъ совсѣмъ иныхъ, новыхъ впечатлѣній, которыя дали ему Петербургъ и Москва. Думать, подъ наплывомъ этихъ новыхъ впечатлѣній, сколько-нибудь сосредоточенно о морали, о религіи, было, конечно, невозможно. Онъ разочарованъ въ «философіи», онъ весь стремится стать «положительнымъ и практическимъ человѣкомъ». «Больше всего я надѣюсь на юнкерскую службу, писалъ Л. Н. Толстой изъ Петербурга брату, она меня пріучитъ къ практической жизни». Однако, мы уже

знаемъ, что планъ стать юнкеромъ разбился тоже не о моральное или религіозное настроеніе Толстого, а объ его тогдашнее положительное убѣжденіе, что венгерскій походъ «недостаточно» серьезенъ, и что, значитъ, учиться на немъ «практичности» не стоитъ. Но самое стремленіе къ «практичности» и «положительности», конечно, продолжалось въ Толстомъ и по его возвращеніи изъ Петербурга въ Ясную Поляну. Такъ, напримѣръ, для поправленія своихъ финансовъ, онъ думалъ одно время арендовать почтовую станцію въ Тулѣ, предпринималъ шаги къ поступленію на государственную службу, собирался жениться. Само собою разумѣется, что ни одинъ изъ этихъ плановъ не осуществился. Снять станцію не удалось за недосугомъ, поступленію на службу помѣшала какая-то неисправность въ бумагахъ, а женитьбѣ—отсутствіе трехъ «положительныхъ» основаній для нея: «любви, разсудка и судьбы». Дѣло дошло до того, что, вернувшись однажды изъ Москвы въ Ясную Поляну, Толстой записалъ въ свой дневникъ: «Цѣль пріѣзда въ Москву была троякая: игра, женитьба и полученіе мѣста». Вотъ въ какой тупикъ завело Толстого его стремленіе къ «практичности», его желаніе освободиться отъ всякихъ «философій», отъ всякой религіи. И вотъ почему, дойдя до такого тупика, Толстой долженъ былъ, въ концѣ концовъ, вернуться назадъ, вернуться даже къ старымъ своимъ вѣрованіямъ. И онъ незамѣтно, въ самомъ дѣлѣ, возвращается къ нимъ, какъ раньше незамѣтно отпалъ отъ нихъ, подъ вліяніемъ философскихъ сочиненій, прочитанныхъ въ 15-лѣтнемъ возрастѣ. Несовершенный свѣтъ знанія и поверхностный житейскій опытъ оттолкнули его отъ вѣроученія дѣтскихъ лѣтъ. Разочарованіе знаніемъ и своими практическими силами вернуло его къ нему.

Однако, это возвращеніе къ вѣроученію дѣтскихъ лѣтъ лишено уже той наивной непосредственности, той дѣтской умиленности, при которой эстетическая эмоція, вызываемая религіознымъ обрядомъ, сливается съ чувствомъ морально-религіознымъ. Въ подчеркнутомъ усердіи, съ какимъ говѣетъ 22-лѣтній Толстой, въ этой проповѣди, которую онъ сочиняетъ, чув-



ствуется напряженность его религіознаго настроенія, угадывается усиліе наложеннаго на себя «послушанія». Это благочестивое въ своемъ родѣ «подвижничество», а не экстазная молитва не нуждающагося въ церковно-обрядовомъ гипнозѣ истинно-религіознаго настроенія. Не живой водой вѣры поитъ Толстого его подвигъ благочестія, а какимъ-то наркозомъ, который заглушаетъ боль израненнаго жизнью сердца. Когда Толстой въ первые годы своей казанской жизни не зналъ, во что онъ вѣрилъ, и только «не отрицалъ Бога», онъ былъ въ своей безформенной религіозности ближе къ Богу, чѣмъ въ послѣдній годъ своей жизни, въ Москвѣ, до отъѣзда на Кавказъ, когда онъ говѣлъ и сочинялъ проповѣдь. Тамъ его религіозное чувство, несмотря на внѣшнее безвѣріе, сдѣлало въ своемъ развитіи шагъ впередъ, здѣсь оно шагнуло назадъ. Именно поэтому-то и не можетъ удержать Толстого религіозность ни отъ эксцессовъ чувственности, ни отъ картъ, ни отъ цыганъ. Въ ней больше эстетики, чѣмъ морали. Среди біографическихъ матеріаловъ, собранныхъ въ книгѣ П. И. Бирюкова, приведенъ одинъ фактъ изъ московской жизни Толстого этого періода, показывающій, какимъ слабымъ якоремъ спасенія являлась для него тогда религія. Когда однажды будущій мужъ его сестры, В. П. Толстой, уѣзжалъ изъ Москвы въ

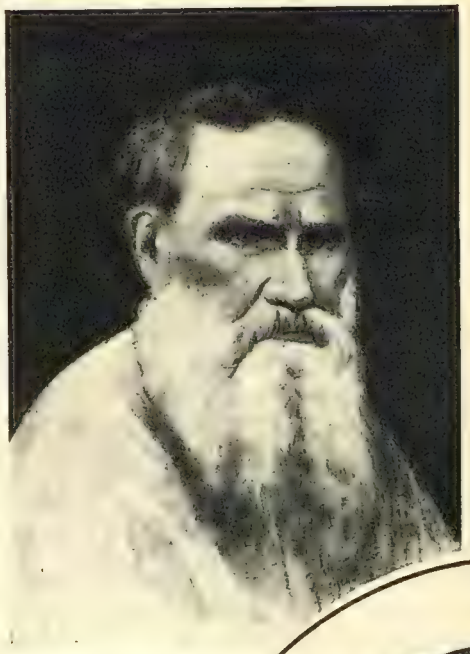
„Въ ясную поляну".

Сибирь, чтобы устроить тамъ свои дѣла передъ свадьбой, Толстой, недовольный собой, тяготясь окружающимъ, «вскочилъ къ нему въ тарантасъ, безъ шапки, въ блузѣ, и не уѣхалъ въ Сибирь, кажется, только оттого, что у него не было на головѣ шапки». Этотъ инцидентъ съ неудавшимся бѣгствомъ въ Сибирь является какъ-бы предзнаменованіемъ его близкаго отъѣзда на Кавказъ, къ которому уже толкали Толстого всѣ обстоятельства московской жизни: собственное душевное состояніе, пріѣздъ съ Кавказа любимаго брата, Николая Николаевича, сдѣланный во время игры крупный долгъ, и, наконецъ, чудесная весна, пробудившая въ немъ потребность покончить съ прошлымъ и начать новую полосу. Съ момента этого отъѣзда открывается новая эпоха въ жизни Л. Н. Толстого, эпоха возмужалой молодости и первыхъ литературныхъ успѣховъ, смѣнившая собою бурный періодъ его юности. Эпоха эта начинается съ первыхъ чиселъ Іюня 1851 года, когда Николай Николаевичъ и Левъ Николаевичъ Толстые выѣхали изъ Москвы, черезъ Казань, въ станицу Старогладковскую, къ мѣсту служенія его брата.

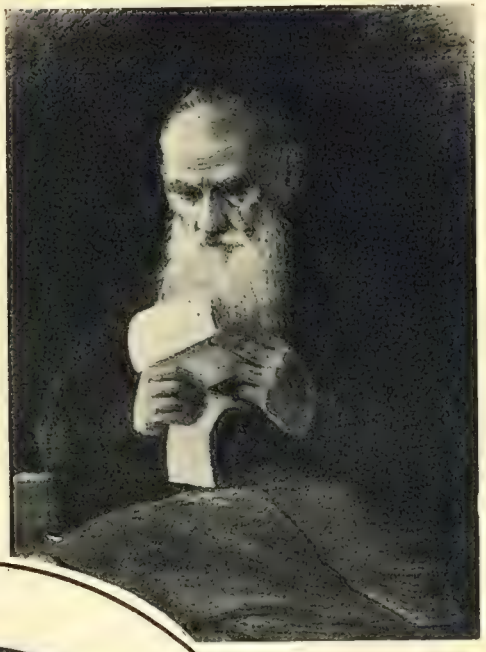
Въ этой мозаикѣ фактовъ и настроеній, которые мы прослѣдили почти шагъ за шагомъ, со дня отъѣзда Толстого изъ Казани до многозначительной его поѣздки на Кавказъ, рельефно выступаетъ одна черта. Толстой ищетъ себя, ищетъ высшей правды, ищетъ Бога. Отъ философіи бросается онъ къ разнымъ нелѣпымъ практическимъ затѣямъ—онъ хочетъ стать то гвардейскимъ юнкеромъ, то коммерсантомъ—отъ практическихъ затѣй онъ стремительно приходитъ къ еще недавно имъ самимъ отвергнутой православной церкви. Онъ говѣетъ, постится, сочиняетъ проповѣдь. Но тутъ-же онъ кидается въ потокъ свѣтскихъ наслажденій, широко и страстно играетъ въ карты. Ни въ чемъ онъ не уравновѣшенъ. Что-то иное, высшее, рѣетъ и вѣетъ надъ нимъ: надъ всѣми бурями его личныхъ страстей. Онъ уже у самой двери своего настоящаго призванія.

Таковъ этотъ молодой Будда русскаго дворянства, въ которомъ таинственно и загадочно переплелись характеры всѣхъ его трехъ братьевъ. Въ раннемъ дѣтствѣ онъ весь во власти Николая Николаевича, въ Казани онъ подражаетъ «красивому» и «гордому» Сергѣю Николаевичу, наконецъ, въ Москвѣ, вернувшись къ церкви, онъ идетъ по путямъ религіознаго Дмитрія Николаевича, по тѣмъ самымъ путямъ, которые, насмѣхаясь надъ братомъ, онъ отвергалъ въ Казани.

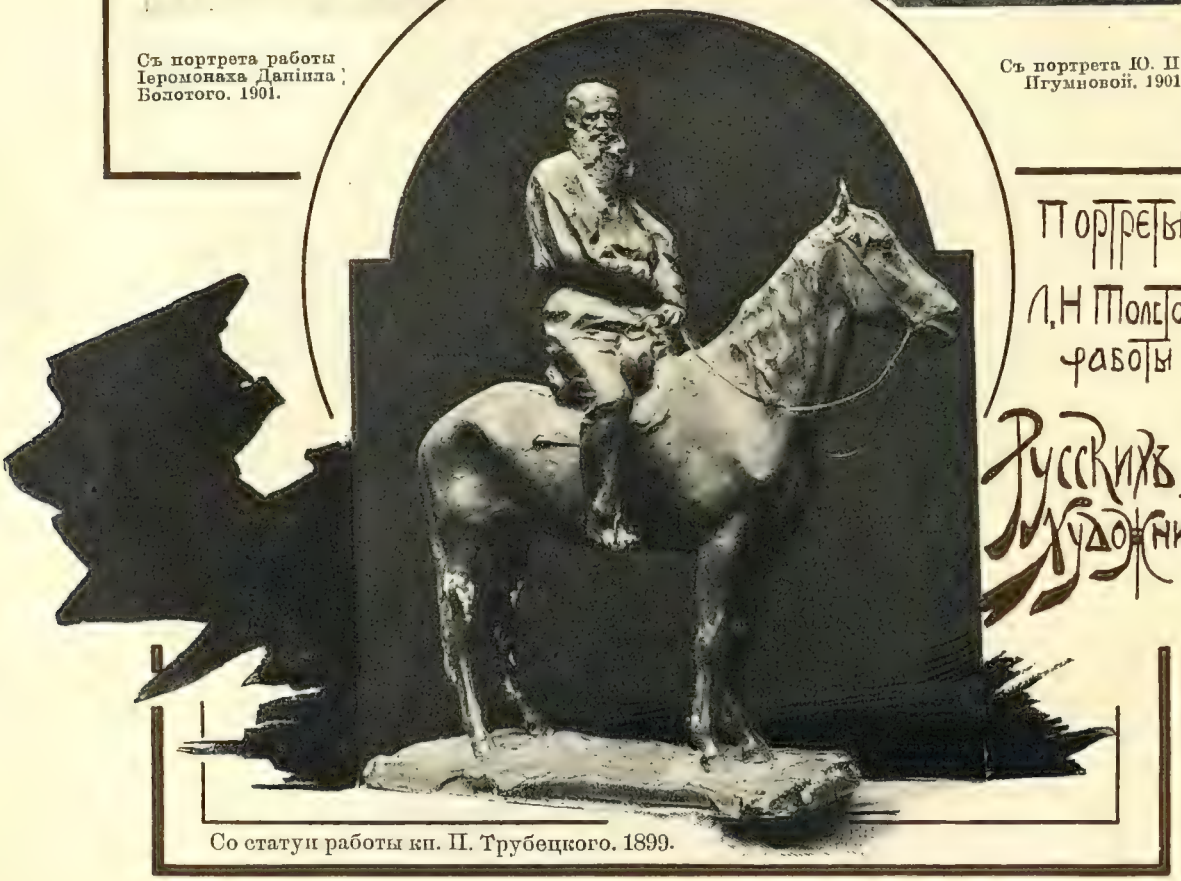
Портреты Л. Н. Толстого работы русских художников



Съ портрета работы Іеромонаха Даніила Болотого. 1901.



Съ портрета Ю. П. Игумновой. 1901.



Со статуи работы кн. П. Трубецкого. 1899.

Примѣчанія къ главамъ VIII—XIV

Къ страницѣ 70—71-ой:

Ф. И. Рессель и С-Тома. Какое значительное вліяніе должно было оказать на развитіе Л. Н. Толстого то обстоятельство, что въ Москвѣ онъ перешелъ изъ рукъ Ф. И. Ресселя въ вѣдѣніе новаго гувернера, П. А. С-Тома, видно изъ „Дѣтства и Отрочества“, въ которомъ оба эти лица послужили прообразами Карла Ивановича и St-Jérôme'a. Что это дѣйствительно такъ, можно видѣть изъ того, что Л. Н. Толстой въ своихъ воспоминаніяхъ прямо указываетъ на факты, разсказанные въ „Отрочествѣ“. Такъ, на страницахъ 94 — 95 перваго тома біографіи Толстого, составленной П. И. Бирюковымъ, мы читаемъ: „Не помню уже за что, но за что-то самое незаслуживающее наказанія, St. Thomas, во-первыхъ, заперъ меня въ комнатѣ, а потомъ угрожалъ розгой“. Ф. И. Рессель „былъ смѣшной старикъ-дядька“, сердечный и непритязательный. Онъ являлся какъ-бы членомъ семьи, дружилъ даже съ дворецкимъ и, вообще, какъ-то сливался съ атмосферой яснополянской жизни, въ своей нѣмецкой сентиментальности и нѣсколько романтическомъ складѣ души. С-Тома „напротивъ, былъ образованный, красивый, молодой щеголь, старающійся стать наравнѣ со всѣми“, тщеславный и дерзкій французъ, принимавшій какія-то ложноклассическія позы. Такъ, напримѣръ, Федоръ Ивановичъ ставилъ дѣтей „на колѣни лицомъ въ уголъ, и наказаніе состояло въ физической боли, происходившей отъ такого положенія“. А С-Тома, этотъ „французъ въ высшей степени“, „выпрямляя грудь и дѣлая величественный жестъ рукою, трагическимъ голосомъ кричалъ: „à genoux, mauvais sujet!“, приказывалъ становиться на колѣни лицомъ къ себѣ и просить прощенія. Наказаніе состояло въ униженіи“ *).

Таковы, въ общихъ чертахъ, первые два воспитателя Л. Н. Толстого. Одинъ былъ скромнымъ представителемъ идеи долга, самоотверженія, любви и доброты, другой—выразителемъ „легкомысленнаго эгоизма“, ходульнаго самолюбованія и какой-то „невѣжественной самоувѣренности“. Одинъ вліялъ на ребенка-Толстого въ направленіи нравственномъ, другой, можетъ быть, самъ того не желая, пробуждалъ таившіеся въ его душѣ инстинкты щегольства и тщеславія, то, что потомъ развернулось въ культѣ „comme il faut“. Такимъ образомъ, Федоръ Ивановичъ Рессель являлся какъ-бы добрымъ геніемъ ребенка-Толстого, а С-Тома былъ для него какъ-бы злымъ демономъ. Сестра Л. Н. Толстого, Марья Николаевна, передавала намъ, что дворня Толстыхъ, въ шутку, звала Проспера Антоновича Сенъ-Тома: „Пострѣлъ Антонычъ Сатана“!

[На поляхъ корректуры противъ данной замѣтки гр. С. А. Толстая сдѣлала слѣдующую приписку къ словамъ о „зломъ демонѣ“: „Левъ Николаевичъ отрицаетъ это. Я его спрашивала сейчасъ“].

Къ страницѣ 73-ей:

А. И. Остенъ-Сакенъ, несомнѣнно, повліяла въ свое время на впечатлительную дѣтскую душу Л. Н. Толстого. Прежде всего Александра Ильинишна, какъ указываетъ на это

*) „Дѣтство и Отрочество“, глава XVI.

самъ Левъ Николаевичъ, „не только была внѣшне религіозна, наблюдала посты, много молилась, общалась съ людьми святой жизни, каковъ былъ въ ея время старецъ Леонидъ въ Оптиной пустынѣ, но и сама жила истинно христіанской жизнью, стараясь не только избѣгать всякой роскоши и услугъ, но стараясь, сколько возможно, служить другимъ". Замѣчательная женщина эта, пережившая очень тяжелую молодость въ замужествѣ съ душевно больнымъ человѣкомъ, однажды даже чуть не застрѣлившимъ ее, была необычайно добра: „она раздавала просящимъ все, что у нея было". Наконецъ, у нея была еще одна рѣдкая для того отдаленнаго отъ насъ времени черта: „она была всегда одинаково ласкова и добра точно такъ же со всѣми важными мужчинами и дамами, какъ и съ монахинями, странниками и странницами" *).

Къ страницѣ 75-ой:

О неблестящемъ матеріальномъ положеніи семьи Толстыхъ намъ говорили и сестра Л. Н. Толстого, Марья Николаевна, и гр. Софья Андреевна. Конечно, бѣдности никогда не было въ ихъ семьѣ, но нужда, которая легко бросается въ глаза при извѣстномъ „trein de vivre", чувствовалась, и поддерживать аристократическія родственныя связи было Толстымъ не по средствамъ. Въ Ясной Полянѣ это, конечно, не бросалось въ глаза, но въ Москвѣ не замѣтить этого было нельзя. И намъ кажется, что въ „Отрочествѣ" можно найти намеки на то впечатлѣніе, которое въ этомъ смыслѣ произвела Москва на Николеньку Иртеньева, заставивъ его ощутить всю тяжесть соціальнаго неравенства, всю стѣсненность небогатыхъ людей среди богатѣйшихъ аристократовъ. Это впечатлѣніе, выхваченное Л. Н. Толстымъ изъ дѣйствительной жизни.

Къ страницѣ 76-ой:

По поводу поспѣшнаго отъѣзда семьи Толстыхъ въ Казань Марья Николавна передавала намъ, что никто изъ дѣтей (по крайней мѣрѣ, младшихъ) ему не радовался. Уѣзжая, плакали, а когда зимній „поѣздъ", въ которомъ ѣхали Толстые, остановился въ Москвѣ у Иверской и всѣ вышли изъ возковъ помолиться, сама Марья Николаевна вздумала сбѣжать—до такой степени ей не хотѣлось ѣхать въ Казань. Однако, ея во время хватились, розыскали въ толпѣ и снова водворили въ возокъ, откуда она хотѣла скрыться.

По тому-же самому вопросу, о переѣздѣ семьи Толстыхъ въ Казань, гр. С. А. Толстая, просматривая корректуру настоящаго выпуска, сдѣлала на поляхъ ея слѣдующее замѣчаніе: „Переѣздъ въ Казань былъ вынужденъ исключительно по той причинѣ, что новая опекунша Толстыхъ, тетушка Пелагея Ильинишна Юшкова, была замужемъ за Казанскимъ помѣщикомъ, Влад. Ив. Юшковымъ, который жилъ съ нею всегда въ Казани зимой, а лѣтомъ въ Казанскомъ имѣніи. Не желая оставлять мужа, Пелагея Ильинишна предпочла перевезть всѣхъ племянниковъ въ Казань".

Къ страницѣ 76—77-ой:

О половомъ чувствѣ въ развитіи Толстого въ переходную эпоху отъ дѣтства къ юности мы имѣемъ его собственное свидѣтельство въ „Отрочествѣ". Хотя личныя переживанія Л. Н. Толстого и скрыты здѣсь подъ яркими живописными красками, тѣмъ не менѣе выступающій въ нихъ біографическій фактъ остается во всей своей силѣ, вполнѣ подтверждая и нашъ анализъ, и тѣ выводы, которые мы изъ него дѣлаемъ. Такъ, въ главѣ IX-й „Дѣтства" мы находимъ намекъ на раннее пробужденіе въ ребенкѣ-Толстомъ половыхъ инстинктовъ, въ той сценѣ, гдѣ Николенька цѣлуетъ обнаженное плечо Катеньки, а въ главѣ III-й „Юности" мы читаемъ: „Въ тотъ періодъ времени, который я считаю предѣломъ отрочества и началомъ юности, основой моихъ мечтаній были четыре чувства: любовь къ ней, къ воображаемой женщинѣ, о которой я мечталъ всегда въ одномъ и томъ же смыслѣ и которую всякую минуту ожидалъ гдѣ-нибудь встрѣтить. Эта она была немножко Сонечка, немножко Маша, жена Василья, въ то время, какъ она моетъ бѣлье въ корытѣ, и немножко женщина съ жемчугами на бѣлой шеѣ, которую я видѣлъ очень давно въ театрѣ, въ ложѣ подлѣ насъ" и т. д. Различныя оттѣнки подобныхъ-же настроеній мы находимъ также въ главѣ III-й „Дѣтства" и въ другихъ мѣстахъ „Отрочества" и „Юности".

Къ страницѣ 79—80-ой:

„Нѣмыя, лунныя лѣтнія ночи", дѣйствительно, производили сильное впечатлѣніе на Л. Н. Толстого въ его ранніе юношескіе годы. Объ этомъ можно судить по слѣдующимъ строкамъ „Юности", въ главѣ „Какъ я готовлюсь къ экзамену": „А ужъ при лунномъ свѣтѣ я рѣшительно не могъ не вставать съ постели и не ложиться на окно въ палисадникъ, и, вглядываясь въ освѣщенную крышу Шапошникова дома, и стройную колокольню нашего прихода, и въ вечернюю тѣнь забора и куста, ложившуюся на дорожку садика, не могъ не просиживать такъ долго, что потомъ просыпался съ трудомъ только въ десять часовъ утра". Тоже настроеніе, еще полнѣе, выражено и въ

*) П. И. Бирюковъ; „Левъ Николаевичъ Толстой". Біографія. Т. I, стр. 98—99.

главѣ XXXII-й „Юности“, гдѣ мы встрѣчаемъ такое превосходное и замѣчательное въ автобіографическомъ смыслѣ описаніе: „Часто я находилъ большое, волнующее наслажденіе, крадучись по мокрой травѣ въ черной тѣни дома, подходить къ окну передней и, не переводя дыханія, слушать храпѣніе мальчика, покряхтыванье Фоки, полагавшаго, что никто его не слышитъ, и звукъ его старческаго голоса, долго, долго читавшаго молитвы. Наконецъ, тушилась его послѣдняя свѣчка, окно захлопывалось, я оставался совершенно одинъ и, робко оглядываясь по сторонамъ, не видно-ли гдѣ-нибудь подлѣ клумбы или подлѣ моей постели, бѣлой женщины,—рысью бѣжалъ на галлерею. И вотъ тогда-то я ложился на свою постель лицомъ къ саду, и, закрывшись сколько возможно было отъ комаровъ и летучихъ мышей, смотрѣлъ въ садъ, слушалъ звуки ночи и мечталъ о любви и счастіи“. И еще нѣсколько дальше: „И вотъ являлась о н а съ длинною черною косой, высокою грудью, всегда печальная и прекрасная, съ обнаженными руками, съ сладострастными объятіями. Она любила меня, я жертвовалъ для одной минуты ея любви всею жизнью. Но луна все выше и выше, свѣтлѣе и свѣтлѣе стояла на небѣ, пышный блескъ пруда, равномѣрно усиливающійся, какъ звукъ, становился яснѣе и яснѣе, тѣни становились чернѣе и чернѣе, свѣтъ прозрачнѣе и прозрачнѣе, и, вглядываясь и вслушиваясь во все это, что-то говорило мнѣ, что о н а съ обнаженными и пылкими объятіями—еще далеко-далеко не все счастье, что любовь къ ней далеко-далеко еще не все благо; и чѣмъ больше я смотрѣлъ на высокій, полный мѣсяцъ, тѣмъ истинная красота и благо казались мнѣ выше и выше, чище и чище, и ближе и ближе къ нему, къ источнику всего прекраснаго и благого, и слезы какой-то неудовлетворенной, но волнующей радости навертывались мнѣ на глаза“.

Къ страницѣ 80—81-ой:

К н и г а А. М. Г р е к о в а. Единственной спеціальной работой по вопросу объ этическомъ и эстетическомъ началѣ въ развитіи личности Л. Н. Толстого является мало извѣстная, изданная въ 80-хъ годахъ въ Таганрогѣ, книжка А. М. Грекова. „Графъ Л. Н. Толстой (эстетическія и этическія начала въ развитіи личности художника). Написана она, повидимому, подъ вліяніемъ критическаго этюда объ „Аннѣ Карениной“ даровитаго, рано умершаго, М. С. Громеки. Изъ новѣйшихъ попытокъ разобраться въ этомъ вопросѣ мы можемъ отмѣтить недавно выпущенную къ юбилею Л. Н. Толстого книжку проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Хотя она и не представляетъ собой спеціальной работы на указанную тему, но, при анализѣ и общей характеристикѣ личности и творчества Толстого, авторъ касается ея неоднократно.

Къ страницѣ 84-ой:

К а з а н с к і е с т а р о ж и л ы. Къ сожалѣнію изъ казанскихъ старожиловъ, которые могли-бы помнить Л. Н. Толстого въ его студенческіе годы, въ настоящее время почти никого не осталось. Нѣтъ уже въ живыхъ ни В. М. Молоствова, довольно часто встрѣчавшаго его въ свѣтѣ, ни П. Г. Осокина, ни К. А. Юшкова, ни З. М. Тилле, за которой одно время ухаживалъ Л. Н. въ Казани. Сошли, конечно, въ могилу и учитель братьевъ Толстыхъ той эпохи, студентъ Поплонскій, проф. Ивановъ, у котораго Л. Н. Толстой жилъ одно время въ Казани, и лекторъ французскаго языка де-Планьи, принимавшій вмѣстѣ съ Л. Н. Толстымъ участіе въ живой картинѣ „Предложеніе жениха“. Кое-какія свѣдѣнія отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ получилъ тридцать лѣтъ тому назадъ проф. Загоскинъ и использовалъ ихъ въ своей статьѣ „Гр. Л. Н. Толстой и его студенческіе годы“, которая была напечатана въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ за 1894 годъ. Кромѣ того, мы лично записали, тоже уже довольно много лѣтъ тому назадъ, нѣкоторыя воспоминанія о Л. Н. Толстомъ со словъ бывшей тогда еще въ живыхъ З. М. Тилле. Изъ современниковъ Л. Н. Толстого по его казанской жизни, которые могли-бы еще дать нѣкоторыя указанія, относящіяся къ той эпохѣ, остались, кажется, въ живыхъ только П. Д. Боборыкинъ, А. Н. Зарницына и Е. Н. Депрейсъ, родственница и подруга по институту З. М. Молостовой, въ замужествѣ Тилле. Кстати, упомянемъ еще, что и весь періодъ жизни Л. Н. Толстого до Казани, кажется, не имѣетъ въ настоящее время никакихъ живыхъ свидѣтелей, кромѣ его сестры, Маріи Николаевны.

Къ страницѣ 85-ой:

Р у с с о л о в с к і й, Б ж о ж о в с к і й, Я ч е в с к і й. Вспоминая свою студенческую жизнь, Л. Н. Толстой, между прочимъ, передавалъ намъ, что въ Казани онъ познакомился съ тремя поляками: Руссоловскимъ, Бжожовскимъ и Ячевскимъ. Въ лицѣ этихъ людей Толстой соприкоснулся съ совершенно новымъ для него тогда міромъ. Одинъ изъ этихъ поляковъ, высланный изъ Польши въ Казань по какому-то политическому дѣлу, былъ, по выраженію самого Л. Н., „грубый революціонеръ“, не внушавшій ему особыхъ симпатій. Зато Ячевскій—„аристократъ до мозга костей“, „изящный и корректный“ „съ длинными тонкими руками“, имѣлъ на Льва Николаевича значительное вліяніе, и Толстой даже „подражалъ ему“.

Къ страницѣ 85-ой:

Письмо Александры Николаевны Зарницыной, рожденной Арцыбашевой, къ Е. В. Молоствовой. (Доставлено намъ Е. В. Молоствовой):

„Милостивая Государыня,
Елизавета Владиміровна!

Съ удовольствіемъ сообщила-бы Вамъ все, что знаю о Львѣ Николаевичѣ Толстомъ, но, къ сожалѣнію, мои свѣдѣнія о немъ весьма ограничены, такъ какъ знакомство наше было очень кратковременно: всего впродолженіи одной зимы, когда я выѣзжала въ Казани, я встрѣчала Л. Н. и танцовала съ нимъ на балахъ; тогда онъ былъ еще студентомъ; могу сказать только, что Левъ Николаевичъ на балахъ былъ всегда разсѣянъ, танцовалъ неохотно и вообще имѣлъ видъ человѣка, мысли котораго далеко отъ окружающаго и оно его мало занимаетъ; вслѣдствіе этой разсѣянности, многія барышни находили его даже скучнымъ кавалеромъ, и едва-ли кто изъ насъ тогда думалъ, что изъ такого соннаго юноши выйдетъ такой геній, равнаго которому теперь во всей Европѣ нѣтъ! Вотъ все, что могу сообщить Вамъ о Толстомъ, и жалѣю, что не знаю ничего болѣе интереснаго о немъ.

Готовая къ услугамъ Вашимъ
А. Зарницына.

13 Января 1906 г.

Къ страницѣ 85-ой:

Полный текстъ пѣсенки „Эй, Карлуша“ сообщила намъ гр. С. А. Толстая. Вотъ онъ:

Эй, Карлуша, не робѣй,
Какъ за умъ возьмешься,
И на улицѣ своей
Праздничка дождешься!

Къ страницѣ 87-ой:

Выборъ восточнаго факультета Л. Н. Толстымъ имѣлъ какъ будто, на первый взглядъ, и практическую цѣль: онъ хотѣлъ сдѣлаться дипломатомъ. На это, между прочимъ, есть указаніе въ „Юности“, гдѣ старшій братъ Николеньки Иртеньева называетъ его „дипломатомъ“. Этимъ желаніемъ Толстого стать дипломатомъ объясняетъ его поступленіе на восточный факультетъ и П. И. Бирюковъ. Спрошенный нами лично по этому поводу, Левъ Николаевичъ подтвердилъ это обстоятельство, но согласился съ нами, что дипломатическая карьера, отвѣчавшая тогда его понятіямъ „comme il faut“, не вполнѣ, однако, отвѣчала тѣмъ внутреннимъ побужденіямъ, которыя заставили его избрать именно восточный факультетъ. Былъ мотивъ болѣе высокій. То-же самое говорила намъ и сестра Льва Николаевича, Марья Николаевна. Между прочимъ, она указала намъ на то, что удивительнымъ способностямъ Толстого къ турецкому и татарскому языкамъ удивлялся готовившій его къ университетскимъ экзаменамъ проф. Казембекъ.

Оффиціальные документы о поступленіи Л. Н. Толстого въ казанскій университетъ, о прохожденіи имъ курса и объ его успѣхахъ въ наукахъ, его прошенія о поступленіи и выходѣ изъ университета и т. д., все это можно найти въ статьѣ проф. Н. И. Загоскина „Студенческіе годы гр. Л. Н. Толстого“.

Къ страницѣ 89—90-ой:

Настроенія Л. Н. Толстого начала казанской эпохи его жизни описаны имъ два раза: въ „Юности“ и, затѣмъ, съ дидактическими цѣлями, въ „Исповѣди“. Такъ, напримѣръ, главы „Свѣтъ“, „Кутежъ“ и „Дружба съ Нехлюдовымъ“, въ „Юности“, заключаютъ много яркихъ и несомнѣнно списанныхъ съ дѣйствительности мелочей, которыя какъ-бы создаютъ живой комментарій къ „Исповѣди“. Особенно характерны слѣдующія два мѣста: „Мнѣ казалось, что каждому отдѣльно было непріятно, какъ и мнѣ, но полагая, что такое непріятное чувство испытывалъ онъ одинъ, каждый считалъ себя обязаннымъ притворяться веселымъ для того, чтобы не разстроить общаго веселья; притомъ-же странно сказать, я себя считалъ обязаннымъ къ притворству по одному тому, что въ суповую чашку влито было три бутылки шампанскаго по десяти рублей и десять бутылокъ рому по четыре рубля, что всего составляло семьдесятъ рублей, кромѣ ужина“. И далѣе: „Я продолжалъ считать своею непремѣнною обязанностью скрывать отъ всего общества Нехлюдовыхъ, и въ особенности отъ Катеньки, свои настоящія чувства и наклонности, и старался выказывать себя совершенно другимъ молодымъ человѣкомъ отъ того, какъ я былъ въ дѣйствительности, и даже такимъ, какого не могло быть въ дѣйствительности... старался казаться злымъ, насмѣшливымъ, не имѣющимъ ничего святого“ и т. д. Интересъ, который представляютъ приведенныя выписки въ біографическомъ отношеніи, тѣмъ значительнѣе, что ихъ отдѣляетъ отъ „Исповѣди“ почти тридцать лѣтъ.

Къ страницѣ 96-ой:

Вліяніе на Л. Н. Толстого его брата Дмитрія къ концу ихъ пребыванія въ Казани подтвердила намъ и сестра Льва Николаевича, Марья Николаевна. То, что Толстой приписывалъ своей тогдашней „тупости“, Марья Николаевна совершенно справедливо назвала просто „бравадой“. А „бравада“, конечно, не парализуетъ внутренняго впечатлѣнія, которое производятъ на человѣка окружающіе его люди

и событія. Даже часто напротивъ того: чѣмъ сильнѣе „бравада“, тѣмъ, значитъ, больше усилій употребляетъ человѣкъ, чтобы скрыть свои истинныя чувства. Такъ оно, повидимому, было и съ Л. Н. Толстымъ. По крайней мѣрѣ, весь характеръ его поведенія казанской эпохи позволяетъ такъ думать.

Къ страницѣ 98-ой:

О „философѣ“ „Левушкѣ“ интересныя данныя сообщила намъ Марья Николаевна. Живя во время университетскихъ вакацій въ Ясной Полянѣ, Левъ Николаевичъ, по ея словамъ, одно лѣто (вѣроятно, послѣднее передъ выходомъ изъ университета) совершенно отрѣшился отъ свѣтскаго этикета и „comme il faut“. Онъ сшилъ себѣ какой-то парусинный балахонъ, ходилъ на босу ногу въ какихъ-то туфляхъ и, вообще, проявлялъ полнѣйшее равнодушіе къ своей внѣшности. Любимымъ его занятіемъ въ то время было лежать гдѣ-нибудь въ саду, подъ кустомъ, подложивъ подъ голову старые лексиконы. Даже присутствіе въ Ясной Полянѣ гостей не могло заставить Толстого измѣнить этой привычкѣ. Однажды былъ такой случай. Пріѣхали какія-то барышни. Общество собралось въ гостиной. Левъ Николаевичъ, по обыкновенію, лежалъ или бродилъ гдѣ-то въ саду. Его хватились и послали за нимъ. И вотъ, онъ пришелъ въ гостиную въ своемъ балахонѣ и въ туфляхъ на босу ногу. Когда-же его тетушка, жившая съ ними, стала выговаривать ему за тотъ неприличный видъ, въ которомъ онъ явился, Левъ Николаевичъ весьма убѣдительно и совершенно серьезно, съ нѣкоторымъ даже раздраженіемъ, началъ ей возвражать, доказывая всю условность „всякихъ приличій“, не только не конфузясь при этомъ своего страннаго вида, но даже бравируя имъ. „Въ это время, пишетъ намъ гр. С. А. Толстая, Левъ Николаевичъ стремился быть похожимъ на Діогена, какъ онъ это самъ разсказывалъ“.

Къ страницѣ 98-ой:

Вліяніе весны на Л. Н. Толстого въ его молодые годы было всегда огромное. Цѣлый рядъ рѣшительныхъ шаговъ въ его жизни былъ совершенъ имъ весной. Весной бросаетъ Толстой казанскій университетъ и уѣзжаетъ въ Ясную Поляну. Весной покидаетъ онъ Петербургъ, свои кандидатскіе экзамены и всѣ другіе свои планы, съ которыми отправлялся туда. Весной-же отрывается онъ отъ своей беззалаберной московско-яснополянской жизни 1850—51 года и устремляется на Кавказъ. И вотъ какъ поэтически описываетъ онъ въ письмѣ къ своей теткѣ графинѣ А. А. Толстой, то могучее дѣйствіе, которое оказываетъ на него весна:

„Бабушка! Весна!..

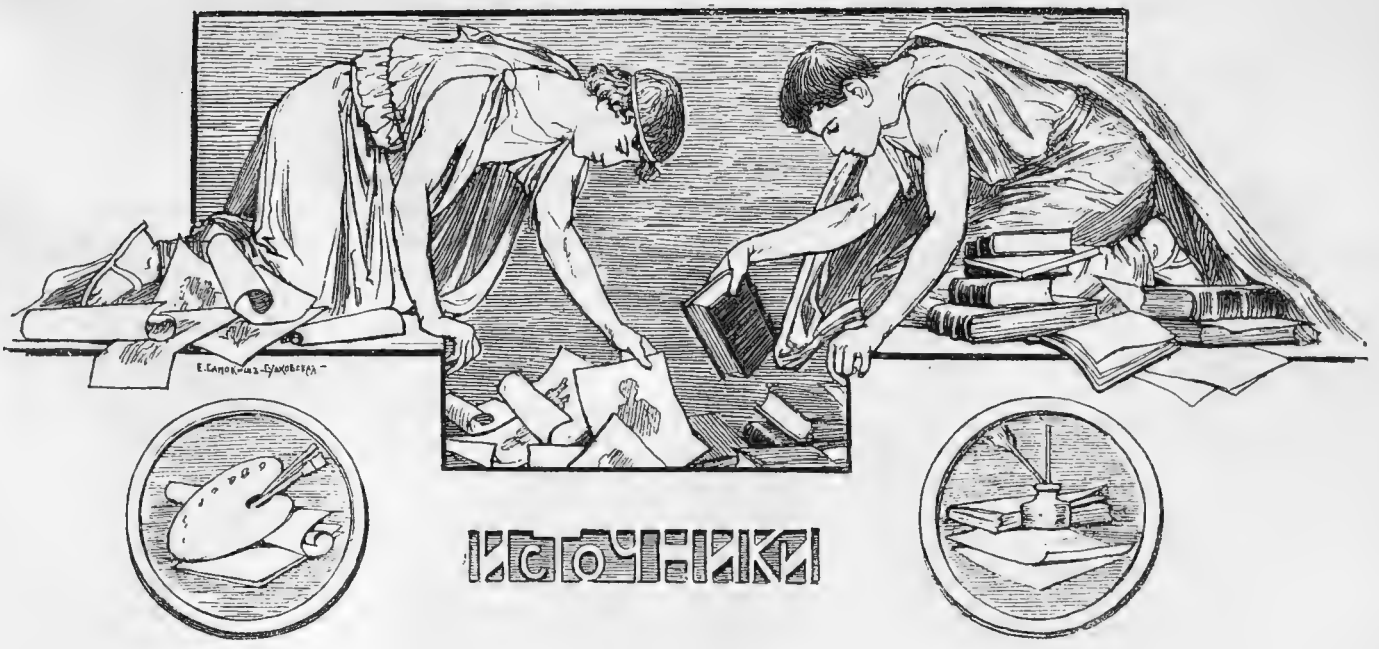
„Отлично жить на свѣтѣ хорошимъ людямъ; даже и такимъ, какъ я, хорошо бываетъ. Въ природѣ, въ воздухѣ, во всемъ — надежда, будущность, и прелестная будущность... Иногда ошибаешься и думаешь, что не одну природу ждетъ будущность и счастье, а и тебя тоже, и хорошо бываетъ. Я теперь въ такомъ состояніи; и съ свойственнымъ мнѣ эгоизмомъ тороплюсь писать вамъ о предметахъ только для меня интересныхъ. Я очень хорошо знаю, когда обсужу здраво, что я старая *), померзлая и еще подъ соусомъ свареная картофелина; но весна такъ дѣйствуетъ на меня, что я иногда застаю себя въ полномъ разгарѣ мечтаній о томъ, что я— растеніе, которое распустилось вотъ только теперь, вмѣстѣ съ другими, и станетъ спокойно, просто и радостно расти на свѣтѣ Божіемъ. По этому случаю, къ этому времени идетъ такая внутренняя переборка, очищеніе и порядокъ, какой никто, не испытавшій этого чувства, не можетъ себѣ представить. Все старое — прочь! всѣ условія свѣта, всю лѣнь, весь эгоизмъ, всѣ сожалѣнія, даже раскаянія—все прочь!.. Дайте мѣсто необыкновенному цвѣтку, который надуваетъ почки и выростаетъ вмѣстѣ съ весной“!.. **)

*) Письмо писано въ 1858 году.

**) Письмо это помѣщено въ „Воспоминаніяхъ о гр. А. А. Толстой“ Захарьина-Якунина, „Вѣстн. Европы“, 1904, іюнь.

Центральное книгохранилище Моск. Обл. Библиотеки

Библиотека имени Верхрна



Источники

1. Е. П. Турнели: Kazan et ses habitans. S.-Petersbourg. 1841.

2. „Казанскія Губернскія Вѣдомости“, 1843, № 40. 1845, № 11 и № 43. 1846, № 18.

3. „Волжскій Вѣстникъ“ за 1891—92-й гг. Характеристика казанской жизни сороковыхъ годовъ. Статьи проф. Н. П. Загоскина и другихъ.

4. Евгеній Скайлеръ: „Воспоминанія о гр. Львѣ Николаевичѣ Толстомъ“. „Русская Старина“. Октябрь. 1890.

5. В. Н. Назарьевъ: Воспоминанія. „Историческій Вѣстникъ“, 1890, кн. IX. Ноябрь.

6. Э. П. Янишевскій: Воспоминанія. „Волжскій Вѣстникъ“, 1893, № 17.

7. В. А. Полторацкій: Воспоминанія. „Историческій Вѣстникъ“, 1893, іюль.

8. Кн. Д. Д. Оболенскій: Наброски и воспоминанія. „Русскій Архивъ“, 1894.

9. „Казанскій Литературный Сборникъ“, 1878 (стр. 451—452).

10. С. К.: Біографія Л. Н. Толстого. „Волжскій Вѣстникъ“, 1892, №№ 314, 319, 322, 326, 330 и 331 и 1893, №№ 70 и 98.

11. А. А. Мартыновъ: „Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ. „Нижегородскій Листокъ“, 1898, октябрь.

12. „Петербургская Газета“, 1898, 4 ноября (№ 303): „У школьнаго товарища Л. Н. Толстого“.

13. Д. Успенскій: Архивные матеріалы. „Русская Мысль“, сентябрь, 1903.

14. Л. П. Никифоровъ: Біограф. очеркъ Л. Н. Толстого. „Курьеръ“, 1902, сентябрь.

15. Н. С—овъ: „Университетскіе старцы“. Изъ воспоминаній казанскаго студента. „Русская Старина“, 1895, № 8.

16. „Русская Мысль“, сентябрь, 1903.

17. Захарьинъ-Якунинъ: „Воспом. о гр. А. А. Толстой“. „Вѣстн. Евр.“, 1904, іюнь.

18. П. Д. Боборыкинъ: „Въ путь дорогу“. Романъ. Часть II. Характеристика казанской жизни сороковыхъ годовъ.

19. Августъ Форель: „Половой вопросъ“. Переводъ съ VI нѣмецкаго изданія М. А. Энгельгардта. С.-Петербургъ. 1907. Томъ I, глава V, стр. 97—121.

20. П. А. Сергѣенко: Рукопись.

21. З. М. Тилле: Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ, записанныя съ ея словъ Н. Г. Молоствовымъ (Рукопись).

22. Гр. М. Н. Толстая: Воспомнинанія о Л. Н. Толстомъ, записанныя съ ея словъ Н. Г. Молоствовымъ. (Рукопись).

23. Письмо А. Н. Зарницыной. (Рукопись).

24. Личныя указанія Л. Н. Толстого и гр. С. А. Толстой.

Библиотека имени Верхина

Е. Самокишъ-Судковская

— Уголокъ Ясно-Полянскаго дома.

Центральная книжная палата
Киев. Обл. Библиотеки